

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР

**ОККУЛЬТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В
XIX в.**

**И ЕГО ОТНОШЕНИЕ
К МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ**

GA 254

*Десять лекций, прочитанных в Дорнахе с 10 по 25
октября 1915 года*

Перевёл с немецкого Соломон Шнитцер

*Издано на русском: "Штайнер Р.
Оккультные движения XIX и XX столетий",
изд-во "Лонгин", 2005.*

СОДЕРЖАНИЕ

Первая лекция. Ясновидение и мышление. Символика эзотерических школ. Эксперимент спиритизма.

Вторая лекция. Теософское общество.

Третья лекция. Материализм XIX столетия. Истинные корни атомизма.

Четвертая лекция. Материализм в духовных течениях XIX века. Подмена учения о восьмой Сфере и Луне.

Пятая лекция. Восьмая Сфера.

Шестая лекция. Старое и новое ясновидение. Оживотворение эфирного тела в связи с новым явлением Христа в эфирном мире.

Седьмая лекция. Исследование жизни между смертью и новым рождением. Преобразование неиспользованных физических сил в полезные силы после смерти. Препятствия проникновению человека в духовные миры со стороны науки и религии.

Восьмая лекция. Цель работы с символами в тайных обществах. Вопрос о публикации знания, удерживаемого в тайне. Трансформация сил, примеры из мировой истории. Природо- и человеконенавистнические силы по ту сторону явления природы и душевных переживаний.

Девятая лекция. Значение исследования минерального мира для развития человека. Опасности объективного оккультизма и субъективной мистики.

Десятая лекция. Человеческое сознание между ариманическим и люциферическим миром. Преодоление заблуждений.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 10 октября 1915 г.

Если вы возьмете рассмотрения вроде тех, что проводились нами в последнее время*, вы удостоверитесь, что материалистическое мировоззрение, материалистический образ мысли царят в наше время не по человеческому произволу, а по исторической необходимости.

[*Непосредственно относится к предшествующим лекциям, в ходе которых обсуждалась брошюра Ф. фон Врангеля "Наука и Теософия" (Лейпциг, 1914). См.: Ценность мышления для удовлетворительного познания. Отношение духовной науки к естествознанию (GA164).]

Кто знаком с развитием человечества в духовном разрезе, тому известно, что, в сущности, все прежние столетия и тысячелетия являют гораздо большую причастность человечества к духовной жизни, нежели последние четыре-пять столетий. И нам известно, с каким общезначимым явлением это связано. Нам известно, что еще у первоистоков земного развития человечество располагало наследием лунного ясновидения. Надо также представлять себе, что в те первые времена земного развития это древнее ясновидение было чем-то очень важным, оно многое затрагивало, так что тогда люди могли чрезвычайно многое как бы обозревать духовно. Затем это древнее ясновидение все убывало и убывало, и наступили такие времена, когда для большей части людей способность взирать в духовный мир была утрачена, — такие времена, когда ее место применительно к человеческому душевному развитию заступила Мистерия Голгофы. Но определенный остаток древних душевных способностей человека еще оставался, и мы его находим, когда, например, обращаемся к тому, что вплоть до XIV—XV-го, даже вплоть до XVII—XVIII столетий, было естествознанием. Ибо оно было еще совершенно другим, нежели современное естествознание; это было естествознание, еще частично принимавшее во внимание если уже и не четкое имагинативное ясновидение, то по крайней мере остатки древних инспираций и интуиции, которые перерабатывались так называемыми алхимиками. Подобный алхимик, если он был честен и не исходил из эгоистичной корысти, еще работал в известном смысле со старыми инспирациями и интуициями. За внешними хлопотами в нем еще действовали, хотя уже без особых познаний, древние остатки ясновидения. Но число таких людей, располагавших остатками древнего ясновидения, все убывало. Я уже часто указывал на то, что эти ясновидческие остатки очень легко могут быть извлечены из человеческого нутра в форме атавистически-визионерского ясновидения. Мы уже с разных сторон показывали, как в наше время может выступить это атавистически-визионерское ясновидение.

Из всего этого вы можете заключить, что, чем больше в развитии человечества мы приближаемся к нашему времени, тем чаще мы сталкиваемся с убыванием душевных сил и преобладанием склонности человеческой души к наблюдению внешнего, чувственного мира. Это подготавливалось постепенно, и в XIX веке достигло поистине своей кульминации — как раз в середине XIX века. Насколько это малопонятно нашим современникам, слабо интересующимся настоящим вопросом, настолько же очевидным станет в будущем, что по части материалистических наклонностей во второй половине XIX века — точнее, в середине XIX века — была достигнута высшая точка. Тогда развились накрепчайшие материалистические склонности. Но ведь каждая склонность ведет к тому, что одновременно вырабатываются определенные таланты. Ведь величие и сила, явленные в материалистическом научном методе, покоятся на том, что тогда всплыли эти наклонности души придерживаться внешнего, чувственного мира.

Но мы должны то, что нам досталось в качестве определенного момента в развитии человечества, помыслить в сопровождении другого явления. Когда переносишься в духе к прадревним временам духовного развития человечества, то обнаруживается, что именно по отношению к духовному познанию люди тогда находились в относительно счастливом положении. Многие, почти все, знали о духовном мире благодаря непосредственному его созерцанию. Как современные люди воспринимают минералы, растения и животных, как воспринимают звуки и краски, так эти люди знали о духовном мире. Причем они знали этот духовный мир совершенно конкретно, так что в эти древние времена, собственно, не было тех, кто в тот период времени, когда полнота бодрствования относительно внешнего, чувственного мира сменялась сумерками сна или сновидения, не вступал бы в контакт со связанными с ним в жизни умершими. Человек мог во время бодрствования общаться с живыми, а в состоянии сна и сновидения — с умершими. Само собой, учение о бессмертии души было в те прадревние времена человечества совершенно излишним — как в наше время доказывать, что существуют растения. Представьте себе, что кому-нибудь вздумалось сегодня доказывать, что растения существуют. Примерно то же самое было бы в те прадревние времена, если кому-нибудь вздумалось бы доказывать, что существует жизнь души после смерти.

Эту способность присутствия в духовном мире человечество постепенно утратило. Конечно, кое-кто еще развивал ясновидение, используя существовавшие тогда возможности, — весьма специфическое ясновидение. Но это становилось все труднее. Как же развивали в эти старые времена специфическое ясновидение? Видите ли, если, к примеру, еще в наши дни вживаются в философию Платона или в то, что дошло до нас от Гераклита, то к этим философиям, особенно к представителям древнейшей греческой философии, надо подходить совершенно иначе, чем к философии последующих времен. Попробуйте разок прочесть первую главу "Загадок философии", где я показываю, как эти старые философы — Фалес и Парменид, Анаксимен и Гераклит — еще привязаны к своему темпераменту. Об этом никто

прежде не писал. Это впервые было представлено в моей книге "Загадки философии". Однако еще много воды утечет, прежде чем написанное там будет принято. Но дело не в этом. Вплоть до Платона включительно возникает чувство, что предлагаемая философия еще объемлет всего человека. У Аристотеля уже все совсем не так. От его трудов складывается ощущение, что имеешь дело как бы с ученым — с профессором философии. Поэтому для понимания Платона требуется что-то большее, нежели современный философ обычно может привнести со своей стороны. И по этой причине между Платоном и Аристотелем разверзается некая бездна. Аристотель — уже ученый в современном смысле слова, а Платон — последний философ в древнегреческом понимании слова — философ, у которого еще уцелело что-то из живых понятий. И покамест имеешь такую философию, связь с духовным миром еще не потеряна, — и так оно продолжалось долго, вплоть до Средневековья. А Средневековье не стало развивать философию дальше, а переняло аристотелевскую философию. И для своего времени это было хорошо — до поры до времени просто перенять эту аристотелевскую философию. И платоновская философия тоже была перенята.

А поскольку в древние времена имелись, по меньшей мере, задатки определенного ясновидения, то имело место нечто весьма знаменательное, когда давали подействовать на себя такой философии. В наше время философия воздействует только на голову, только на мышление. Потому многие и сторонятся философии, что не любят думать. И поскольку никаких сенсаций не предполагается, философию не хотят изучать. А старая философия с ее великой животворной силой, когда ее вмещала душа человека, оплодотворяла наличествовавшие остатки ясновидения. Платоновская философия еще была такой и, собственно, даже аристотелевская. Обе не были еще такими абстрактными, как современная философия, они еще оплодотворяли задатки ясновидения. И выходило так, что люди, отдававшиеся такой философии, оплодотворяли свои ясновидческие задатки, остававшиеся в ином случае ниже необходимого уровня. Так рождался видящий. А поскольку человеку — и философии в том числе — надо было изучать физический мир, а в нем только то, что имело значение для одного лишь физического плана, причем роль его возрастала и возрастала, человек все больше и больше удалялся от остатков древнего ясновидения. Человек уже не дотягивался до него. Все труднее становилось сделаться видящим. Это снова стало возможным с появлением нового пригодного для человечества метода, начало которому положено книгой "Как достигнуть познания высших миров?"

Так что, вы видите, все опускается вначале вниз, чтобы дойти до определенного материалистического периода, который, как мы видели, можно сказать, достигает своей наибольшей глубины в середине XIX столетия. Не подлежит сомнению: отношения становятся все труднее и труднее, но нити, связующие современность с прежними импульсами развития человечества, не должны быть разорваны.

На графике линия развития ясновидения выглядела бы так:

Здесь ясновидение (желтый) еще в полном расцвете, оно исчезает все больше и больше (зеленый); здесь у нас середина XIX столетия — низжайшая точка — и отсюда должно начаться восхождение.

Но если взять теперь понимание духовного мира... да, понимание духовного мира есть опять-таки нечто другое, нежели ясновидение. Так же, как наука по отношению к миру есть нечто другое, нежели простое восприятие посредством внешних чувств, так и ясновидение отличается от обычного понимания происходящего. Выходило так, что большая часть людей довольствовалась видением и не имела повода к многомыслию: все было заложено в самом видении. И все же мышление все больше развивалось. Так что линию размышления о духовных мирах можно начертить так (см. рисунок выше): это была бы линия созерцания, линия видения: $a-b$, а это была бы линия мышления: $c-d$.

В древние ясновидческие времена человек был занят своим видением, а мышление находилось как бы в подсознании. Древний видящий не размышлял. Ему все давалось непосредственно через видение. Только в период с III по IV тысячелетия до Р.Х. мышление впервые проникло в видение. Это был период расцвета индийской, персидской, египетско-халдейской, а также самой древней греческой культуры — период расцвета, когда человеческая душа сочетала еще совершенно свежее мышление с созерцанием. Мышление тогда еще не было таким призрачным, как в наше время. Тогда человек имел и великие, всеобъемлющие понятия и вдобавок созерцание. Что-то в этом роде, хотя и в весьма ослабленном виде, было, к примеру, особенно сродни видящим, основавшим самофракийские Мистерии и принесшим туда великое, монументальное учение о четырех Богах — **Аксиеросе, Аксиокерсоне, Аксиокерсе** и **Кадмиллосе**. Это великое, монументальное учение о четырех Богах-Кабирах, некогда существовавшее на фракийском острове Самос — в Самофракии — было таково, что посвященные в него обретали некоторые великие понятия и могли связать с ними то, что имелось в наличии в качестве результатов древнего видения. Возможно нам еще представится случай описать эти вещи подробнее*.

[*См.: "Духовно-научные разъяснения к гётевскому "Фаусту", том II., GA 273; кроме того: "Формирование мистерий", GA 232.]

А затем мы видим, что ясновидение как бы погружается за порог сознания. Становилось все труднее извлечь видение из душевных глубин. Но, естественно, кое-какие понятия могли быть удержаны и даже развиты дальше — вот и пришло такое время, когда появились посвященные, не имевшие нужды быть необходимым образом видящими; итак, заметьте как следует: посвященные, которым не надо было в нужной мере быть видящими.

В определенных местах, где эти посвященные имели свои группы — в инициатических школах, — просто воспринимали отчасти

уцелевшее от древних времен, о чем было сказано выше, также отчасти воспринималось и то, что исходило от людей, имевших еще атавистические задатки ясновидения. Убежденность рождалась отчасти благодаря исторической традиции, отчасти — посредством экспериментов. Убеждали себя в истинности того, о чем думали. Но постепенно в этих объединениях оставалось все меньше людей, которые еще могли проникать взором в духовный мир, и все больше таких, кто располагали теорией духовного мира и могли выражать его в символах и тому подобных вещах.

Задумайтесь только однажды о том, что должно было по этой причине произойти в середине XIX столетия, когда материалистические склонности людей достигли наибольшей глубины. Конечно, имелись люди, знавшие, что существует духовный мир, а также о том, что именно наличествует в духовном мире, но никогда не видели его. Причем именно выдающиеся знающие в XIX веке были такими людьми, которые как раз ничего не видели в духовном мире, а знали, что существует духовный мир, и могли размышлять о духовном мире, могли находить новые истины с помощью определенных методов — с помощью определенного символизма, который сохранялся в древних традициях. Приведем пример: допустим, кто-то рисует человека; из этого рисунка вряд ли можно извлечь что-нибудь особенное. Но если нарисовать человеческий образ с головою льва, а рядом другой — с головою быка, тогда наученный интерпретировать такого рода вещи очень много извлечет из такого символического представления. Или если нарисовать быка с человеческим туловищем или льва с человеческим туловищем, то посвященный в подобные вещи может очень многому из них научиться. Такого рода символы рисовались очень часто, и существовали серьезные объединения людей, занятых изучением этого символического языка, о котором я больше не буду распространяться, но скажу только, что эти символы очень строго охранялись в школах посвященных и никогда не сообщались тем, кто не брал обязательства молчать об этих вещах. Чтобы быть подлинно знающим, было достаточно вообще знать только этот символический язык, то есть знать определенный символический шифр.

Так что положение дел в середине XIX столетия было таково, что хотя подавляющая часть человечества, именно цивилизованного человечества, имела материалистические склонности, глубоко в подсознании у них хранился весь багаж созерцания в духовном. Но существовало большое число людей, которые знали, что духовный мир существует, которым было известно, что подобно тому, как мы окружены атмосферой, так же мы окружены и духовным миром. Но эти люди несли бремя ответственности, ибо в доказательстве существования духовного мира они не могли опереться на какую-то непосредственно наличествующую способность, притом что они не хотели, чтобы мир там снаружи погряз в своих материалистических склонностях. Итак, посвященные в XIX столетии оказались в совершенно особой ситуации — ситуации, в связи с которой они могли сказать себе: следует ли нам хранить в узких кругах, кругах наших единомышленников, то, что нам досталось от старых времен, и должны ли мы созерцать, как все человечество погружается в материализм

вместе со всей своей культурой и философией? Должны ли мы созерцать это? Они не должны были созерцать это оком постороннего, особенно те из них, кто эти вещи принимали совершенно серьезно.

Случилось так, что в середине XIX столетия посвященные, употребляя в своем кругу слова "экзотерики" и "эзотерики", придавали им несколько иное значение, нежели они имели в прежние времена. Оккультисты тоже разделялись на две партии — на экзотериков и эзотериков. Если заимствовать сравнение из области современного парламентаризма, что, конечно же, не очень пригодно для этих целей, то экзотериков можно сравнить с парламентскими левыми, а эзотериков — с правыми. Эзотериками были именно те, кто строго придерживались той точки зрения, что в общественность не должно проникнуть ничего из составляющего священную традицию, а также в общественность не должно проникнуть ничего из того, что могло бы привести мыслящего человека к проникновению в символический язык. Стало быть, можно сказать, что эзотерики были своего рода консерваторами среди оккультистов. А экзотерики — можно спросить, кто такие экзотерики? Это, собственно, те, кто хотели сделать экзотеричным часть эзотерического знания. В сущности, экзотерики отличались от эзотериков только своей готовностью внимать чувству ответственности и обнаруживать часть эзотерического знания.

В те времена действительно имела место широкая дискуссия, о которой внешний мир совершенно ничего не знал, причем именно в середине XIX столетия эта дискуссия была особенно напряженной — гораздо более напряженной, нежели парламентские схватки между консерваторами и либералами. Эзотерики отстаивали ту точку зрения, согласно которой познания о духовном мире могут быть переданы только тем, кто брал на себя строжайший обет молчания и хотел принадлежать к определенному обществу. А экзотерики говорили: в таком случае эти люди — те, кто не принадлежат такому обществу, не присоединились к такому союзу, — погрузятся в материализм.

И таким образом экзотерики проторили путь, и сегодня я могу вам сказать: тот путь, коим мы следуем сегодня, проторили тогдашние экзотерики. Путь, по которому мы идем, это тот самый путь, который проторили экзотерики, желавшие популяризации определенной части эзотерического знания. Вы также видите, как в нашей работе мы часто опираемся на то, что может быть найдено в популярных источниках, так что подъем в духовные миры происходит постепенно.

В середине XIX века дело не зашло еще столь далеко, чтобы равновесие было нарушено. Разумеется, в такого рода кругах речь не шла о разногласиях. Поэтому нужно понимать скорее символически, когда говоришь: при первых разногласиях победили эзотерики, а экзотерики вынуждены были примкнуть. Общество непобедимо, когда придерживается старых добрых заповедей о внутреннем единстве. Только в новейшее время дело зашло так далеко, что член общества может быть исключен или сам выходит из него. Раньше такого не было, потому что понимали, что такое братское единение. Поэтому самоочевидно, что экзотерикам не оставалось ничего другого, кроме как примкнуть. Но на них оставался груз ответственности —

ответственности в отношении всего человечества. Они чувствовали себя в некотором роде стражами эволюции. Это лежало на их плечах, и вышло так, что при первом же разногласии, если позволительно еще раз употребить это слово, они не остались при нем, но сделали шаг — я опять употреблю одно слово, заимствованное из внешнего мира, в символическом смысле — к тому, что называется компромисс, к своего рода компромиссу. Это означает следующее.

Эзотерики говорили себе: настоятельно необходимо, чтобы все человечество постигло, что существует не только материя и не только материальные законы, исключаящие духовное в нашем окружении, необходимо, чтобы все человечество постигло, что как мы окружены материальным, так мы окружены духовным, и что человек есть не только то, что мы обнаруживаем, когда воспринимаем его нашими материальными чувствами, но он несет в себе нечто духовно-душевной природы. Надо даровать человечеству возможность познать нечто подобное. В этом все были едины, это и составляло компромисс.

Но пустить в ход эзотерические знания — к этому эзотерики XIX столетия не были готовы. Эзотерические знания могли быть встречены с пренебрежением. Поэтому надо было дать возможность другому методу вступить в мир. Как это произошло — это запутанная история. Я часто об этом говорил; а именно, основывая какую-нибудь новую ветвь*, я часто говорил о происходящих в таких случаях фактах.

[* Главным образом на начальной стадии Антропософского движения — примерно в 1904—1905 гг. См.: Р. Штейнер "Материалы эзотерической школы. 1904—1914 гг.", GA 264].

Также говорилось: обнародовать эзотерическое знание — этого мы не хотим; но мы хотим при этом взять в расчет материализм нашего времени. В некотором роде это был обоснованный тезис, из которого исходили именно эзотерики. Ибо когда мы постоянно видим, как в наше время эзотерическое знание подчас встречается в штыки, то мы с пониманием и сочувствием относимся к тогдашним эзотерикам, говорившим: мы и слышать не хотим ни о каком обнародовании эзотерических знаний. Надо только проникнуться тем, что можно постоянно наблюдать, как публикация эзотерических знаний ведет как раз к пагубным последствиям и как получающие эзотерические познания сами создают помехи и препятствия к распространению этих эзотерических познаний. Об этом последние недели мы много говорили*.

[* Относится к внутренним разногласиям в Антропософском обществе, имевшим место в период этих лекций.]

Такого рода возникающие помехи и препятствия еще слишком мало принимаются во внимание. Приходится поистине пережить наихудшее, когда дело доходит до обнародования эзотерического знания. При самой доброй воле помочь кому-нибудь хотя бы и в самых элементарных вещах возникают пагубные последствия! Вы не поверите, сколь часто это повторяется, когда даешь кому-то тот или иной совет. А совет ему не нравится.

Когда во внешнем мире говорят, что оккультист, действующий в этой манере, располагает огромным авторитетом, то это только болтовня. Проходят только те советы, которые нравятся. А когда дается совет, который не нравится, то он не принимается. Люди начинают угрожать и говорят: если ты не дашь мне другого совета, ничего хорошего из этого не выйдет. Доходит дело до угроз, а за всем этим стоит только то, что сказанное данному человеку подходит. Но поскольку он хотел бы получить что-то другое, то он говорит: я уже достаточно долго ждал, теперь скажи мне, что происходит! Это ему было уже давным-давно сказано, но это ему не нравится. Он не может остановиться и заканчивает тем, что тот, чьим фанатичным приверженцем он был, становится ему злейшим врагом. Он ждал именно совета, который хотел услышать, а получив другое, нежели ему хотелось получить, превращается в злейшего врага. Так что как раз наше время учит нас тому, что не так-то просто осуждать эзотериков, говоривших, что они не допустят популяризации эзотерических истин.

В итоге, в середине XIX века до подобной популяризации дело не дошло, а хотелось воздать должное материалистическим наклонностям эпохи. Да, трудно выразить то, что тогда говорилось, я могу подобрать только слова, которые тогда не были произнесены, но они верны по сути. Эзотерик тогда говорил: какое мне дело до этого человечества! Вы можете долго говорить ему об эзотерических учениях, а меня и вас будут только высмеивать. В лучшем случае вы приобретете одних легковых — легковых женщин, несколько менее легковых мужчин, но тех, кто придерживаются науки, — их вам не приобрести. Вы должны считаться с наклонностями своего времени!

Результатом явилось то, что была сделана попытка отыскать такой метод, благодаря которому человек обратил бы внимание на духовный мир, причем такой метод, который работал бы с материалистической наглядностью, вроде того факта, что у преступника задние доли малого мозга не закрыты или закрыты только частично*.

[* По Морицу Бенедикту ("Анатомические исследования мозга преступника", 1878). Как раз об этом Рудольф Штайнер подробно говорил в предыдущей лекции от 9 октября 1915 г.]

Так дошло до того, что общественности совершенно сознательно был предъявлен медиумизм. В некотором роде медиумы были агентами тех, кто таким путем хотел привести людей к убеждению в существовании духовного мира, ибо через медиумов можно было собственными внешними глазами видеть то, что исходило из духовного мира, — ведь медиумы несли нечто, что могло быть явлено на физическом плане. Медиумизм был средством преподнести людям факт существования духовного мира. На этом сошлись и экзотерики и эзотерики — в покровительстве медиумизму, чтобы пойти навстречу своей эпохе.

Возьмите — ибо в известном отношении это весьма недурно — то, что господин фон Врангель пишет на странице 41 своей брошюры: "Достаточно вспомнить имена Цолльнера, Валласа, дю Преля, Крукса, Бутлерова, Роша, Оливера Лоджа, Фламариона, Морселли,

Скиапарелли, Охоровича, Джеймса и других". Благодаря чему они пришли к убеждению в существовании духовного мира? Благодаря тому, что они получали вести из духовного мира и, может быть, восприняли их. Но все, что проистекает из духовного мира и из мира посвященных, — это поначалу, собственно, опыт над человечеством. Сначала надо обязательно проверить, созрели ли для этого люди. Так что покровительство медиумизму, спиритизму — в некотором роде эксперимент. И этот эксперимент был, собственно, такого рода, что они — и экзотерики и эзотерики — могли только сказать, что найден компромисс: мы хотим увидеть, что из этого выйдет. И что же из этого вышло?

Большая часть медиумов сообщала о мире, где обитают умершие. Прочтите по данному поводу соответствующую литературу. То, что из этого вышло, было для посвященных в высшей степени огорчительным. Произошло наихудшее из того, что можно было ожидать.

Ибо, видите ли, можно было ожидать двух вещей. Первым было бы: люди используют медиумов. Медиумы нечто сообщают. То, что они сообщают, они могут отнести только к обычному окружающему миру, который ведь в своем чувственном элементе содержит также и духовный. И теперь люди ждут, что медиумы раскроют разные тайные законы природы, элементарные законы природы. Ничего другого поначалу и не могло произойти — по причине, вытекающей из следующего.

Мы знаем, что человек состоит из физического тела, эфирного тела, астрального тела и "Я". Так что собственно человек от засыпания до пробуждения находится в своем "Я" и в астральном теле. Но это одновременно есть также тот мир, в котором находятся умершие. А медиум, который вот здесь сидит, это не есть некое "Я" и астральное тело. У медиума, который здесь сидит, понижено "Я"-сознание, а также астральное сознание; как раз физическое и эфирное тела в этом случае особенно импульсируются. Благодаря этому становится возможна связь с гипнотизером или с инспиратором, а также с другим человеком. Тогда на медиума может воздействовать "Я" другого человека, а также его окружение. Собственно, медиуму не хватает возможности вступить в царство умерших, ибо у него как раз выключено то, что наличествует в области умерших. Так что медиумизм не срабатывает. Медиумы якобы приносят сообщения именно из того царства, где находятся умершие. Так что становится ясным, что этот эксперимент неотделим от распространения великого заблуждения. В один прекрасный день можно было сказать, что этот путь привел человека к заблуждению, ибо он ввел его в чисто люциферическое учение, связанное с чисто ариманическими наблюдениями. Итак, распространилось некое заблуждение, и ничего хорошего из этого не могло произойти. Постепенно это становилось все более очевидным.

Теперь вы видите, что была предпринята попытка взять в расчет материалистические наклонности эпохи и тем не менее дать людям осознать, что вокруг них существует духовный мир. Но, как мы видели, этот путь поначалу привел к заблуждению. Из сказанного вы можете заключить, насколько велика была необходимость действительно пойти

по другому пути. Это начало пути, чтобы часть эзотерического знания действительно сделать экзотерическим, должно быть пройдено, и человек должен по нему пройти лично, даже если пагубные последствия будут множиться. И тот факт, что мы изучаем именно духовную науку, есть, так сказать, признание необходимости провести в жизнь тот принцип, который занимал экзотериков середины XIX столетия. Метод и устремления изучаемой нами духовной науки те же самые — провести этот принцип определенным образом в жизнь, честно провести.

Но из всего этого вы можете сделать вывод, что материализм — это не то, о чем можно нести всякую чушь, а то, относительно чего следует понять необходимость его возникновения, особенно его кульминации, или, если хотите, его нижнего точки, в середине XIX века. Начались же эти вещи задолго до указанного момента — за три, четыре, пять столетий до него. Тогда упомянутые духовные наклонности людей все больше погружались в подсознание. Так что середина XIX столетия была только высшей точкой этого погружения. Но существовала также необходимость, чтобы чисто материалистические таланты людей вырабатывались без препятствий со стороны оккультных способностей. Такой материалистический философ, как Кант — материалистический философ с точки зрения идеалистов XIX века (вы можете об этом прочесть в моей книге "Загадки философии") — был бы невозможен, если бы оккультные способности не отступили. Когда одни способности отступают, человек вырабатывает другие.

Но если определенные способности, таланты направлены во внешний мир, другие идут внутренним путем. Поэтому названные три, четыре, пять столетий материалистического развития — они не были потеряны для духовного развития человечества. Духовное продолжало развиваться под порогом сознания; и когда будет усвоено указанное мной при обсуждении брошюры господина фон Врангеля — касательно того, что именуется сновидческим, — вы натолкнетесь на ваши дремлющие и ждущие своего раскрытия оккультные способности. Они здесь, они обильно наличествуют в душе человека, они должны быть только извлечены, но извлечены правильным образом.

Вот что я должен был сказать в первую очередь, чтобы завтра перейти к вопросу о том, какие перспективы открываются в области отношений между живыми и умершими, когда принимают во внимание, насколько очевидно фальшивым было то направление, которое возникло из компромисса экзотериков и эзотериков. Именно чтобы проникнуть в существо настоящего компромисса относительно названной стороны, а затем указать на его связи с материалистическим методом, мы должны приступить к рассмотрению вопроса о жизни и смерти.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 11 октября 1915 г.

Наши сегодняшние рассмотрения обусловлены вчерашними, и поскольку придется, с вашего позволения, смешивать персональное и содержательное, я решил, тщательно все взвесив, что будет правильным рассмотреть вчерашнее более подробно.

Я хотел бы исходить из совершенно определенного переживания, связанного с нашим движением. Вы ведь знаете: с внешней стороны наше движение началось с того, что мы примкнули — но примкнули совершенно внешним образом — к так называемому Теософскому обществу и что мы основали осенью 1902 года в Берлине так называемую немецкую секцию в рамках Теософского общества. Затем в 1904 году мы посетили разные города Германии по приглашению видных членов Теософского общества*.

[* По приглашению Рудольфа Штайнера в сентябре 1904 г. Анни Безант в сопровождении друзей провела лекционный тур по городам Германии.]

На время этого посещения попадает то переживание, из которого я буду исходить. Тогда, весной 1904 года, уже вышла моя книга "Теософия" и был основан журнал "Люцифер-Гнозис". В нем я уже успел напечатать несколько статей о проблемах Атлантиды и Атлантической эпохи [*См.: "Из хроники Акаша" GA11].

И тогда же то, что было опубликовано из этих статей в "Люцифер-Гнозисе", появилось отдельным изданием под название "Наши атлантические предки". Вы, наверно, помните, что эти статьи содержат определенные сообщения о положении дел в атлантическом мире; а в "Люцифер-Гнозисе" к ним прибавились сообщения о положении дел в так называемую лемурийскую эпоху. Так что появилось много статей такого рода, и как раз, когда с нами было много членов Теософского общества, была закончена одна из таких тетрадок, содержащая важные сообщения, и разослана абонентам. Это было как раз в те дни, когда присутствовали упомянутые теософы. Одна очень влиятельная персона из Теософского общества* ознакомилась с содержанием этой тетради, содержащей сообщения об атлантическом мире, и задала мне вопрос. И этот вопрос как раз и есть то примечательное переживание, о котором я упоминал в связи со вчерашним.

[*Бертрам Кейтли, английский теософ.]

Этот член Теософского общества, который во времена, когда это общество основывалось Блаватской, участвовал во всех перипетиях первоначального становления и был целиком захвачен проблемами Теософского общества, прочитав сообщения об атлантическом мире,

задал мне вопрос: каким образом, собственно, появились эти сообщения об атлантическом мире? Этот вопрос заключал в себе очень многое и очень важное, ибо до сих пор этот член общества знал только один способ, с помощью которого такие сообщения возникали в Теософском обществе. Они возникали именно благодаря тому, что в Теософском обществе пришли к своего рода медиумическому исследованию. Сообщения, публиковавшиеся в то время в Теософском обществе, опирались на исследования, которые в известном отношении имели что-то общее с медиумическим исследованием. Это значило, что некая личность приводилась в некое медиумическое состояние — нельзя сказать транс, но в своего рода медиумическое состояние, — и при этом создавались условия, которые давали возможность этой личности, находившейся в измененном состоянии сознания, делать сообщения о том, чего невозможно достигнуть обычным сознанием. Таким способом в те времена приходили эти сообщения, и упомянутый член Теософского общества подразумевал, что сообщения о доисторических событиях могут быть добыты только на этом пути, и потому спрашивал, какую же личность мы имеем среди нас, кого мы используем в качестве медиума в такого рода исследованиях.

Поскольку я отклонял такого рода исследования и строго стоял на почве индивидуального исследования, а также поскольку и в упомянутом случае все было добыто исключительно моими личными усилиями, то упомянутая персона меня вообще не поняла. Она не поняла, в чем суть дела, не поняла, что речь идет о чем-то другом, нежели то, что до сих пор делалось в Теософском обществе. Но таков был предначертанный мне путь: отклонить считавшееся ранее исследовательским путем и, хотя бы и средствами сверхчувственного созерцания, но исследовать, учитывая только то, что в качестве откровения может быть дано исключительно личности, она же личность исследователя.

После всего того, что внесено мной в духовное движение, перестало быть возможным что-либо другое, кроме того, что я строжайшим образом часто описывал вам в качестве несомненно необходимого исследовательского метода по отношению к современному миру и современному человечеству. Вы видите, насколько велик разрыв между исследовательским методом духовной науки и путями, по которым следует Теософское общество. Ибо все, что оно имеет в качестве сообщений из духовного мира, — к примеру, книга Скотта-Эллиота об Атлантиде*, — целиком и полностью добыто описанными выше способами, поскольку они считались основоположными, поскольку только их рассматривали как единственно объективные. В этом отношении введение нашего духовно-научного направления по сравнению с методами Теософского общества было с самого начала чем-то совершенно новым. Это было что-то, целиком и полностью считавшееся с современными научными методами, которые настолько прорабатывались далее, что с ними можно было проникнуть в духовные области.

[* "История Атлантиды", 1896 (немецкий перевод: "Атлантида по оккультным источникам").]

Именно такое обсуждение очень важно. Оно имело место в 1904 году и показало, что есть огромное различие между направлением духовной науки и направлением Теософского общества; то, что мы имеем в духовной науке, тогда не существовало, а Теософское общество просто продолжало направление, происшедшее из компромисса между экзотериками и эзотериками. В целом все это необходимый результат хода эволюции, как я уже говорил вчера. Я сказал: ясновидение постепенно прекращалось, и были только отдельные случаи видения, имевшие медиумическую основу, из которой хоть что-то можно было почерпнуть. И вот, строился так называемый оккультный орден, который имел как раз множество посвященных и ни одного видящего. Этим посвященным постепенно пришлось в первый раз вырабатывать методы — вроде тех, что уже давно были в ходу в материалистическую эпоху, — и им приходилось впервые апробировать исследовательский инструментарий тем, что происходил поиск таких личностей, у которых были развиты медиумические способности, то есть атавистическое ясновидение, чтобы к чему-то прийти. Имелось развернутое учение, а также символы. Но если нужно было настоящее исследование, то указывалось, что необходимо призвать на помощь личности с атавистическим ясновидением. Подобные методы в то время были продолжены в известной степени Теософским обществом, и компромисс, о котором я говорил вчера, заключался по сути ни в чем другом, как в том, что в ложах, в чьих рамках разные ордена проделывали подобные эксперименты, с помощью которых духовные влияния проецировались в мир, могли или хотели показать людям: воздействия из духовного мира на человека существуют.

Так было выставлено напоказ то, что делалось в эзотерических школах. Этот эксперимент потерпел фиаско. Ибо когда ожидалось, что благодаря медиумам выйдут наружу подлинные духовные законы, господствующие в нашем окружении, удалось достигнуть только того, что почти все медиумы впали в заблуждение: то, что им сообщается, происходит от умерших; так что сами медиумы стремились свои сообщения приписывать миру усопших. Это привело к совершенно определенному результату. Когда самые старые среди нас припомнят первые времена Теософского движения и литературу, возникшую под влиянием Теософского общества, они смогут подтвердить, что астральный мир, то есть мир непосредственно последующий за смертью, по описанию г-жи Безант, есть только повторение того, что содержится в "Тайной доктрине" Блаватской*, или же того, что можно прочесть в книгах Ледбитера. Это было источником всего, что сообщалось о жизни человека между смертью и новым рождением.

[* "Тайная доктрина", 1888 (нем. перев. 1889).]

Если вы сравните это с тем, что я должен был сказать о стране душ и о стране духов в моей "Теософии", — сначала это хотели просто отвергнуть, но, думаю, что теперь найдется достаточно людей, способных размышлять об этом объективно, — то вы найдете очевидное отличие, именно по той причине, что исследовательские методы и в этой области сильно различаются. Ибо все методы исследования, которыми располагало Теософское общество, сводились к методу, о

котором я уже говорил; и такие же методы применялись для исследования жизни умерших.

Итак, вы видите, поначалу Теософское общество предложило миру то, что было в известном отношении продолжением эксперимента оккультистов. А в каком отношении это было чем-то другим, мы сейчас разберем. Но в целом это было продолжением эксперимента, который уже с середины XIX столетия являлся результатом компромисса между экзотериками и эзотериками; только позднее, благодаря Теософскому обществу, все это стало несколько более эзотеричным. И если ранее делалась попытка напрямую представить медиума миру, то члены Теософского общества проделывали это только в замкнутом кругу, а затем сообщали лишь результаты. В этом коренное различие, ибо все сводилось к исследовательскому методу, который был повсеместно принят в разных орденах до середины XIX столетия. Мне следует это подчеркнуть, так как я должен резко акцентировать, что с появлением нашего духовнонаучного движения в оккультное движение было введено нечто совершенно новое, абсолютно согласованное с методами современной науки.

Можно сказать: компромисс между экзотериками и эзотериками с целью убедить посредством разных медиумов материалистический мир в том, что духовный мир существует, потерпел фиаско. Это фиаско заключалось в том, что медиумы все время говорили о некоем мире, который при их возможностях был им недоступен, — о мире умерших. Они говорили о посланиях, полученных из мира, где жили умершие. И дело обстояло так, что и эзотерики, и экзотерики увидели, что задуманный эксперимент приводил к другим результатам.

И чем же это закончилось? Я имею в виду, что, собственно, показал этот примечательный эксперимент, результат описанного компромисса? Стало ясно, что определенного рода посвященные вырвали инициативу из рук участников этого компромисса. Посвященные крайне левого крыла оккупировали это движение, протекционировавшееся так, как я вам это описывал. Они добились огромного влияния, ибо то, что исходило от медиумов, не имело никакого отношения к миру умерших, а приходило из мира живых, которые и были одновременно инициаторами этого и которые входили с медиумами в дальний и близкий раппорт. Поэтому все, что исходило от этих инициаторов и медиумов, имело окраску теорий, проводившихся ими в жизнь. Экзотерики и эзотерики, заключившие компромисс, хотели открыть глаза людям: смотрите, духовный мир — он здесь! Вот что они хотели принести людям. Но те, кто хотел перехватить пальму первенства, завладели и этими, предельно левыми оккультистами и попытались сообщить миру свои теории, свои воззрения посредством посредников (медиумов), если позволительно применить такую тавтологию.

Так что для тех, кто на благо человечеству заключили упомянутый компромисс, это стало просто фатальным. Они все больше и больше ощущали, что в мире будет возрастать количество ложных учений о сверхчувственном. Таково было положение в развитии оккультизма

примерно в 40—50-х годах, даже еще 60-х годах минувшего XIX столетия.

Но теперь в кругах мыслящих честных оккультистов возникла фатальная ситуация. Ибо чем левее оккультист, тем менее он озабочен нести в мир то, что он может принести, — а именно человечески общезначимое. "Левые" в оккультизме — это те, кто хотят достигнуть своей конечной цели с помощью оккультных учений. Парламентские* "правые" в оккультизме — те, кто навязывают исключительно собственную волю. "Центристы" — это те, кто эзотерическое, необходимое в наше время всем людям, хотят сделать экзотерическим. А крайне левые — это те, кто свои особые цели увязывают с тем, что они распространяют в качестве оккультного учения. Левыми бывают в той мере, в какой преследуют особые цели, то есть ведут в духовный мир, преподносят разные сообщения из духовного мира и неправомерным образом насаждают то, что должно служить только реализации подобных собственных целей. Вот перед каким положением вещей стояло водительство современных посвященных. Они видели, что инициатива находится в руках тех, кто преследует собственные особые цели. С таким положением дел столкнулись экзотерики и эзотерики, заключившие упомянутый компромисс.

[*В западных парламентах того времени "левые" — это либералы и демократы, а "правые" — консерваторы. — Примеч. перев.]

Разнесся слух — возможно, это слово не очень удачно выбрано, поскольку мы связаны внешними возможностями языка, а оккультисты между собой могут употреблять нечто иное, нежели внешний язык, — что предстоит важное событие в продолжение духовного развития на земле, и это событие я попытаюсь описать следующим образом. При использовании исследовательских методов в отдельных орденах вплоть до самых недавних времен старались как можно меньше пользоваться медиумами-женщинами. В самых строгих орденах, стремившихся быть наиболее ортодоксальными, вообще не пользовались женщинами-медиумами для снискания откровений из духовного мира.

Но дело в том, что женский организм по своей конституции более приспособлен к атактистическому ясновидению, чем мужской. Когда мужчины-медиумы стояли на грани вымирания, медиумы-женщины еще имелись, и использовалось большое количество женщин-медиумов при упомянутом компромиссе. Но теперь в поле зрения оккультистов появилась в высшей степени медиумическая личность. Это была г-жа Е.П. Блаватская — личность, в высшей степени пригодная приносить очень, очень многое из духовного мира благодаря подсознательным членам своего организма. Теперь уясним себе, какая, собственно, благодаря этому возникла возможность для мира. Именно в наиважнейший момент оккультного развития эпохи в мир вступила личность, которая благодаря особой конституции была одарена всеми возможностями с помощью своих подсознательных способностей переносить из духовного мира самые разнообразные сообщения.

Оккультист, размышлявший тогда о своей эпохе, должен был сказать себе так: вот в нужный момент появляется такая личность,

которая благодаря своеобразной конституции организма может принести убедительнейшее доказательство древнейшей традиции, данной нам только в виде символов. Это был наиярчайший случай, когда явилась такая личность, которая просто благодаря собственной конституции могла снова доказать то, что уже долгое время было известно только из традиции. И перед этим фактом были поставлены как раз после описанного фиаско, когда все зашло в тупик. Это мы должны хорошенько усвоить: в случае Блаватской мы имеем дело с такой личностью, из которой можно было извлекать оккультные истины, как из лейденской банки извлекаются электрические искры.

Я опущу многие подробности, поскольку в противном случае это заняло бы много времени, но самое важное я должен сказать. Все дело в том, что это был поистине важный момент, существо которого я выражу несколько символически, хотя это вполне будет соответствовать фактам. Оккультисты правого крыла вкупе с центристами, то есть заключившие компромисс, могли сказать себе: очень может быть, что благодаря этой личности произойдет нечто весьма значительное. А оккультисты левого крыла могли сказать себе: очень может быть, что с помощью этой личности мы добьемся чего-то ускоренным путем! И тогда завязалась настоящая борьба вокруг этой личности — с одной стороны, с честными намерениями, чтобы подтвердить то многое, что было известно посвященным, а с другой — с мощными собственными устремлениями.

Я часто указывал на первый период жизни Е.П. Блаватской, показывая, что на самом деле сначала была сделана попытка получить от нее многое. Но положение в относительно короткий срок сильно изменилось, и вышло так, что Е.П. Блаватская относительно быстро оказалась в сфере тех, кто принадлежал левому крылу. И хотя Е.П. Блаватская очень хорошо знала, что она может созерцать сама, ее особенная значимость состояла в том, что она была не просто пассивным медиумом, она также имела очень цепкую память на предмет сообщаемого ей из высших миров, но в целом определенные личности должны были все же иметь на нее влияние, когда она хотела получить сообщения из духовного мира. Поэтому она постоянно ссылалась на то, что должно было оставаться, собственно, не названным, — на Махатм*. Они могут стоять за кулисами, но незримо, когда речь идет об импульсировании человечества.

[* Индо-теософский эрзац термина "Мастер". См.: Материалы эзотерической школы. 1904—1914 гг. GA 264.]

Таким образом очень скоро Е.П. Блаватская была поставлена перед решением. С одной стороны, на левом фланге прознали, что она является важной персоной. Сама она хорошо понимала то, что созерцала, но истинного значения своей личности она не знала. И это было ей впервые раскрыто со стороны левых. Но по своей натуре она была исконно честным существом и попробовала поначалу, когда разнеслись слухи о ней на той стороне, которая вряд ли могла ей сначала понравиться — именно по той причине, что она была исконно честной натурой, — со своей стороны заключить своего рода компромисс с неким оккультным братством в Европе. Из этого могло

произойти что-то необычайно прекрасное, ибо она благодаря своему огромному медиумическому дару могла бы поистине делать феноменально значимые сообщения по части того, что посвященные знали только теоретически и исходя из своего символизма. Но она была не только изначально честной натурой, но еще и тем, что немцы зовут "дерзкой девчонкой". Такой она и была.

В её характере была одна капитальная черта, которая бывает особенно свойственна лицам, склонным к медиумичности: а именно, неадекватность во внешних проявлениях. Так что моментами она могла быть очень дерзкой. И в один из таких моментов она поставила невыполнимые условия оккультному братству, с которым она заключила договор на проведение эксперимента. И хотя она знала, что благодаря ей еще многое может быть совершено, она решила сотрудничать еще и с другим братством. Так она вступила в одно американское братство. Это американское братство было такого рода, где большинство постоянно лавировало между правыми и левыми, но каждый раз стояло перед возможностью получить нечто необычайно значительное касательно духовного мира.

На это время приходится интенсивное вмешательство со стороны других левостоящих братьев. Эти братья левого крыла уже тогда имели свои частные интересы. Я не стану об этих частных интересах особенно распространяться. Если возникнет необходимость, мы сможем об этом в будущем поговорить. Пока что достаточно сказать, что это были братья, имевшие частные интересы, в первую очередь сильные политические интересы, и домогавшиеся возможности делать в Америке политику при помощи людей, которых сначала препарировали оккультным образом. Сотрудничая с названной американской ложей, Е.П. Блаватская накопила большой запас оккультных истин, и все же настал момент, когда она была исключена из этой ложи, так как раскрылось, что тут замешаны политические мотивы. Атак не могло продолжаться далее.

Сложилась поистине тяжелая ситуация, необычайно тяжелая. Ибо то, что было предпринято со стороны серьезных оккультистов, дабы указать миру на существование духовного мира, должно было быть, в некотором роде, отозвано, поскольку эксперимент потерпел фиаско. Надо было показать, что ничего из присущего спиритизму не существует, хотя последний приобрел много сторонников. Все это было просто материализмом и поверхностным дилетантизмом. Спиритизмом увлекались только такие ученые, которые рассчитывали получить вести из духовного мира чисто материалистическим образом. Кроме того, Блаватская при своем уходе объявила американской ложе, что она никоим образом не собирается скрывать от мира то, что ей известно, а ей было известно многое, поскольку она умела запоминать то, что ей являлось в медиумическом состоянии. На это ей хватило дерзости!

В таких случаях, как говорится, добрый совет дорог. Что оставалось делать? И тогда произошло нечто такое, о чем я уже говорил, подходя с разных сторон; часть из того — я сегодня остановлюсь на этом — я уже говорил*.

[* Например, в 1911 г. в цикле "Земной и космический человек" (лекц. 1) (GA133); в 1912 г. в цикле "Человек в свете оккультизма, теософии и философии" (лекц. 7 и 10) (GA137); в 1912/13 гг. в цикле "Связь человека с элементарным миром" (две беседы для русских) (GA 158). Также позднее Рудольф Штайнер говорил о закулисной истории Блаватской — например, в 1916 г. в цикле "Настоящее и прошедшее в человеческом духе" (GA 167) и в пятитомной серии лекций "Космическая и человеческая история" (GA №170-174), а также в 1923 г. в цикле "История и условия Антропософского движения в их отношении к Антропософскому обществу" (GA 258).]

И тогда произошло то, что в оккультизме называется: "оккультное заточение". Е.П. Блаватская была подвергнута оккультному заточению*. Оно состояло в том, что благодаря определенным приемам, которые доступны только известным братьям — а такие позволяли себе только братства, пускавшие в ход недозволенные искусства, — так что благодаря определенным искусствам и манипуляциям Е.П. Блаватскую на какое-то время оставили жить в мире, который отражал вовнутрь все ее оккультные познания.

[* Об этом Рудольф Штайнер говорит повторно в берлинских лекциях "Настоящее и прошедшее в человеческом духе" (GA 167).]

Если вы себе представите, что вот это — разумеется, символически нарисованная — Блаватская, а в ее ауре — оккультные познания, то через определенные процедуры происходит так, что в течение длительного времени, все, что живет в этой ауре, отбрасывается в душу. Так что все, чем она располагала благодаря оккультным познаниям, должно быть заперто; оно должно быть отрезано от внешнего мира и от ее оккультизма.

Это имело место в то время, когда Е.П.Б.* могла стать поистине опасной, распространяя вещи, в высшей степени интересные на горизонте оккультного движения. И теперь ими завладели определенные индийские оккультисты, которые, со своей стороны, заметно склонялись к левому крылу и в первую очередь были заинтересованы в том, чтобы оккультизм, который через Е.П.Б. мог прийти в мир, так переиначить, чтобы он мог там действовать в духе особых интересов этих индийских оккультистов. Трудami этих индийских оккультистов, знавших соответствующие приемы, было достигнуто ее освобождение из этого заточения, так что она снова стала свободной и теперь могла снова нормально использовать свои духовные силы, которые больше не отбрасывались вовнутрь.

[* Этими тремя буквами обозначала себя сама Елена Петровна Блаватская, и так было принято в Теософском обществе.]

Из этого вы можете усмотреть, как много, в сущности, происходило в этой душе и из какой мозаики было составлено то, что благодаря этой личности пришло в мир. Но по причине того, что известные индийские оккультисты приобрели заслугу ее освобождения из заточения, они держали ее в некотором роде в своих руках и невозможно было ничего поделаться против того, что эти индийские оккультисты использовали личность Блаватской, чтобы дать в мире ход той части оккультизма, которая была им сродни. Из этого вышло нечто весьма примечательное. Грубо выражаясь, они ее заставили плясать под свою дудку, и суть этого я мог бы выразить следующими словами: индийские оккультисты хотели противопоставить особым интересам, которые были у других, свои собственные особые интересы и использовали для этого г-жу Блаватскую. Е.П.Б. было предписано получать извне влияния: медиумическое настроение должно было у нее всегда импульсироваться извне. И благодаря этому стало также возможно провести через нее в мир разные вещи.

Примерно в это время произошло объединение Е.П.Б. с той личностью, которая, в сущности, сначала не имела прямых теософских интересов, но была одарена замечательным организационным талантом, — а именно с Олькоттом. Я не могу сказать определенно, но мне кажется, что известная связь уже имела место в те времена, когда Е.П.Б. еще принадлежала американской ложе. Тогда в духовном кругозоре Е.П.Б. оказалась одна личность, в известной степени под маской прежней индивидуальности, которая была главным образом носителем того, что предполагалось пересадить из Индии в широкий мир. Кое-кому из вас может быть известно, что именно полковник Олькотт в своей книге "Люди из другого мира" [*Вышла в 1875 г. в Хартфорде (США)] много писал об этой индивидуальности, которая теперь оказалась в духовном кругозоре Е.П.Б. под маской некоей прежней индивидуальности, обозначаемой как Махатма Кут Хуми*.

[* Махатмой или Мастером Кут Хуми Блаватская обозначала своего первоначального Мастера, на место которого позднее заступила неизвестная ей другая персона. Об этом Рудольф Штайнер уже говорил в лекции от 1 августа 1915 г. (GA 162). Ср. также Беседы для русских (Гельсингфорс, 11 апреля 1912 г., в цикле лекций "Связь человека с элементарным миром", GA 158).]

Возможно, вам известно, что Олькотт очень много написал об этом Махатме Кут Хуми, в частности о том, что в 1874 году этот Махатма Кут Хуми изрек нечто по поводу того, какая индивидуальность в нем жила. Выходило, что его звали, собственно, Джон Кинг, а это была индивидуальность знаменитого пирата XVII столетия. Так и написано в книге "Люди из другого мира" полковника Олькотта. Так что в Махатме Кут Хуми мы имеем дело с духом знаменитого пирата XVII столетия, который в XIX столетии покровительствовал там, где надо было покровительствовать важным феноменам с помощью медиума Е.П.Б., а также и других. Он предьявлял чайные чашки, а также разные документы из могилы умершего отца Е.П.Б. и много, много других доказательств. Так что, согласно высказываниям полковника Олькотта, надо было принять, что и на самом деле в XVII столетии существовал блистательный пират.

Далее полковник Олькотт говорит весьма примечательные вещи об этом Джоне Кинге*. Он говорит, что, возможно, имеют дело вовсе не с духом этого пирата, а с креатурой некоего ордена, который наличествует зримым образом среди физических людей, тогда как его результирующее намерение зависит от незримого ордена.

[* На с. 453 1-го английского издания сказано буквально следующее: "С тех пор, как я познакомился с этой интересной Дамой и наблюдал чудеса, которые постоянно происходят в ее присутствии, так что фактически как бы окунаешься в атмосферу изумления, я был близок к вере, что восточные истории о чудесах — это просто описание фактов и что этот очень американский по природе прорыв духовных феноменов стоит под контролем некоего ордена, который хотя по своим результатам указывает на незримых посредников, тем не менее существует здесь, на Земле среди людей". Еще одно дополнительное замечание прибавлено Олькоттом: "В первый же вечер, который я провел в Филадельфии, я имел посредством перестукиваний очень длинную беседу с Духом, который утверждал, что он есть тот самый Джон Кинг. Кем бы он ни был еще — пиратом ли Морганом, или Понтием Пилатом, Колумбом или Зороастром, — это был самый деятельный и самый мощный Дух во всем современном спиритизме. И в этой стране (в Америке) и в Европе мы читаем о его тактильных проявлениях, о его речевых манифестациях, о его волшебном искусстве, о его письменных манифестациях и о его материализациях. Его видели в семействе Кун в Огайо, видели в Нью-Йорке, у Вильямсов в Лондоне и среди медиумов во Франции и Германии. Г-жа Блаватская повстречалась с ним четырнадцать лет тому назад в России и в Черкесии (Кавказ), говорила с ним и встречала его в Египте и в Индии. Я сам встретился с ним в Лондоне в 1870 году, и у меня создалось впечатление, что он с легкостью может говорить на любом языке".]

Итак, Махатма Кут Хуми был членом некоего ордена, который во время его жизни занимался описанными мной вещами и хотел сообщить их миру окольными путями через Е.П.Б., но все это было связано со всевозможными особыми интересами. Они заключались в том, что этот орден чувствовал себя призванным распространять преимущественно индийское учение. Таково было положение вещей в 70-е годы XIX столетия. Относительно того времени можно наблюдать очень значительные процессы, но их надо осмысливать, держа перед глазами весь ход оккультного движения. Да и сам Джон Кинг вызывает книги Синнетта, осаждая тексты из воздуха* — как его первую книгу "Письма об оккультном мире"**, так и его же "Эзотерический буддизм".

[* Процесс, согласно Синнетту, происходил следующим образом: Мастер писал письмо обычным способом, затем оно дематериализовывалось и в дематериализованном состоянии направлялось волевой силой в определенное место, где снова материализовывалось и в качестве "телепортированного" неожиданно падало из воздуха.]

[** "Оккультный мир", Лондон, 1882; "Эзотерический буддизм" (нем. перевод "Эзотерическое учение или Тайный буддизм", Лейпциг, 1884).]

Эта книга — "Эзотерический буддизм" — попала мне в руки, собственно, почти сразу после своего появления, спустя несколько недель, и я смог тогда по этой книге понять, какие прилагаются усилия с определенной стороны, чтобы придать духовному учению совершенно материалистическую форму. Если вы в свете накопленного в ходе времени запаса знаний прочтете "Эзотерический буддизм", вы будете поражены теми материалистическими формами, в которых преподносится содержание книги. Читатели имеют дело с наихудшими формами материализма. Духовный мир представлен там именно совершенно материалистически. Любой, кому только попадается в этой книге "Эзотерический буддизм", не может преодолеть материализм. Сама материя там поистине очень утончена, но с книгой Синнетта невозможно преодолеть материальное, особенно когда оно такое липкое. Так что дело было не только в том, что нынешние податели духовной пищи из окружения Е.П.Б. — простите мне это материалистическое сравнение — не только имели особые интересы индийской направленности, но также шли на уступки материалистическому духу времени. А в какой мере им удавались эти спекуляции, можно судить по тому влиянию, которое книга Синнетта оказала на столь многих людей. Я знавал одного естествоиспытателя, который был восхищен книгой Синнетта, потому что все в нее укладывалось без трений и при этом можно было еще думать о каком-то духовном мире. Эта книга шла навстречу всем потребностям материализма и давала возможность удовлетворить также и потребность в духовном мире, признать существование некоего духовного мира.

Вы знаете, что в ходе дальнейшего развития указанного процесса Е.П.Б. — это был конец 80-х годов XIX столетия — написала свою "Тайную доктрину", а затем в 1891 году умерла. Эта "Тайная доктрина" целиком выдержана в том же ключе, что и "Эзотерический буддизм", хотя грубейшие ошибки, которые любой оккультист мог бы сразу исправить, в "Тайной доктрине" были устранены. Я уже часто говорил об особенностях этой "Тайной доктрины" Блаватской, так что мне нет нужды повторяться в этой связи. Затем на базе того, что возникло таким образом, было основано Теософское общество, и оно, в сущности, не теряло своего индийского характера, хотя уже и не в той мере, как под влиянием Джона Кинга; но индийское влияние, индийская окраска сохранялась все время. Следовательно, то, что я вам сейчас описал, было неким новым путем, который весьма считался с материализмом своего времени, но был пригоден указать человечеству, что люди имеют дело с неким духовным миром, а не просто с внешним материальным миром.

К тому, что я вам сейчас рассказал, можно было бы присовокупить множество подробностей, но у нас нет для этого времени. И сейчас я должен перейти к тому, чтобы показать вам, как наше духовно-научное движение, как мы его именуем, должно вписаться в то движение, которое тогда наличествовало.

Вы знаете, что в октябре 1902 года нами была основана немецкая секция Теософского общества. Причем я, начиная с зимы 1900 года, а также зимой 1901 года, прочел в Берлине несколько лекций, которые можно было бы назвать теософскими, ибо они были прочитаны в кругу берлинских теософов, пригласивших меня прочесть эти лекции. Из первых лекций впоследствии составила́сь книга "Мистика на заре современной духовной жизни". Они были прочитаны в Теософском обществе, членом которого я в то время не был. Нам надо не упускать из вида, что речь шла о широко распространенном учении — об учении, которое должно было направлять людей в сторону духовного мира. Во всем мире существовали подготовленные люди, которые хотели что-нибудь узнать о духовном мире. О том, что я вам сегодня рассказывал, эти люди не знали, не имели об этом никакого понятия. Они обладали честной тягой к духовному миру и исходя из такого устремления включались в то духовное движение, которое могло удовлетворить эту тягу. Так что в такого рода движениях можно было встретить сердца, которые алкали познания духовного мира.

Что касается дальнейшего, то, как вы знаете, мне в гротескно уморительной форме был брошен упрек, что я неожиданно переметнулся к мировоззрению совершенно иному относительно выраженного в моей книге "Миро- и жизневоззрения в XIX столетии"*.

Первая часть книги появилась в феврале 1900 года, а вторая часть — в октябре 1900 года.

[*1-й том — 1900 г.. 2-й том — 1901 г. Расширенное новое издание вышло в 1914 г. под названием "Загадки философии" (GA 18).]

Мне был брошен упрек, что я переметнулся к теософскому направлению. Я вам уже часто рассказывал, что дело было совсем не в том, что, к примеру, книга Синнетта попала мне в руки сразу после ее выхода, а в том, что я имел близкие отношения с только зарождавшимся венским Теософским обществом. Вы должны сравнить даты; и мне хотелось бы еще раз вкратце дать вам возможность на эту, так сказать, предысторию немецкой секции взглянуть открытым, объективным образом. В ней были люди, которые тосковали по духовному миру, и в их кругу я читал лекции. Это были лекции о мистике и о мистиках, которые я читал в маленьком зале библиотеки графа Броккдорфа. Я сам тогда еще не состоял в обществе. Предисловие к печатному изданию этих лекций датировано сентябрем 1901 года. Так что я тогда, зимой 1900/1901 года, прочел эти лекции, летом 1901 года собрал их, а в сентябре появилась книга под названием "Мистика на заре современной духовной жизни".

Вам нужно обратить внимание на первые слова из предисловия к этой книге. Я хочу их вам прочитать:

"То, что я предлагаю в этой книге, сначала составляло содержание лекций, прочитанных мной в Берлине в теософской библиотеке. Графиня и граф Броккдорф попросили меня рассказать о мистике перед слушателями, для которых эти вещи были важным жизненным вопросом. Еще 10 лет назад я бы не решился исполнить подобное желание; не потому, что тот мир идей, который я сегодня пытаюсь

выразить, еще не жил во мне, этот мир идей уже целиком содержался в моей "Философии свободы" (Берлин, 1894). Чтобы высказать этот мир идей так, как я это делаю сегодня, и положить их в основу размышлений, как это делается в данной книге, для этого надо еще нечто другое, чем незыблемая убежденность в их мыслительной истинности. Сюда относится интимное обхождение с этим миром идей, которое потребовало многих лет жизни. И только теперь, после того как я сроднился с таким обхождением, решаюсь я говорить так, как это имеет место в настоящей книге".

Теперь вы можете понять, почему я тому, что в разных кругах прочитал в форме лекций, дал влиться в оккультное движение. Уже в первом томе моих "Миро- и мировоззрений" в главе о Шеллинге содержится следующее. Я цитирую по первому изданию, посвященному Эрнсту Геккелю и вышедшему в свет в феврале 1900 года. Я прочитаю из него несколько мест, которые ведь содержатся в книге, о которой говорится, что она выросла из совершенно другого мировоззрения по сравнению с тем, что написано в "Мистике":

Страница 80: "Есть два способа описать существо, которое одновременно является и духом, и природой. Первый: я указываю на закон природы, который действует в реальности. Или же я показываю действие духа, ведущего к этому закону. В обоих случаях я преследую одно и то же. В первый раз — это закономерность, которая проявляется в природе; во второй раз — это то, что предпринимает дух, чтобы представить себе ту же самую закономерность. В одном случае я занимаюсь естествознанием, в другом — духовной наукой. А то, как оба эти направления соотносятся, Шеллинг описывает весьма увлекательно: "Необходимая тенденция всего естествознания — прийти от природы к разумности. Это и ни что иное лежит в основании стремления внести теорию в природные явления. Верхом совершенства в природоведении было бы совершеннейшее одухотворение всех законов природы до высот закономерностей воззрений и мышления. Феномены (материальное) должны полностью исчезнуть и сохранятся только законы (формообразующее). Отсюда проистекает то, что чем больше закономерного привносится в саму природу, тем сильнее исчезают оболочки, сами феномены становятся духовными и в конце концов полностью растворяются. Оптические феномены представляют собой не что иное, как некую геометрию, чьи линии простираются через свет, а сам свет становится уже двусмысленной материальностью. В феноменах магнетизма уже исчезает всякий материальный след, а от феномена тяготения, о котором сам естествоиспытатель узнает только из опосредствованного духовного воздействия, — воздействия на расстоянии, — не остается ничего кроме закона, реализующегося в великом механизме движения неба. Совершенной теорией природы будет та, силой которой вся природа растворится в разумности. Мертвые и лишённые сознания продукты природы есть всего лишь неудавшиеся попытки природы отрефлексировать себя, а так называемая мертвая природа вообще всего лишь несозревшая разумность, вот почему в ее феноменах еще просматривается лишённый сознания характер разумности. Высшей цели превратиться всецело в объект природа достигает только через

высочайшую и окончательную рефлексию, которая есть не что иное, как человек, или, обобщая, то, что мы называем разумом, благодаря которому природа впервые полностью возвращается сама к себе и благодаря чему открывается, что природа изначально идентична тому, что нам известно как разумное и сознательное"".

И далее в связи с Шеллингом я говорю на странице 85:

"Своим прогрессивным мышлением Шеллинг возвысил миропостижение до Богопостижения, или Теософии. Он уже целиком стоял на почве такого Богопостижения, когда в 1809 году издал свои "Философские изыскания о существе человеческой свободы и о связанных с этим предметах". Все мировоззренческие вопросы предстали перед ним в новом свете. Если все вещи имеют божественное происхождение, то почему в мире существует зло, если Бог может быть только совершенным добром? Если душа человека пребывает в Боге, то каким образом она может преследовать собственные эгоистические интересы? И если Бог — это то, что действует во мне, то как же я могу, не будучи совершенно самостоятельным существом, тем не менее, именоваться свободным?"

Такого рода мирозерцание не отклоняется. И далее я говорю на странице 90:

"Такого рода воззрениями Шеллинг явил себя храбрейшим и мужественнейшим из тех философов, которые, отталкиваясь от Канта, пришли к идеалистическому мировоззрению. Под влиянием кантианства перестали философствовать о вещах, лежащих по ту сторону доступного чувственному наблюдению, и о том, что говорит мышление по поводу этого наблюдения. Старались ограничиться тем, что лежит между наблюдением и мышлением. Но поскольку Кант по необходимости пришел к такому ограничению, то есть что человеку не дано знать о потусторонних вещах, после Канта говорили: наблюдение и мышление не указывают на какое-то потустороннее божественное, они сами божественны. И из тех, кто такое провозглашал, Шеллинг был самым энергичным. Фихте все включил в "Я"; Шеллинг распростер "Я" надо всем. Он хотел не как Фихте, чтобы "Я" было всем, а наоборот, чтобы все было "Я". И Шеллинг имел мужество не только идейное содержание "Я" провозгласить божественным, но и всю человеческую духовную личность. Он не только обожествил человеческий рассудок, но и все человеческое жизненное содержание, личное существо. Мировоззрение, которое, исходя из человека, представляет себе, что в основе мироздания лежит единое Существо, которое им правит, как человек управляет собственными поступками, называется антропоморфизмом. И те объясняют мир антропоморфически, кто в основу всех событий кладет всеобщий мировой разум. Ибо этот всеобщий мировой разум есть не что иное, как обычный человеческий рассудок, которому придано свойство всеобщности. Когда Гёте говорит: "Человеку невдомек, насколько он антропоморфичен"*, то он подразумевает под этим, что самое элементарное высказывание о природе уже содержит антропоморфизм.

[* В "Изречениях в прозе" 1-й раздел. Познание. См.: Естественно-научные сочинения Гёте, изданные и прокомментированные Рудольфом Штайнером в 1884—1897 гг. в Кюршнеровой "Немецкой национальной литературе. 5 т. (GA 1 a-e, 5).]

Когда мы говорим: тело продолжает двигаться, потому что другое тело задало ему импульс к движению, то мы строим такое представление исходя из нашего "Я". Мы толкаем тело, и оно движется дальше. Когда же мы только видим, как одно тело проходит около другого тела и это последнее начинает двигаться, то мы представляем себе, что первое толкнуло второе по аналогии с ударным воздействием, производимым нами самими. Эрнст Геккель находит*, что антропоморфическая догма "сравнивает сотворение мира и управление им со стороны Бога с хитроумным изделием техника или инженера, либо с государственным управлением со стороны мудрого правителя. Господь Бог как Творец, Вседержитель и Управитель мира в Его мышлении и деятельности представляется насквозь человекоподобным". [* См.: "Мировые загадки"]. Шеллинг имел мужество быть последовательным антропоморфистом. Он возводил, в конечном счете, человека со всем его жизненным содержанием в ранг Божества. А поскольку к этому жизненному содержанию относится не только разумное, но также и неразумное, то он имел повод превозносить также и неразумное в мире. Для той цели ему пришлось точку зрения разума восполнить другой, источник которой не лежит в мышлении. Такой, по его мнению, взгляд он называл "позитивной философией". Она "есть, собственно, свободная философия; кто ее не хочет, может ее оставить, выбор свободен, я только говорю, что если хотят свободного сотворения мира и так далее, то все это можно получить только на путях такой философии. Если кому-то хватает рациональной философии, а сверх этого никакой другой не надо, то он может при ней и оставаться, но он должен распротиться вместе со своей рациональной философией и всем что в ней, с тем, что она, по сути, не может иметь в себе, а именно, с истинным Богом, настоящим прогрессом и свободным отношением Бога к миру". Негативная философия "обречена оставаться только школьной философией, а позитивная служит жизни. Только из соединения обеих произойдет совершенное Посвящение, коего ждут от философии. Известно, что в элевсинских Посвящениях различались малые и большие Мистерии, малые считались преддверием больших... Позитивная философия есть необходимое следствие правильно понятой негативной философии, так что можно сказать: в негативной философии празднуются малые Мистерии, а в позитивной философии — большие Мистерии"".

Эта глава в "Миро- и жизневоззрениях" заканчивается такими словами:

"Когда внутренняя жизнь провозглашается Божественной, кажется непоследовательным оставаться только при одной части этой внутренней жизни. Шеллинг не преодолел этого противоречия. В тот момент, когда он говорит: объяснять природу значит создавать природу, он дал всему своему жизневоззрению заданное направление. Если мыслящее постижение природы есть повтор ее сотворения, то главная отличительная черта такого сотворения должна быть

соразмерной человеческим деяниям; это должно быть актом свободы, а не какой-то геометрической необходимости. Но свободное сотворение природы мы не можем познать только через законы разума; оно должно открыться другими средствами".

Я написал историю мировоззрений XIX века. Дальше я продвинуться не мог, ибо то, что последовало за этим в ходе развития, были чисто дилетантские попытки, не имевшие на прогресс философского исследования никакого влияния. И потому все это не могло составить ни одной главы в этой книге. А теософию, насколько она может быть принята серьезным мышлением, вы найдете там — в главе о Шеллинге.

А теперь обратите внимание, что вторая часть этой книги, которая впервые занимается Гегелем, датирована октябром 1900 года. Как раз тогда я и начал читать вышеупомянутые лекции, а в сентябре 1901 года уже появилась "Мистика". Поистине, не затем, чтобы поведать что-то личное, а чтобы помочь вам составить непредвзятое суждение, я хочу вам указать на одну рецензию на книгу "Миро- и жизневоззрения в XIX столетии", появившуюся 15 декабря 1901 года в органе немецкого союза свободомыслящих "Свободомыслящий"*.

[*Юлиуш Фриш, Вена, № 24, 9 от 15 декабря 1901 г., под названием "Столетие немецкой философии".]

В ней после вступительных слов и оповещения, что в книге отсутствует последовательное изложение развития мировоззрений в XIX веке, сказано:

"Именно в области философии, где "воюют со словами, а из слов делают системы", популярные книжки много нагрели. Надзиратели за нравственностью и стражи порядка всех видов вместе со своей ученой сворой, к которой, к сожалению, принадлежат многие университетские преподаватели, много имеют на своей намоленной совести".

Следующий абзац должен теперь указать на благожелательное отношение, с каким была тогда принята эта книга:

"С тем большей радостью потому надо приветствовать, когда доктор Штайнер, современный мыслитель и борец с известными словоплетами, предпринял попытку представить немецкой публике объективную картину духовных баталий за мировоззрение, которые разыгрывались в Германии в XIX столетии".

Далее следует выписка из книги. А затем говорится нечто весьма примечательное, и по этой причине я вам должен об этом сообщить. Критик, написавший рецензию, нечто уловил в настоящей книге, и он выражает это следующим образом:

"Даже если спиритизм Дю Преля и аскетическое первохристианство Толстого оказались непригодными для приверженной эволюционистской идее поступи нашей культуры, все же их симптоматическую ценность нельзя переоценить. В равной мере

найдется место и для необуддизма (теософии), который изобрел собственную фразеологию, своего рода "мистический жаргон". Вне всякого сомнения, надо приветствовать, когда принимаешь психологию современной веры в духов из рук такого духовно одаренного человека, как Штайнер. Язык его трудов легко усваивается. Ничто из жаргона школьной философии, никакие длинноты не препятствуют читательскому наслаждению".

Это написано в декабре 1901 года вскоре после того, как я начал читать теософские лекции в Берлине. Можно сказать: тогда это было вполне объективно, ибо этого требовала общественность, чтобы я высказался о том, чего хочет теософия. Это не было произволом, а было четким знаком кармы, как это называют.

Итак, зимой 1900/1901 года я прочитал лекции о мистике, а зимой 1901/1902 года лекции, где подробно говорилось о греческих и египетских Мистериях — они затем, летом 1902 года появились в виде книги "Христианство как мистический факт". Большая часть "Мистики на заре современной духовной жизни" была сразу же переведена на английский язык, то есть прежде, чем я стал членом Теософского общества. Я мог бы об этом многое порассказать, но у нас на это нет времени; там было много важного, но об этом в другой раз. Впрочем, об одном рассказать надо.

Вы видите, что поступательное развитие нигде не прерывается каким-то скачком или чем-то в этом роде, как все происходит самоочевидным образом. Вообще же еще в начале цикла лекций, посвященного греческим и египетским Мистериям — дело происходило опять в берлинской библиотеке в доме Броккдорфов — итак, уже во время второго цикла лекций я имел некоторую возможность прислушаться к тому, что тогда еще не было настолько дурным, но затем все росло и, наконец, привело к тем вещам, которые здесь нарекли "мистиковатая чудаковатость". По моему, это словечко придумал г-н Бауэр*.

[*Михаэль Бауэр в то время состоял в правлении Антропософского общества.]

Итак, в сезоне 1901/1902 годов я говорил о греческих и египетских Мистериях, и на этих лекциях присутствовала также нынешняя фрау Штайнер, которая в том числе прослушала лекцию о Густаве Теодоре Фехнере, прочитанную мной зимою 1900 года в Теософском обществе. Это была отдельная лекция, не относившаяся ни к какому циклу. Так что уже зимой 1900 года нынешняя фрау д-р Штайнер уже присутствовала на части лекций, которые я тогда читал. Было бы интересно рассказать некоторые маленькие подробности о ее пребывании на этих лекциях. Если бы она могла присутствовать сейчас здесь, то придала бы рассказанному особый колорит. Это может произойти в другой раз, если потребуется.

Затем, после того как фрау д-р Штайнер некоторое время отсутствовала в Берлине, осенью она снова вернулась туда из России и слушала вместе с одной знакомой графини Броккдорф* первую лекцию второго цикла зимой 1901/1902 года.

[*Одна из деятельниц Теософского общества из Прибалтики по имени Нина Гернет (ср.: Хелла Висбергер. Из жизни Марии Штайнер фон Сивере, Дорнах, 1956).]

На этот раз упомянутая знакомая подошла ко мне после одной из лекций, посвященной греческим Мистериям, и сказала что-то вроде того, что я вам до этого охарактеризовал. Эта дама становилась все более фанатичным приверженцем Теософского общества и впоследствии приобрела высокий пост в Ордене, основанном для поддержки новорожденного Христа*.

[*Относится к основанному в 1910 г. Анни Безант ордену "Звезда Востока", в котором индийский мальчик Кришнамурти был провозглашен носителем ожидаемого новорожденного Христа. Рудольф Штайнер воспротивился этой "окультистской нелепости", что в дальнейшем повело к исключению стоящей под его руководством немецкой секции из Теософского общества. В 30-е г. XX в. сам Кришнамурти дистанцировался от этой надуманной роли.]

Эта дама тогда тоже присутствовала и подошла ко мне после лекции, посвященной греческим Мистериям, сделала мину посвященной из Теософского общества — мину поистине глубоко посвященной и для начала проявила свою посвященность тем, что сказала: "Да, вы говорили сегодня о Мистериях, но ведь такие Мистерии существуют еще и в наши дни. И в наши дни еще существуют совершенно тайные общества. Слышали ли вы о них?"

После следующей лекции, которая опять-таки была посвящена греческим Мистериям, она снова подошла ко мне и сказала: "Заметно, что вы еще хорошо помните то, что вы изучали, когда еще были в греческих Мистериях!" Это как раз то, что в своем развитии уже находится на грани "мистиковатой чудаковатости".

В этой связи я должен еще упомянуть, что осенью 1901 года эта самая знакомая графини Броккдорф устроила чаепитие. Это было то, что фрау Штайнер всегда называла "чаем с хризантемами", потому что там обычно было много таких цветов. Приглашение исходило от той самой дамы, и задним числом мне часто приходила в голову такая идея: эта дама чего-то хотела. Была избрана круглая дата с момента основания Теософского общества* — день, особо важный для этой дамы.

[*17 ноября 1875 г. Беседа имела место 17 ноября 1901 г.]

Похоже, она хотела сделать из меня убежденного сотрудника в ее понимании, и она зондировала почву. Но ничего значительного из этого не вышло. Впрочем, один разговор, относящийся к осени 1901 года, я хотел бы упомянуть, — он имел место между нынешней фрау д-р Штайнер и мною во время этого чая с хризантемами, — и тогда-то был поставлен вопрос: нет ли серьезной необходимости вызвать к жизни в Европе некое духовное движение? По ходу разговора я сказал совершенно ясно: "Да, есть необходимость вызвать к жизни некое духовнонаучное движение; но я мог споспешествовать только такому движению, которое примыкает исключительно к западному

окультуризму и развивает его далее". И я сказал: "Это движение должно базироваться на Платоне, на Гёте и т.д." Я выдвинул целую программу, которая должна быть разработана.

В этой программе поистине не должно было быть места именно нездоровым побуждениям, но, само собой, приходило множество лиц с подобными наклонностями, ибо приходилось иметь дело с людьми, на которых со всех сторон оказывалось давление, исходившее от того движения, про которое я вам рассказывал. А в какой степени с этой программой нераздельно был связан полный отказ от всякого медиумизма и атавизма, вы видите из упомянутого разговора, который произошел между мной и членом английского Общества.

Вы видите, что путь, по которому мы шли долгие годы, проложен совершенно сознательно. И хотя на этом пути нам встречалось множество медиумического и атавистического ясновидения, оно не отклонило нас в сторону — мы шли в намеченном направлении.

Благодаря этому я ощутил, что можно внутри теософского движения разыскать людей, чьи сердце и разум открыты такому всецело здоровому методу. А те, кто сопротивлялись такому здоровому и строго научному движению с его строго научной ответственностью, действовали так, что сначала все наши предприятия извращали на свой лад, как вы это видите на примере, который заставил вас изрядно поломать голову — а может быть, и нет! — и который принес с собой столько ненависти, как вам это видно из настоящего примера. Но опять-таки из исторического рассмотрения вам может стать ясно, что лейтмотивом всей нашей деятельности является следующее: ни шагу назад перед вступлением в высочайшие духовные миры, в той мере, в какой они в данный момент желают раскрыться на благо человечеству; но, с другой стороны, мы должны строго дистанцироваться от того, что не на здоровых путях, не через методы правильного вступления в духовный мир хотят обрести эти высшие миры. Кто способен это понять, оценить и исторически проследить, тому не нужны пустые заверения — он видит все, исходя из характера действий, годами проводившихся в жизнь. Мы получили возможность гораздо, гораздо дальше пойти в подлинном исследовании духовного мира, чем кто-либо в Теософском обществе. Но мы не вступаем на ненадежные пути, а идем надежным путем. Это должно быть сказано твердо и открыто.

Вот почему я всегда отклонял в области эзотерики возможность иметь что-то общее с каким-либо антикварным оккультизмом, с какими-либо братствами или обществами, и только сохраняя совершеннейшую самостоятельность, работал я некоторое время в известной внешней связи с Теософским обществом и его эзотерической организацией, но не идя в его направлении. Уже в 1907 году все эзотерическое было совершенно отделено от Теософского общества, а что произошло дальше, вам хорошо известно. Также случалось, что оккультные братства делали мне то или иное предложение; а именно, одно почтенное оккультное братство предложило мне участвовать в распространении формы оккультизма, также именовавшей себя розенкрейцеровской, но я оставил это предложение без ответа, хотя оно исходило от весьма почтенного оккультного движения.

Я должен это сказать, чтобы стало ясно, что мы идем самостоятельным, в духе нашего времени путем, а все нездоровые элементы для нас неприемлемы и не должны нас затрагивать*.

[*Рудольф Штайнер сделал еще следующее примечание: "Я не хотел бы продолжать дальше, а передаю слово г-ну Бауэру, который лучше справится с этой задачей в связи со вчерашним прочтением отрывка с некоей стороны, которая не знает и знать не хочет о всей серьезности и всем достоинстве нашего движения и только свои личные, эгоистические интересы хочет навязать нам".]

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 16 октября 1915 г.

Мне хотелось бы сегодня — поскольку нам предстоит обсудить ещё и другие вещи — включить в наше рассмотрение краткий эпизод, связанный с тем, чем мы занимались в предыдущие дни. А завтра мы более подробно займемся оккультным движением XIX века и его отношением к мировой культуре. Но мне хотелось бы внести в наше рассмотрение одну важную вещь. Если вы припомните различные рассуждения, которыми мы здесь занимались, а именно, отдельные замечания, сделанные мной в связи с брошюрой г-на фон Врангеля "Наука и Теософия" (я должен это повторить, потому что это важно подчеркнуть), то вы увидите, что необходимо было, как раз с точки зрения нашей духовной науки, приписать огромное значение появлению материализма, материалистического мировоззрения в XIX столетии и занять по отношению к нему не просто критическую позицию.

Критиковать какой-нибудь предмет—это самое легкое. Надо занять такую позицию, когда станет понятно, что именно в XIX веке то течение, которое можно назвать материалистическим мировоззрением, должно было вступить в развитие человечества. Мы его достаточно полно охарактеризовали. Мы можем для начала выделить две точки зрения, благодаря которым можно уяснить себе все значение материалистического мировоззрения.

Собственно, та форма, в которой выступил материализм XIX века в качестве мировоззрения, дотоле не существовала. Верно, что имелись отдельные материалистические философы, такие, как Демокрит и другие — вы можете об этом прочесть в "Загадках философии", — бывшие в некотором роде предтечами этого материализма как теории. Но когда мы их мировоззрение, каким оно было на самом деле, сравниваем с тем, что является материализмом XIX столетия, мы должны сказать: та форма, которую приняло материалистическое мировоззрение в XIX веке, ранее не существовала. Тем более она не могла существовать, скажем, в Средневековье или в те столетия, которые предшествовали заре современной духовной жизни. Ее не могло существовать, ибо люди имели в душе еще великое множество связей с импульсами духовного мира. Представлять себе, что весь мир есть не что иное, как сумма движущихся в пространстве атомов, которые объединяются в молекулы, а из них происходят все явления жизни и духа, — такое впервые появилось только в XIX веке.

А теперь можно сказать: всегда имеется путеводная нить, которая может вывести из наихудшего мировоззрения. И когда следуют за этой путеводной нитью, проходящей через все этапы развития человечества, то благодаря этой путеводной нити можно по меньшей мере усмотреть

невозможность материалистического мировоззрения. И эта путеводная нить состоит просто в том факте, что человек должен мыслить. Именно без мышления невозможно прийти к чисто материалистическому мировоззрению. Ведь человек сам себе придумал это материалистическое мировоззрение! Только погрузившись в это материалистическое мировоззрение, человек забывает применять самопознание — именно, чуточку самопознания: ты ведь мыслишь, а атомы мыслить не могут. Когда человек применяет эту малую толику самопознания, он имеет то, чего ему следует придерживаться. И если человек этого придерживается, он постоянно будет находить, что с материализмом что-то неладно.

Но чтобы по-настоящему обнаружить, что с материализмом что-то неладно, он должен быть сначала выработан в его собственном облике. Подумайте только, пока человек располагает только искаженным образом материализма — образом, в который привнесены еще духовные импульсы, — до тех пор можно еще и в природных явлениях и так далее улавливать фрагменты духа. Только тогда, когда дух отброшен полностью — благодаря духу, ибо мышление доступно только духу, — только тогда, когда благодаря духу всякий дух отброшен из картины мира, только тогда может вся тупиковость материалистического мировоззрения выступить в полную силу. Однажды человек должен встретить лицом к лицу эту тотальную тупиковость материалистической картины мира. Без этого невозможно продвинуться дальше. Но если мы хотя бы чуточку обратимся к самопониманию в отношении мышления, мы должны себе сказать: один раз в ходе развития вся тупиковость материализма должна предстать человеку, чтобы он знал, что за этим кроется.

Этим обозначена одна точка зрения. Но для правильного понимания нужно подойти к предмету еще и с другой стороны. И чтобы подойти с другой стороны, взгляните: материалистическая картина мира — пространство — в пространстве атомы, которые находятся в движении, — это вселенная. Все это, в сущности, только внешний результат причинно-следственного ряда, слепая работа однобокой реальности пространства и движущихся в нем атомов, то есть тех мельчайших частиц, в отношении которых уже в предыдущих лекциях было показано, что мышлению противно их существование. И, тем не менее, человек все снова возвращается к этим атомам. Как же их, собственно, находят? Как приходят к признанию атомизма?

Атомов никто не видел, потому что они выдуманы, они просто выдуманы. Так что нужен был повод, отстранившись от действительности, выдумать себе атомистический мир. Должна была быть какая-то причина, что-то должно принуждать выдумывать этот атомистический мир. Поистине сама природа не ведет человека ни к каким атомистическим представлениям. Можно как раз с физиками поговорить на эту тему — я имею в виду не выдуманный случай, а то, что происходило со мной в такого рода реальном разговоре, — поскольку физик знает фасад своей науки. Он бы не мог попасть в сети атомизма! И надо сказать, что фактически передовые физики уже в 80-е годы пришли к этому: атомизм был только условностью, рабочей гипотезой, которая нужна была в качестве аббревиатуры, как бы

разменной монеты, но было ясно, что в ней не заключено ничего реального. Мыслящие физики охотнее всего оставались бы при том, что воспринимается внешними чувствами. Но они все снова и снова попадались на атомизме, как мышь на сыре.

Если вы проследите то, что нами изучалось годами — об этих вещах уже достаточно часто говорилось, начиная с мюнхенских лекций о "Теософии розенкрейцера", — то вы увидите, что зачаток физического тела был заложен уже на старом Сатурне, что затем человек прошел через солнечное и лунное развитие и тогда, в древнее лунное время, включил свой организм — в то, что существовало тогда от его физического организма, — свою нервную систему.

Было бы совершенно ошибочным представлять себе нервную систему человека в древнее лунное время так, как она представляется сегодняшним анатомам и физиологам. Нервная система наличествовала в лунное время, собственно, только как прообраз, как имажинация. Физической же, или, лучше сказать, минеральной, то есть физико-химической, она стала только в земное время. И вся структуризация, имеющаяся в нашем нынешнем теле, есть результат земной организации. В ходе этой земной организации в имажинативные прообразы нашей нервной системы было включено минеральное, то есть материя. И таким образом возникла наша современная нервная система.

Далее, материалист говорит себе: при помощи нервной системы я думаю или воспринимаю. Но мы знаем, что это бессмыслица. Ибо если действительно представить себе этот процесс, то нам надо представить какой-либо нерв, который проходит по организму. Представим себе теперь разные нервы, которые проходят по организму. Они проходят так, что разветвляются как ветви друг из друга. Нерв проходит таким образом, что он имеет единый ствол и затем выпускает ответвления; получается так, что ответвления располагаются недалеко друг от друга, а рядом проходит другой ствол. На рисунке это показано схематически и неточно.

Каким же образом протекает, собственно, душевная жизнь внутри этой нервной системы? Это наипервейший вопрос, который мы должны себе задать. Невозможно получить какое-либо представление о том, как протекает душевная жизнь в рамках нервной системы, если рассматривать только дневное бодрствующее сознание. Но если рассмотреть тот момент, когда человек со своим "Я" и своим астральным телом выныривает из нервной системы — выныривает из всего тела, а стало быть и из нервной системы, — и особенно тот момент, когда при пробуждении человек снова ныряет в нее, то можно заметить своеобразное явление: во время сна человек, то есть его "Я" и его астральное тело находится вне нервной системы.

Человек снова ныряет в свою нервную систему, он буквально увязает в ней. Сначала человек чувствует себя стоящим извне, а затем как бы излитым в нервную систему. Таким образом, при пробуждении человек особенно заметно ныряет в свою нервную систему.

Процесс пробуждения гораздо сложнее, чем его можно поначалу представить схематически, и, собственно, весь день человек вместе со своей душой пребывает в своем теле таким образом, что своим астральным телом заполняет свое физическое тело, а значит, и нервную систему. Это заполнение выглядит не так, что человек своего рода облаком наполняет физическое тело, но он наполняет его организованно. Когда человек заполняет различные органы, он прошивает как бы чувствующими нитями нервную систему вплоть до самых внешних разветвлений.

Прошу вас представить это себе очень живо. Я еще раз нарисую это схематически, но это можно нарисовать так, что получится некоторым образом перевернутое изображение, как бы зеркальный противополообраз. Я рисую с внешней стороны, а должен был бы рисовать изнутри. Допустим, это астральное тело, а это тактильные щупальца, которые оно выпускает наружу (красный). То, что я сейчас рисую, — это астральное тело. Здесь определенные тактильные щупальца проникают в нервные стволы. Я нарисую это так.

И то, как на самом деле здесь они ныряют в нервные стволы. Представьте себе, что мой сюртук был бы впереди наглухо зашит и я должен был бы влезать в него руками, как в мешок. И еще представьте себе, что у меня было бы сто рук и мне надо было бы влезть в такой мешок, тогда бы я всей сотней рук натолкнулся бы на вход в рукава. Так и мы ныряем до того места, где заканчивается нервный ствол. Можно проследить, где на физическом теле заканчивается нервный ствол, — до этого места ныряет в него человек. Пока я ныряю, я не чувствую ничего, я начинаю чувствовать, только когда прихожу к тому месту, где пришиты рукава. Точно так же обстоит дело с нервами: мы чувствуем нерв там, где он заканчивается. Там мы пребываем весь день — в этой материи нервов — и постоянно ощупываем кончиками наших нервов. Человек не доводит этого до своего сознания, но, тем не менее, это находит выражение в его сознании против его воли. Когда человек думает — а ведь думает он своим "Я" и своим астральным телом, — то можно сказать: мышление — это такая деятельность, которая вырабатывается здесь, а затем от "Я" и астрального тела переносится на эфирное тело. А от эфирного тела тоже кое-что проникает, по крайней мере, движения этого эфирного тела. Причиной моего сознания является то, что я постоянно моим мышлением прихожу к тому пункту, на который я наталкиваюсь. Я наталкиваюсь на бесконечное множество точек, когда я ныряю, только это не поднимается в сознание. В сознание это может войти, только если сознательно пережить процесс пробуждения: когда человек

сознательно пыряет в свою нервную ткань, в свое облачение из нервной субстанции, то он чувствует, что он как бы со всех сторон исколот.

Я как раз некогда знавал весьма любопытного человека, который аномальным образом ввел в свое сознание то, что я мог бы представить так. Этот человек был превосходным математиком, знатоком тогдашнего последнего слова в математике. Естественно, он много занимался дифференциальным и интегральным исчислением. Дифференциал в математике есть нечто атомистическое, бесконечно малая величина. Большого об этом говорить сегодня не будем. И случилось так, что, собственно, не пересекая порога сознания, этот человек ощущал в своем сознании, что он как бы исколот со всех сторон. Если прийти к такому сознанию не на правомерном пути упражнений, как это написано в "Как достигнуть познания высших миров", то могут случиться весьма непривычные вещи. Так, он думал, что он повсюду ощущает дифференциалы, он был переполнен дифференциалами, он всюду чувствовал дифференциалы. Я наполнен дифференциалами, говорил он, я вообще не интеграл. И он доказывал весьма остроумно, что он со всех сторон наспигован дифференциалами.

Представьте себе как можно ярче эти уколы. Что делает с ними человек, если они не входят в его сознание? Он проецирует их в пространство и наполняет ими пространство — это и есть атомы. Вот истинное происхождение атомизма. То же самое делает человек, когда перед ним стоит зеркало, а он не догадывается, что это зеркало. Вы бы тогда поверили, что там снаружи находится еще одна аудитория. Вот почему человек представляет себе все пространство, наполненным тем, что он в него проецирует. Вся нервная деятельность отражается от предметов, на которые она натывается, обратно в человека. Но только человек не осознает, на что он натывается, и поэтому вокруг него все пространство выглядит заполненным атомами. Атомы — это те уколы, переживаемые его нервными окончаниями. Природа никогда не принуждает нас признавать атомы, а вот человеческая природа принуждает. С того момента, когда человек при пробуждении приходит в себя, он погружается в свои низины и ощущает в себе несчетное множество пространственных точек. В этот момент человек находится в точности в том же самом положении, в каком находятся, когда идут навстречу зеркалу, — человек наталкивается на него и тогда узнает, что дальше пройти не может. Что-то похожее происходит при пробуждении. В то самое мгновение, когда человек пробуждается, он наталкивается на свою нервную систему и знает: дальше ходу нет, эту грань ты не можешь перейти. — Итак, вся картина атомов такова, как если бы это была зеркальная стена: в то мгновение, как человек замечает, что дальше хода нет, он понимает, в чем дело.

А теперь возьмем изречение, принадлежащее Сен-Мартену, которое я уже приводил*. Естествоиспытатель говорит: анализируй явления природы, и ты найдешь мир атомов. Мы знаем, что мир атомов

находится не там. Там, поистине, находятся только наши нервные окончания. Что же тогда находится там, где предполагается мир атомов? Там нет ничего! Мы вынуждены застыть перед зеркалом, то есть остаться при нервных окончаниях. Ведь там находится человек, а человек и есть зеркальный аппарат. Если не способны познать, что человек это зеркальный аппарат, то предполагают за ним разные материи: таково материалистическое мировоззрение, а на самом деле, там нужно искать человека. Но это не получится, когда говорят: анализируй природные явления, ибо это ведь приводит к атомизму. Человеку нужно сказать: попробуй вырваться из чистой иллюзии! Таким образом, человек должен сказать: попробуй развеять морок! В этом случае уже не скажешь: и ты найдешь мир атомов. Придется сказать: ты найдешь человека! А теперь припомните то, что в качестве некоего пророчества, сам полностью его не понимая, изрек Сен-Мартен в том речении, которое я вам тогда привел: "Развейте материальное, и откроется человек". Это тот же самый тезис, в точности тот же самый, но понят он может быть впервые только с помощью рассмотрения, которое мы провели.

[* Из "Нового человека". Париж, 1792 г. (глава 28 стр. 155). Далее — лекция от 19 сентября 1915 г. в Дорнахе (см.: "Ценность мышления для удовлетворительного познания. Отношение духовной науки к естествознанию". GA 164).]

Вы видите, что, соединяя нашу духовную науку с естествознанием и его ошибками, мы таким образом выполняем некую программу, заложенную с тех пор, как существует человечество, в тоске человека, предчувствовавшего невозможность современного материалистического мировоззрения. Именно это бесконечно важно, это потом переходит в поступки человека, когда видят всё своеобразие нашего мировоззрения: духовная наука возникла потому, что она утоляет жажду тех, у кого есть чувство истины, дабы было явлено истинное, — ибо она и только она может принести человечеству то, в чем оно нуждается в новое время.

Завтра я покажу вам, почему именно должно возникнуть заблуждение— вроде того пробного камня, каковым был спиритизм в XIX столетии. Как я вам уже многократно показывал, в спиритизме имеют дело с внушениями, исходящими от живых людей, а люди верили, что имеют дело с влияниями со стороны умерших. Последние достижимы только тогда, когда восходят к той части психического состава человека, которая может быть извлечена из физического тела. Все, что человек переживает между смертью и новым рождением, может быть возведено только через то, что переживают вне физического тела; так что для этого нельзя употреблять медиумов в буквальном смысле этого слова. Об этом дальше — завтра. И мы поговорим также о жизни между смертью и новым рождением, о чем я в одном из последних рассмотрений уже кое-что рассказывал, но к этому надо еще кое-что прибавить.

ЧЕТВЁРТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 17 октября 1915 г.

Я хотел бы сегодня в продолжение сказанного о развитии духовной жизни в XIX столетии добавить еще несколько замечаний. А именно, мы еще немного займемся рассмотрением того, какую роль, с одной стороны, сыграло материалистическое мировоззрение и как была предпринята попытка противодействовать тому, что являлось необходимым вхождением материалистического мировоззрения в духовное движение XIX века, — как оккультистами была с разных сторон предпринята попытка принести людям спасение от материалистической зависимости. С другой стороны, мы можем со всем сказанным легко увязать рассмотрение того, чему мы сами были свидетелями в последние дни, — особое рассмотрение, позволяющее проникнуть в своеобразие тех сил и влияний, которые внешним образом так проявились на физическом плане, что это нам уже стоило многочисленных заседаний и заставило вас, по меньшей мере, достаточно поломать голову.

Широкий взгляд на духовное развитие в XIX веке связывает воедино это развитие с теми вещами, которые встречаются нам самим. Поэтому сегодня придется опять заметно отклониться от темы, и я попросил бы разные сообщения, которые будут мною сделаны, в свою очередь, использовать с самого начала с известной осторожностью, по той простой причине, что такого рода сообщения по своей природе, как вы это увидите, могут быть сообщены только немногим людям современности. Позднее вы получите тому полное подтверждение.

Прежде всего, мы снова отталкиваемся оттого, что XIX век был временем, когда материализм как мировоззрение естественным образом включился в ход человеческого прогресса; а середина XIX века была временем испытания всего человечества посредством утверждения материализма. Материализм должен был предстать на мировоззренческом горизонте как порочный круг и должен был так формировать человеческие склонности, человеческие чувства и ощущения, чтобы люди как бы влюбились в материализм. Можно поистине сказать, что люди XIX века были влюблены в материализм.

С другой стороны, мы видим, что приходится произносить похвальные речи материализму. Мы должны были показать, что материализм как метод вызвал все великие достижения науки. Эти великие достижения науки со всеми ее техническими, экономическими и социальными результатами не могли бы состояться, если бы человеческие способности не были направлены на материалистический способ познания мира. Здесь соединяются две вещи. С одной стороны, ход человеческого развития должен привести к такому моменту, когда природовоззрению следовало бы придать материалистическую

интерпретацию, если хотят продвигаться дальше. Как раз честные люди должны приходить к материализму, если хотят продолжить определенный путь исследования, который был проложен естествознанием. Ибо материализм был хорош — хорош в качестве исследовательского метода для наблюдения тайн чувственного мира. Это был первый результат. Другой состоял в том, что, так сказать, сердце, душа человека настроились так, что материализм стал желателен, что к нему стали тянуться. Все это в сумме привело к тому, что человечество должно было пройти через испытание материалистическим мировоззрением.

Далее, я вам уже говорил, что те из оккультистов, что имели определенное чувство ответственности за то, чтобы человечество не полностью погрязло в материализме, осуществили эксперимент с медиумизмом, и я также вам уже показал, что медиумизм увел на окольный путь. На один из таких важнейших окольных путей я уже указывал. Я говорил: это поразительно, что всюду есть медиумы, способные приносить вести, откровения из мира умерших — из мира, в котором люди живут после смерти. Но самое поразительное, помимо уже упомянутого мною, заключалось в том, что эти возвещения, исходившие от медиумов и чьим источником был якобы мир умерших, имели сильно тенденциозную окраску. Вы можете просмотреть все такие возвещения и убедиться, что повсюду в них господствует сильная тенденциозная окраска, относящаяся к жизни души после смерти.

У старых эзотериков, то есть тех, кто не желали открывать общественности определенные оккультные истины, вызывало огромное недоумение, когда из мест, где действовали медиумы, приходили подобные возвещения. Причину этого недоумения я мог бы вам разъяснить следующим образом.

Прочтите для ясности лекционный цикл, прочитанный мною некоторое время назад в Вене: "Внутреннее существо человека и жизнь между смертью и новым рождением" [* GA 153]. Там содержатся очень важные вещи, к которым приходишь, если правильным образом приближаешься к миру умерших и как бы ставишь себя в такое положение, когда сами умершие могут высказываться.

Из множества других мест, где использовались медиумы, приходили также совершенно другие откровения. И прежде всего, если вы просмотрите литературу, составленную из сообщений различных медиумов, то вы обнаружите, что у самых разных медиумов — именно там, где медиумами управляют души живых, а не мертвых, — все эти сообщения оказывались совершенно тенденциозно окрашены. Там есть описания жизни после смерти, которые явятся совершенно ложными, если вы их сравните с тем, что содержится в цикле лекций о жизни между смертью и новым рождением. И вы тогда также увидите, что эта тенденция у разных медиумов заключалась в том, чтобы воспрепятствовать постижению того, что существуют повторные земные жизни. Медиумы повсеместно утверждают: дескать, сами мертвые им говорят об устройстве жизни после смерти таким образом, что никаких повторных земных жизней не может быть. Эта тенденция была изначально заложена в развитии медиумизма, как раз в его

программном пункте — делать фальшивые сообщения о жизни между смертью и новым рождением, причем сообщения такого рода, которые как раз исключали так называемую реинкарнацию. В этом роде хотели говорить через медиумов. Это означает, что определенные лица, проводившие эту тенденцию в силу их собственного направления, хотели через медиумов дать общественности такого рода откровения, которые указывали бы, что никаких повторных земных жизней не существует. Хотели побороть учение о повторных земных жизнях через медиумов. Это был очень значимый факт— факт, разглашение которого могло бы больше всего напугать крайне "правостоящих" оккультистов, вызвавших к жизни весь медиумизм и все, что с ним связано, медиумизм, следовавший теперь определенной тенденции вместо служения непредвзятой истине.

Все эти вещи могли быть проделаны, потому что охарактеризованная сильная материалистическая тенденция присутствовала в достаточной мере. Это была именно сильная тяга людей к материализму. Но то, что в цикле о жизни между смертью и новым рождением присутствует как метод, ни в малейшей степени не приемлет никакого вида материализма как миросозерцания. Но встречаются материалисты по своему образу мыслей и тем не менее верящие в то, что сообщают разные медиумы о жизни после смерти. Ибо, в сущности, это своего рода прикрытый материализм, который стыдится сам себя и потому использует медиумов, чтобы что-то узнать о духовном мире. Так что приходится считаться и с таким видом материализма, ибо успешными бывают те, кто действительно считаются с материализмом.

Ко всему этому примыкает еще нечто другое. В ходе XIX столетия возникла страшная сумятица, собственно, среди тех, кто что-то знал о духовном мире, — относительно одной вещи, которая требует в высшей степени ясности, если духовное движение хочет прогрессировать. Это была путаница относительно непрерывного взаимодействия Аримана и Люцифера. Разучились их различать. Имели принцип зла и носителей зла, но четким образом различить их не могли или не хотели. Вспомните только, о чем я говорил на Пасху*: как сам Гёте уже был не в состоянии четко отделить Аримана, которого он называл Мефистофелем, от Люцифера. Их невозможно различить, ибо Мефистофель в гётевской подаче есть смешение, нечто среднее между Ариманом и Люцифером. В ходе XIX века люди не имели базиса для различения представителей духовных течений — Аримана и Люцифера. Сегодня я только коротко коснусь отдельных тем, позже я их разовью, и тогда вы получите нужные подтверждения.

[* Ср. лекция, Дорнах, 11 апреля 1915 г. в "Духовнонаучные пояснения к гётевскому "Фаусту", том 1: "Фауст, человек стремления "(GA 272).]

Итак, многое в этих вещах зависит от возможности внести ясность в отношении духовного мира — правильно различать Аримана и Люцифера. Должно быть проведено строгое разграничение, которое положено в основу нашего изображения фигур, где вы находите представленными обе силы* — как Аримана, так и Люцифера.

[* Относится к готовой к тому времени (октябрь, 1915) двухметровой модели для скульптурной группы "Представитель Человечества между Люцифером и Ариманом".]

Так что многое зависит от того, чтобы хорошо уметь различать обе эти силы, Аримана и Люцифера. Если человек не может их как следует различать, то он вносит своего рода путаницу в духовную науку. Это можно охарактеризовать так: всегда, когда, как у Гёте в фигуре Мефистофеля, возникает ералаш из фигур Аримана и Люцифера, имеется опасность, что Ариман будет постоянно являться в форме Люцифера. И тогда не знаешь, с кем имеешь дело. Не знаешь, с Люцифером ли имеешь дело или с Ариманом в обличье Люцифера. Ариман хочет нам лгать — лгать при помощи материалистического мировоззрения. Но материалистическое мировоззрение не поведет к упомянутым вчера последствиям, если человек достаточно далеко продвинулся и удерживает нити мышления. Без такого продвинутого мышления невозможно оттеснить материализм. Но если все перемешать, Аримана и Люцифера, в единый замес, то получается, что принимают ариманическое внушение, ариманическую ложь, потому что Люцифер приходит на помощь Ариману, и в человеке пробуждается определенная тяга принимать заблуждения за истины.

Этот поразительный факт в высшей степени оформился: заблуждения, которые, собственно, могли процветать только в эпоху материализма — можно сказать в эпоху ариманического искушения, — принимались по той причине, что Люцифер оказывал помощь изнутри. Ариман вмешивается в постижение внешних явлений и лжет относительно них. Но его вред был бы раскрыт, если бы во внутреннем человека Люцифер не пробуждал определенной тяги именно такого рода представления вписать в свое мировоззрение.

Такова была ситуация, которая однажды возникла в ходе XIX столетия. Все люди находились в этом положении, и кто хотел, мог из него извлекать свою выгоду. Так что кто-нибудь, кто прозревал эти вещи, мог бы развить одностороннюю тенденцию, то есть какой-то левый путь. Это не появилось бы с такой легкостью, если бы в XIX веке человечество не находилось в ситуации, когда ералаш из Аримана и Люцифера искушал и соблазнял его.

Могло произойти так, что, собственно, вполне материалистически добротные натуры имели в своем мировоззрении достаточную толику люциферического, чтобы не верить материализму, а в рамках материализма искать духовное мирозерцание. Представьте себе, что в XIX веке мог возникнуть такой тип человека, голова которого целиком устремлялась в сторону материализма, думала совершенно материалистически, а сердце тосковало по духовному. Когда такое происходило, такой человек искал духовное в материальном и старался собственно материалистическому придать духовный облик.

И если за такой личностью стоит некая индивидуальность, прозревающая всю картину, то эта индивидуальность вступает с такой личностью в особенно легкую игру. Ибо эта индивидуальность может, если это входит в сферу ее интересов, так препарировать этого

человека, что он станет склонять других рассматривать духовное на материальный лад, и тогда получают вещи, рассчитанные на то, чтобы повести человека в тeneвую сторону. Лучше всего это получается, когда выбрано правильное место, когда сообщаются правильные вещи — двери к вещам, по которым тоскуют. Можно нести человечеству определенные истины, но придать им тенденциозный уклон, когда, с одной стороны, дается ряд истин, хотя и с материалистической окраской, а с другой — в избранных местах незаметно подмешивают такое, что с особой силой ведет к заблуждению.

Видите ли, что-то в этом роде произошло при написании "Эзотерического буддизма" Синнетта. Эту книгу написал Синнетт. А за ним стоит тот, кого он называет своим инспиратором, а нам он известен как более поздняя маска индивидуальности одного Махатмы. Синнетт был журналистом, а также был глубоко погружен в материалистические тенденции XIX века — так что мы имеем дело с личностью, голова которой настроена совершенно материалистически, но и в нем имеется тоска по духовному миру. У него, значит, была прекрасная предрасположенность искать духовный мир в формах материализма, и поэтому могло случиться так, что та индивидуальность, которая была заинтересована как раз в том, чтобы материализм использовать на спиритуальный лад для достижения своих особых целей, затеяла легкую игру, развивая в Синнеттовом "Эзотерическом буддизме" учение с ярко выраженной материалистической тенденцией, кажущееся духовным.

Теперь вы можете сказать: но ведь Синнеттов "Эзотерический буддизм" никакое не материалистическое учение! Как раз в том-то и дело, что этого не замечают! Что вещи столь сокрыты и потаены, в этом все дело, и понять их можно, только делая те предпосылки, о которых шла речь. Само собой, состав человека, учение о Карме и Реинкарнации, это — истины. Но имеет место некая внутренняя связь предмета материализма со всеми этими истинами. В книге Синнетта "Эзотерический буддизм" наличествует взаимосвязь истинно духовного воззрения с грубейшим материализмом, и эту связь нелегко заметить, ибо едва ли тогда был хоть один человек, который мог бы правильным образом усмотреть, что туда, в самую сердцевину духовного учения, было влито нечто абсолютно материалистическое. Нечто, бывшее материалистическим не только для внешнего человеческого рассудка, но бывшее материалистическим по отношению к духовному мировоззрению — по отношению к тому, что с применительно к духовному воззрению может рассматриваться как спиритуальное: это учение, которое в "Эзотерическом буддизме" дается относительно *восьмой Сферы*.

Это учение, имеет высокую степень истинности, а в него вплетено как грубейшая материалистическая химера это учение о восьмой Сфере. И кульминация этого учения состоит как раз в том, что восьмой Сферой является Луна. Это утверждение можно найти в Синнеттовом "Эзотерическом буддизме". Вы знаете, что благодаря своим журналистским достоинствам, благодаря элегантности, с которой написан "Эзотерический буддизм", он имел успех среди необычайно

широких кругов и покорило множество сердец. И они восприняли не само учение о восьмой Сфере, а только это поразительное утверждение, которое делает Синнетт: восьмой Сферой является Луна.

И вот перед нами "Эзотерический буддизм" Синнетта. Мы знаем, что он был написан в те времена, когда еще Блаватская по причине описанных здесь процессов была силой направлена по одностороннему пути индийскими оккультистами — теми оккультистами левого крыла, которые преследовали свои особые цели. Вот почему в "Эзотерическом буддизме" встречается описание состава человека и учение о карме и реинкарнации. Выходит, что он был написан наперекор тем, кто хотели вычеркнуть учение о реинкарнации. Из этого вы можете также усмотреть энергию этой борьбы.

Блаватская же находилась в связи с американскими спиритуалистами, которые хотели вычеркнуть учение о перевоплощении. Медиумизм был только средством, потому и была принята эта медиумическая форма. А когда она взбунтовалась, она была изгнана и все больше попадала в руки индусов. Ее прямо-таки погнали в руки индусов. С той стороны было апробировано противоположное течение, и, можно сказать, дошло до настоящей войны за оккультизм между американизмом и индуизмом. С одной стороны, существовала абсолютная тенденция вычеркнуть учение о повторных жизнях, а с другой — тенденция внести это учение в мир, но так, чтобы оно несло на себе отпечаток материалистических наклонностей XIX столетия.

А этого можно было добиться, если препарировать учение о восьмой Сфере именно так, как оно препарировано в Синнеттовом "Эзотерическом буддизме". С другой стороны, имеется определенная сумма фактов, которые настолько важны, что заслуживают частичного упоминания, ибо я стремлюсь этими замечаниями не напугать вас, а дать объяснения с духовной точки зрения, на которой мы стоим.

По причине того, что Синнеттов "Эзотерический буддизм" был написан таким образом, что содержал в себе препарированное учение о восьмой Сфере, возникли две трудности. Первую трудность создала сама Е.П. Блаватская. Ей было известно, что написанное Синнеттом неверно. С другой стороны, она сама была в руках тех, кто хотел, чтобы ложное учение пришло в мир. Поэтому она попробовала — вы можете об этом прочесть в ее "Тайной доктрине", — именно этот взгляд на восьмую Сферу и на все, что с ним связано, некоторым образом скорректировать. Но она это сделала таким образом, что последнее не было правильно понято, и потому возникла пропасть между Синнеттовым "Эзотерическим буддизмом" и "Тайной доктриной" Блаватской. Блаватская корректировала таким образом, чтобы поддержать одностороннюю тенденцию индийских оккультистов левого крыла. Она именно весьма своеобразно попробовала — это мы еще отметим — дать истине несколько больше пробиться сравнительно с заблуждением. Для этого она должна была снова создать некий противовес. Ибо с точки зрения индийского оккультизма было бы очень опасно выпускать истину на свет Божий.

И чтобы создать этот противовес — нам постепенно это станет ясным — она выбрала особый путь. Она создала противовес благодаря тому, что, с одной стороны, приблизилось к истине о восьмой Сфере гораздо больше, нежели Синнетт. Но, с другой стороны, в "Тайной доктрине" она разразилась яростной бранью против иудаизма и христианства и все это пропитала определенным учением о природе Яхве. Таким образом, она попробовала то, что было корректно сделано с одной стороны, уравнивая также и с другой, чтобы не причинить большого неудовольствия индийскому оккультному течению. Она знала, что подобные истины имеют не просто теоретический характер, что они не остаются без последствий, как другие теории, относящиеся к физическому плану. Такие теории пронизывают всю жизнь души и окрашивают чувства и ощущения. На то они и рассчитаны — направлять души в определенное русло. Это похоже на внутренний запутанный клубок заблуждений.

Само собой, Е.П. Блаватская не подозревала, что движущие силы, стоявшие за обеими, были заинтересованы преследовать свои особые цели, пестовать особый вид заблуждения вместо истины; а чтобы пестовать такой вид заблуждения, весьма подходящим оказалось материалистическое течение в XIX веке — заблуждение, которое могло прийти только на волне материализма. Это одна сторона.

С другой стороны, сама эта вещь произвела огромное впечатление. Синнеттов "Эзотерический буддизм" и в известной мере "Тайная доктрина" Блаватской произвели огромное впечатление именно на тех, кто по-настоящему хотели найти духовные миры. И тогда, само собой, были напуганы те, кто имели основания бояться, что когда-нибудь повезет такого рода оккультному течению с восточным колоритом.

Имеется большое количество в высшей степени непонятой полемики против Е.П. Блаватской, против Синнетта, против Теософского движения и так далее. Но среди разного рода полемики, возникшей в ходе времени против Теософского движения есть и такая, которая может проистекать от знатоков предмета, но односторонних знатоков. Англиканская духовная жизнь имела устремление как можно меньше пропускать ориенталистику, а также как можно сильнее затормаживать проникновение учения о повторных земных жизнях в западный мир.

Вне всякого сомнения, к числу тех, кто противостоял восточным учениям по причине их опасности для христианской культуры в Европе, были христианские эзотерики. Именно исходя из этих позиций, европейские оккультисты, эзотерические христиане, близкие к высшим клерикальным кругам, были против этих учений. И с этой стороны стали раздаваться голоса*, направленные на вытеснение исходившего от Е.П. Блаватской и Синнетта как представителей ориенталистского течения, но, с другой стороны, стремившиеся пестовать во внешнем мире такой эзотеризм, который был пригоден в особой мере скрывать учение о повторных земных жизнях. Пустить в ход определенное течение, гармонирующее с принятыми в Европе формами христианства — вот в чем была заинтересована эта группа, не желавшая считаться с

учением о повторных земных жизнях, которое должно было прийти. Так прокладывался путь, сходный с путем Синнетта.

[* Ср.: Гаррисон К.Г. "Трансцендентальная вселенная". — Лондон, 1893 (6 лекций о тайном знании, теософии и католической вере).]

Далее, я должен снова подчеркнуть, что занимавшиеся таким препарированием, возможно, не полностью осознавали, что были только инструментами в руках стоявшей за ними индивидуальности. Точно так же, как Синнетт ничего не знал о намерениях стоявших за ним, так не знали и те, кто были близки к высшим клерикальным кругам, что кроется за ними. Но они знали, что их действия должны произвести огромное впечатление на оккультистов, и решили проложить другую колею, которая исключала бы учение о повторных земных жизнях.

Если мы в этих текущих сообщениях посмотрим в то, какому особому заблуждению Синнетт должен был дать выражение, то мы увидим: это учение о том, что Луна должна главным образом представлять восьмую Сферу, что Луна с ее влиянием и ее действием на человека означает восьмую Сферу. Высказанное в такой форме — это заблуждение. В этом все дело. Когда исследуют влияние Луны и исходят из Синнеттовых предпосылок, то попадают под тяжелое заблуждение, исходящее из материалистического мировоззрения и непроницаемое в его рамках. Что же требуется, если хотят восстановить истину? Надо указать на истинное положение дел в отношении Луны сравнительно с ошибочным представлением, которое находится в Синнеттовом "Эзотерическом буддизме".

А теперь перечитайте мое "Тайноведение". Я ставил себе задачу описать, как Луна была отослана от Земли. Для меня было особенно важным как можно четче описать этот выход Луны. Надо было хоть раз подчеркнуть истину на фоне заблуждений. Также в отношении индийского течения необходимо было четко описать функцию Луны в земном развитии. Это первое, что должно было заключаться в моем "Тайноведении".

Другое, что там должно было заключаться, станет вам ясным, если вы учтете, что теперь включаются весьма влиятельные лица, стоящие под определенным водительством и не желающие, чтобы учение о повторных земных жизнях в качестве истины распространилось среди людей, ибо они считают, что это может изменить привычную форму христианства в Европе и Америке. Эти люди проложили особую дорогу. Эту дорогу мы сможем лучше всего изучить, если представим себе, как эти оккультисты со своей стороны приступили к своему делу — опровергнуть Синнеттов "Эзотерический буддизм". Эти близкие к высшим клерикальным кругам оккультисты предприняли попытку опровергнуть "Эзотерический буддизм" Синнетта и "Тайную доктрину" Блаватской.

В отношении того, что содержится в книге Синнетта по поводу восьмой Сферы, было сделано, собственно, много хорошего, ибо было строго указано именно с этой стороны, что данные о восьмой Сфере и о Луне у Синнетта являются ложными. Но одновременно это было

увязано с другим учением: именно с этой стороны было сказано, что человек связан с Луной не так, как говорит Синнетт, а другим образом. Этот другой способ там никак не обозначен, но видно, что эти люди что-то прозревали о том способе выхождения Луны, который описан в моем "Тайноведении". А эти люди особенно подчеркивали следующее. Они говорили: Земля, а значит, и человек, никогда не была связана с другими планетами солнечной системы, так что человек никогда не мог жить на Меркурии, на Венере, на Марсе или на Юпитере. Таким образом, с этой стороны было особенно подчеркнуто, что никакой связи между человеком и другими планетами Солнечной системы не имеется. А это было лучшим путем снова ввергнуть мир в новое заблуждение и погрузить во тьму учение о реинкарнации. Другим же заблуждением — заблуждением мистера Синнетта — было настояние на учении о реинкарнации, но в материалистической подаче. Само это заблуждение, состоявшее в том, что говорят: человек в ходе своего земного развития не имел ничего общего с Меркурием, Венерой, Марсом, Юпитером и т. д., — это заблуждение исходило не от того, кто его обнаружил, а от тех, кто за ним стояли. Они так воздействовали на душу человека, что эта душа, собственно, никогда не могла всерьез поверить в реинкарнацию. Вот почему с этой стороны строго подчеркивалось, что человек никогда не имел ничего общего ни с одной из планет, кроме как с Землей, — никогда не имел ничего общего с планетами нашей Солнечной системы.

Если мы возьмем человека, каков он между рождением и смертью, то у нас есть основания думать, что человек в отношении своей эволюции находится под влиянием Духов Формы. Так оно и представлено в "Тайноведении". Но если вы к этому присовокупите жизнь от смерти до следующего рождения, тогда должно быть принято во внимание нечто существенное. А именно, что сфера деятельности этих Духов Формы в некотором роде распадается на семь частей, и из этих семи частей самому Яхве принадлежит, собственно, одна часть, относящаяся, главным образом, к жизни между рождением и смертью. Шесть других руководят жизнью между смертью и новым рождением.

Это можно открыть, только когда прослеживаешь жизнь между смертью и новым рождением. Как Яхве поступил с Землей и тем самым принес жертву, отходя на Луну, дабы оттуда нейтрализовать определенные вещи в земном развитии, так и другие Духи Форм поступили в отношении других планет. Но это должно быть сокрыто, утаено, если не хотят принести людям взгляд на повторные земные жизни; и это сокрытие должно быть произведено конкретно — должно быть произведено так, чтобы никто не заметил этой тайны. Тогда мимо вас пройдет истинное постижение жизни между смертью и новым рождением, тогда вы проживете жизнь между рождением и смертью без этой тайны и примите рассказы медиумов о существовании, только продолжающем эту земную жизнь.

Во всем, что происходит на этом поле, необыкновенно много расчета. Ибо, само собой, оккультист, относящийся к левому крылу, знает, какое направление он должен придать мыслям, а также куда направить чувства, чтобы увести людей от определенных тайн, которые им не хотят сообщать.

Подобное описанному исходит с указанной стороны, и вы можете отследить это в литературе. Там вы часто встретите утверждение, что человек не имеет ничего общего с другими планетами нашей Солнечной системы, а за этим подразумевается — не имеет ничего общего с ведущими Духами этих планет нашей Солнечной системы. Вот что строго подчеркивается с этой стороны, чтобы никак нельзя было построить такие понятия, которые ведут к аргументированному учению о реинкарнации. И, видите ли, существует другая задача: противопоставить с этой стороны заблуждению определенную истину. Загляните в мое "Тайноведение" и вы найдете, что там эта вещь ярко выделена: как человек должен покинуть Землю, чтобы часть своей жизни проводить на планетах. В "Тайноведении" это строго проработано: с одной стороны, отношение к Луне, а с другой — отношение к другим планетам.

То, чего эти люди хотят добиться, можно вкратце выразить так: материалистическое воззрение современности используется также и этими людьми. Ибо, судите сами, если представить вещи так, как это сделано в моем "Тайноведении", тогда ход развития нашей земли, связь других планет с нашей Землей обретают смысл! Другие планеты также относятся к развитию Земли. Для материалистов планеты кружатся в пространстве как чисто материальные каркасы. Надо обратиться к их духовным существам, обратиться к Духам планет, воплощающим те функции, которые они имеют для духовного развития человечества.

Итак, вы видите, что это духовное течение расколото по двум направлениям — скрывающему истину о Луне и скрывающему истину о планетах. Таково было положение дел. Таковы были факты в конце XIX столетия. Е.П. Блаватская вместе с Синнеттом хотели сокрыть истину о Луне, а другие приверженцы сокрытия желали сокрыть связь планет с земным развитием. Посудите сами, легко ли вбить клин между двумя такими течениями, ведь имеют дело с оккультизмом, а оккультизм означает, что для постижения его истин необходимо гораздо большее усилие, чем для постижения истин обычного физического плана. Вот почему действует большая сила обмана, который нужно разоблачить. С одной стороны, при помощи искажения затемняется истина о Луне, а с другой — истина о планетах. И это нелегко усмотреть, потому что необходимо противопоставить этому большую силу, чтобы развеять обман. Так что человек зажат между двумя заблуждениями, которые сродни материализму. Сначала со стороны ориентализма попробовали сыграть на материализме — проделали эти махинации с Луной, чтобы пустить в ход восточное учение о перевоплощении. С самим-то перевоплощением все было правильно, а какая уступка материализму была сделана так называемым эзотерическим буддизмом, это мы еще увидим. С другой стороны, хотели мобилизовать особую форму католического эзотеризма против натиска индийского течения, чтобы, поистине, все духовное, связанное с развитием всей планетной

системы, благодаря этому попросту растворилось в материализме. А посередине вклинивается то, чем занимается духовная наука. Вот с каким положением дел сталкиваются теперь. Всюду втянуты в игру мощные силы, выдвигающие на арену истории то или другое из охарактеризованных течений.

Теперь нам надо показать, как соккрытие учения о Луне стало совсем специфической уступкой материализму, а затем показать, как коррективы, которые Е.П. Блаватская в него внесла, поистине только ухудшили все дело, потому что Е.П.Б., с одной стороны, со своим огромным оккультным талантом, которого Синнетту было не дано, откорректировала сообщения последнего, а с другой стороны, использовала особые средства, которые по-настоящему могли только законсервировать заблуждение.

Сначала важно усмотреть, насколько учение Синнетта о восьмой Сфере является заблуждением. Вы должны придерживаться правильного учения об эволюции Земли в его целостности, то есть учения о прохождении через развитие Сатурна, Солнца и Луны в направлении земного развития. Вы должны помнить при этом, что старая Луна была составлена иначе, нежели Земля. Собственно минеральное царство прибавилось только в земное время, и все, что принадлежит чувственному миру, несет отпечаток минерального. В растительном, животном и человеческом царствах вы видите только то, что в них запечатлено из минерального. Все ваше тело пронизано минеральным. А то, что не является минеральным — лунное, солнечное, — присутствует только оккультным образом. Видят только минеральное, земное. Вот что надо твердо держать в голове, когда, исходя из того, чем человек сейчас является на Земле, хотят ответить на вопрос: что в человеке является наследственной долей старой Луны?

Вы видите, что все это рассмотрение уже давно нами подготовлено. Мы должны теперь сказать: в человеке сокрыт старый лунный человек, причем таким образом, что не надо представлять в нем ничего минерального. Итак, если вы рассматриваете земного человека, то есть видите его вместе с его минеральным включением, то лунного человека вы должны представлять себе внутри человека земного. Но этот лунный человек не имеет в себе ничего минерального, поэтому его нельзя увидеть физическими глазами. Дотянуться до него можно только в том случае, если созерцать его духовным оком. Может быть, лучше получится, если лунного человека на рисунке заштриховать.

В основе лунного облика лежит определенное расчленение. Оно там, внутри, но может быть узрено только ясновидческим взором. Само собою, то, что там, внутри, было и на старой Луне. Но припомните только, каким образом осуществлялось видение на старой Луне: увидеть можно было только при помощи имажинации. Это были подвижные, вздымающиеся образы. Они существуют по сей день, но их можно было — по крайней мере, тогда — увидеть только с помощью

атавистического ясновидения. Старого лунного человека можно было воспринять только атаквистическим ясновидением. Тогда это было нормальной формой видения. В конечном счете и все остальное, связанное с этим развитием старой Луны, может быть узрено только в имагинациях, в старом визионерском ясновидении. Из минеральной земли лунный человек более не может быть построен — он может быть построен только из воспринимаемой имагинативным ясновидением Луны. Касательно эпохи старой Луны мы должны представлять себе, что все это было зримым для имагинативного ясновидения лунного человека, как для нас, для нашего физического глаза, видимо наше окружение, то есть растения, животные, реки, горы и т.д.

Вам ведь известно, что силы, заложенные на этой старой Луне, должны выступить снова — повторить себя в земном развитии и выступить снова. Но земное развитие должно было привести к вымиранию, как я показал это в моем "Тайноведении", если бы эти лунные силы не были позднее удалены. Они не могут быть удержаны в рамках земных сил. Почему же нет? Примите во внимание, что вся планета Земля должна была включить в себя минеральное царство; планета Земля должна была, так сказать, минерализоваться. В те времена, когда Луна еще присутствовала в составе Земли, лунные силы были еще в ней. Но эти силы должны были быть выведены наружу, и поэтому Луна должна была для себя отделиться от Земли. Все это я описал в "Тайноведении". Она должна была отделиться, иначе в лоне минерализованной Земли не могло ничего возникнуть, то есть человек не мог бы развиваться так, как ему следовало развиваться. Но вникните в такую тонкость: я уже вам говорил, что эта Луна достижима только через имагинативное ясновидение. Таким образом, если вы помыслите о человеке — таком, каким он развивался в качестве земного человека, предрасположенного к восприятию при помощи физических органов чувств, — то вы поймете, что земной человек никогда не мог бы увидеть выхождения Луны. Выхождение Луны, а также ее стояние вовне, можно воспринять только ясновидчески. Человек был устроен так, что весь процесс выхождения Луны он мог бы увидеть только ясновидчески. А воздействия, исходившие от Луны, могли быть единосущны только воздействиям старой Луны, которая так влияла на человека, что среди прочего могла вызывать внем имагинативное ясновидение.

Подумайте, перед какой ситуацией стоял тогда Человек! Он стоял перед ситуацией, когда мог возникнуть "человек", когда души могли вернуться с планет и т. д. Но Луна влияла как Луна, причем силы, с которыми человек возвращался к Земле, были теми же самыми, что и на старой Луне, предшествовавшей Земле. Никогда никто не видел этой Луны, кроме тех, кто развил визионерское ясновидение.

А затем в качестве материального сопроводительного процесса вместе с выходом лунных сил прибавилось нечто другое. Я вам уже разъяснял отношение Яхве к Луне. Произошло так, что по причине этой связи Яхве с Луной, Луна также стала материальной, минеральной, но ее материальность была на порядок грубее, нежели земная материальность. Так что видимое сегодня в качестве физической Луны, предположительно содержащей минеральное включение, сводимо к

деянию Яхве; сводимо к тому, что к этой старой Луне было прибавлено особое включение трудами Яхве. Это продукт Яхве.

Но благодаря этому старые лунные силы были также парализованы и теперь действовали совершенно другим образом. Если бы Луна осталась не минерализованной, то ее силы действовали бы так, что сияние Луны постоянно пробуждало бы в человеке старое атавистическое ясновидение, либо же оно так воздействовало на его волю, что человек в гипертрофированной форме стал бы лунатиком. Это было парализовано, благодаря тому что Луна тоже была минерализована. Теперь она не может больше развивать свои прежние силы.

Это очень важная истина, необычайно важная истина, ибо теперь вы знаете, что именно Луна должна была стать минерализованной, чтобы прекратились лунные воздействия старого типа. Так что когда говорят о Луне как о повторении старой Луны, то надо говорить о мировом шаре, который не виден физическим глазом, который относится к духовному миру, хотя бы это был только подсознательный духовный мир, доступный визионерскому ясновидению. Так что надо говорить о чем-то духовном, когда говорят о повторении старой Луны. А то, что является минеральным в составе Луны, надо возводить к духовному. А этого не делается, когда говорят о Луне в старом смысле.

Что же делать теперь с материализмом XIX века? Ведь кажется невероятным, что за материальным Луны скрывается важный остаток старой, не минерализованной Луны. Этому ведь не поверят. Поэтому материализму делается уступка. Берется только материализованная физическая Луна. Так и Синнетт опустил дух при рассмотрении именно Луны. Он только сказал (прочтите это в "Эзотерическом буддизме"): материя Луны гораздо грубее земной. Да, она располагает такой материей и должна располагать. А то, что там, внутри, имеется оккультное, на которое я вам намекнул, это Синнетт полностью опустил. Так что он сделал ту уступку, что говорит только о материальности Луны. А духовное, стоящее за Луной, не принимается во внимание. И оно не принадлежит Земле — оно гораздо ближе старой Луне, нежели Земле.

Этот факт был полностью завуалирован, и это вызвало огромные последствия. По причине того, что Синнетт истинное положение вещей — а именно, что Луна каким-то образом связана с восьмой Сферой, — вывел в ложном свете, он его хитро извратил. Ибо он опустил то, что составляет духовную часть Луны, а именно, что восьмая Сфера как представитель Луны есть то, что скрывается за Луной, и, наоборот, то, что призвано корректировать, парализовать восьмую Сферу, представил как саму восьмую Сферу. Материальное затем и находится в составе Луны, чтобы парализовать восьмую Сферу, сделать ее недействительной.

Люди не замечают, как станет действовать восьмая Сфера, если убрать из Луны все материальное. Вся природа человеческой души стала бы на Земле совершенно Другой, а тем, что она такая, какая есть, она обязана тому, что определенная грубая материальность

напечатлена Луне. То, что делает восьмую Сферу недейственной — материальность, это Синнетт называет восьмой Сферой, а то, чем является восьмая Сфера — старые лунные силы, он скрывает. Это часто употребляемый в оккультизме трюк: говорят, в сущности, правильную вещь, но так, что получается полный обман — простите за противоречие! Говорить, что материальное Луны и есть восьмая Сфера, — это обман, ибо это как раз целитель восьмой Сферы. Но вместе с тем совершенно правильно, что Луна есть восьмая Сфера, ибо она на самом деле расположена там, наверху, в составе Луны, потому что она сосредоточена в Луне, живет внутри нее. А теперь мы уже настолько продвинулись, что можем еще точнее сказать, что такое на самом деле восьмая Сфера и что так тесно связано с духовной сферой развития XIX столетия.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 18 октября 1915 г.

Поистине очень трудно говорить о так называемой восьмой Сфере, о которой, собственно, мистер Синнетт первым сделал не то чтобы сообщения, ибо его "сообщения" были пропитаны заблуждением, но скорее можно говорить о ее упоминании. И вам легко усмотреть причины, почему это трудно; ибо приходится все снова повторять: наш язык, само собой, приспособлен только для внешнего, чувственного мира, а в этом внешнем, чувственном мире эта восьмая Сфера считалась тайной до тех пор, пока мистер Синнетт не упомянул о ней.

Само собой, имеется мало подходящих слов, пригодных для характеристики этой восьмой Сферы. Также из этого вам может стать ясно, что значит говорить об этой восьмой Сфере, упоминания которой давно избегали. Стало быть, то, что сегодня афористически будет сказано, вы должны воспринимать как мимолетные размышления, как попытку дать пару общих черт, которые поначалу мало что сообщат о предмете. Будем надеяться, что нам еще представится случай поговорить об этом дальше*.

[* В последующие годы до этого не доходило, по крайней мере явным образом. Краткие упоминания находятся в лекции от 11 сентября 1916 г. в Дорнахе в "Духовнонаучные пояснения к гётевскому "Фаусту"" (том II, GA 273) и в лекции от 27 ноября 1916 года в Дорнахе в "Карме профессии в связи с жизнью Гёте" (GA 172). Более подробно, хотя с другой точки зрения, в лекции от 8 сентября 1918 г. в Дорнахе в "Полярности вечности и развития в человеческой жизни" (GA 184) и в лекции от 23 ноября 1919 г. в Дорнахе в "Прозовестии Михаила. Откровении специфических тайн человеческого существа" (GA 194).]

Я попробую на основании того, что было сказано вчера, а также частично еще ранее[* см. GA 92], дать характеристику этой восьмой Сферы, чтобы иметь опору и возможность нечто сообщить о развитии духовного движения в XIX и начале XX столетия.

Из вчерашних рассмотрений вам уже стало ясно, что восьмая Сфера не может быть чем-то живущим внутри чувственного мира, ибо это и является коренной ошибкой Синнеттова утверждения, согласно которому внешняя физическая Луна должна напрямую иметь что-то общее с восьмой Сферой и как-то непосредственно взаимодействовать с ней. И я попытался сделать понятным то, что именно материалистическое, окружение, диктующее направление на материально-физическое, и является, собственно, причиной этого заблуждения.

Из этого для вас должно вытекать, хотя бы в предчувствии, что то, что именуют восьмой Сферой, не имеет непосредственно ничего общего

с тем, что находится в чувственном мире; иными словами, из восьмой Сферы исключается именно то, что может быть воспринято человеческими внешними чувствами и может послужить основой чувственного восприятия. Так что поначалу вам негде в чувственном мире искать восьмую Сферу.

Далее на понятийном уровне вы можете в каком-то смысле проложить дорогу, ведущую к восьмой Сфере. Я уже сказал, что эта восьмая Сфера связана с тем, что наличествует как остаток старой Луны и ее развития. Из разных рассматриваний, проводившихся нами в ходе времени, вы можете заключить, что восьмая Сфера должна иметь что-то общее с тем, что осталось от старой Луны и ее развития как предтечи нашей Земли. Вчера я попробовал донести до вас, что на Луне истинное созерцание людей было визионерски-имагинативным, так что все субстанциальное, которое могут искать на восьмой Сфере, может быть найдено там, где применяется имагинативно-визионерское; это значит, что предпосылкой для обнаружения восьмой Сферы является путь визионерских имагинаций.

Почему вообще употребляется выражение "восьмая Сфера"? Говорят "восьмая Сфера" потому, что существует семь Сфер, которые вам давно известны: Сатурн, Солнце, Луна, Земля, Юпитер, Венера, Вулкан. Через эти семь Сфер проходит развитие человека, как я вам уже часто указывал. Если же вне этих семи Сфер существует что-то еще — а мы сначала предположим, что существует, — и что все это находится в каком-то отношении к Земле, то это можно с определенным правом называть восьмой Сферой. Надо представлять себе, что она лежит вне семи Сфер и находится в каком-то отношении к Земле. Я хочу это нарисовать. Здесь у нас схематически нарисована мировая структура, которая может быть увидена только имагинативно-визионерски, и возле семи мировых тел нарисовано рядом восьмое тело в рамках правомерной эволюции человечества. Понятно, что такой рисунок является схематическим: рисуют рядом друг с другом то, что можно наблюдать только внутри друг друга.

Из разных рассматриваний, которые здесь приводились, вы давно уже могли предчувствовать, что когда человек находится внутри чувственного, внутри чувственного наблюдения, когда человек думает своим рассудком и наблюдает своими внешними органами чувств, он находится в четвертой Сфере.

Но когда благодаря развитию души человек приходит к созерцанию третьей Сферы, лунной Сферы, он ведь не парит в пространстве. Человек делает свои наблюдения, но не с какого-то другого места, а наблюдает, с пространственной точки зрения, находясь на том же самом месте. Так что эти семь Сфер надо рисовать одну в другой. Они суть поступательные стадии развития; и в сущности ценность этой схемы, которая нарисована таким образом, ни в чем другом, как в том, чтобы сказать нечто подобное следующему: человек развивается с

момента рождения и до седьмого года жизни, проходя первую стадию, затем от седьмого по четырнадцатый год проходит вторую стадию и т. д. Не то чтобы человек, развившийся от первого до седьмого года, стоял рядом с развившимся от седьмого года до четырнадцати лет. Как у человека этого не бывает, так же семь поступательных ступеней развития не надо мыслить стоящими рядом друг с другом.

Из этого вы можете предощутить, что восьмую Сферу можно наблюдать внутри земной Сферы. Так что ее надо рисовать не выше и не ниже, а надо вписать в Землю. Я часто приводил грубое сравнение: все духовное находится вокруг нас, как физический воздух. Вплоть до физического, мы должны искать духовное в нашем окружении. То есть надо сделать предпосылку, что раз все духовное находится вокруг нас, то и восьмую Сферу нам надо искать в нашем окружении; это значит, в человеке должен возникнуть такой орган, который был бы приспособлен для восьмой Сферы, как физические чувства приспособлены для Земли. Но, собственно, на бессознательном уровне такой орган всегда внутри. Точно так же, как человек всегда погружен в воздушный океан и при этом ничего об этом не знает, так и восьмая Сфера всегда здесь, и когда человек разовьет орган для ее восприятия, тогда она будет вокруг нас в нашем сознании. Так что если мы хотим ее охарактеризовать, то, само собой, мы описываем то, в чем мы постоянно живем, в чем мы постоянно пребываем.

Далее, как я уже говорил, я могу при этих мимолетных рассматриваниях сделать только отдельные сообщения. Остальное возникнет в ходе рассмотрения. То, что живет в восьмой Сфере, состоит в следующем: прежде всего вы можете знать, вернее предчувствовать, что то, что окружает нас в качестве восьмой Сферы, доступно только имагинативно-визионерскому ясновидению. С другой стороны, невозможно развить имагинативное ясновидение без того, чтобы не узнать что-то о восьмой Сфере. Поскольку в настоящее время только немногие располагают по-настоящему четким и годным к различению ясновидением, постольку так трудно говорить о таких вещах, как восьмая Сфера. Итак, там есть одни имагинации и нет ничего из того, что как раз является существенным для земного развития, то есть образует четвертую Сферу. На то, что образует четвертую Сферу, я вчера уже указывал, — это впечатление минерального. То, что мы живем на Земле, возникло по той причине, что это четвертое мировое тело пронизано минеральным, что мы постоянно окружены минеральным, то есть тем, что может быть воспринято внешними органами чувств, а затем скомбинировано нашим рассудком. Но это минеральное вы должны представлять себе отсутствующим в восьмой Сфере. Минеральное напрочь отсутствует в восьмой Сфере.

Итак, когда мы проделываем мысленную процедуру устранения, то нам, само собой, ничего не остается, кроме позднейшей ступени развития старой Луны, ибо — что же еще может оставаться? Но вещи развиваются дальше, и то, что является субстанциально воспринимаемым при помощи имагинативно-визионерского ясновидения и что представляет собой не что иное, как остаток старой Луны, еще не есть никакая восьмая Сфера. О ней можно только сказать: третья Сфера оставила нечто.

И чтобы с некоторым предчувствием понять, как обстоит дело с восьмой Сферой, твердо уразумеем следующее. По ходу того, как Луна, то есть третья Сфера, развивалась правильным образом, эта третья Сфера стала четвертой, то есть наступил переход от третьего элементарного царства (так мы должны его обозначить) к царству минеральному. Таким образом, добавилось минеральное. А в остальном мы должны помыслить себе старую Луну как сумму имагинативно представляемых субстанций. Таким образом, надо принять следующее: нормальное продвижение от Луны к Земле, от третьей Сферы к четвертой, состоит в том, что воспринимавшееся только имагинативно, становится воспринимаемым внешними чувствами, то есть преобразуется минерально. Поначалу в качестве восьмой Сферы остается лунное, но это лунное становится чем-то другим благодаря тому, что происходит нечто определенное. Мы знаем, что должно произойти, чтобы из третьей Сферы возникла четвертая. Это четко описано в "Тайноведении", когда Духи Формы присоединяются к Духам Движения, чтобы произвести полное преобразование. Так что мы можем сказать: четвертая Сфера возникает из третьей благодаря тому, что Духи Формы присоединяются к Духам Движения.

Если бы Духи Формы достигли и могли достичь всего, что живет в их природе, то, естественно, в тот момент, когда Сфера-III выполнила свою мировую задачу, из нее должно было возникнуть не что иное, как Сфера-IV. Это понятно само собой. Но понятно также, что имелись люциферические и ариманические Духи.

Они удержали нечто из лунной субстанции. Для них было важным удержать нечто из лунной субстанциональности. Это они как бы вырвали у Духов Формы. Так что выходит, когда Сфера-III эволюционирует дальше, у Духов Формы нечто отрывается со стороны Люцифера и Аримана. И в эту часть, которая оторвана у Духов формы, внедряются Люцифер и Ариман. К ним добавляются еще Духи Движения, и благодаря этому из трех возникает восемь.

Итак, мы говорим: там должно быть нечто иное, нежели просто старая Луна. И это нечто иное, теперь там наличествующее, возникающее там вне четвертой Сферы, состоит в том, что минеральное отрывается в момент своего возникновения, *im Status nascendi*, от четвертой Сферы. Так что когда из имагинативного возникает минеральное, в самый момент возникновения минеральное отрывается Люцифером и Ариманом и переносится в имагинативное. И вместо того, чтобы из остатков лунного возникла единая Земля, формируется мировое тело, возникающее благодаря тому, что Луне возвращаются оторванные от Земли субстанции.

Теперь представьте себе, как в "Тайноведении" описываются отношения на старой Луне. Все происходящее на старой Луне вызывается тем, что на ней еще нет минерального. Будь оно там, это была бы некая Земля, а не Луна. Когда возникает минеральное, возникает Сфера-IV. А когда приходят Люцифер и Ариман и привносят минеральное в Сферу-III, Луна повторяется заново, но уже с материалами, которые, собственно, принадлежат Земле.

Так что заметьте хорошенько: вместо чистых имагинаций имагинации там уплотняются при помощи того, что отрывается от Земли в качестве минерального. Благодаря этому они сгущаются, и таким образом создаются уплотненные имагинации. Мы как бы втянуты в мир уплотненных имагинации, которые не являются лунными имагинациями по той причине, что они уплотнены из земного материала. Но это призраки, то есть позади нашего мира находится мир призраков, сотворенных Люцифером и Ариманом.

Я мог бы это вам схематически представить следующим образом: на старой Луне имелись какие-то образы. Они должны были перейти на Землю в качестве того, что можно было бы повсеместно воспринимать. Но Люцифер и Ариман удержали их для себя.

Они оторвали от Земли земные частицы и наполнили их имагинациями, так что эти земные частицы стали лунными образованиями, а не земными образованиями. Выходит, в нашей четвертой Сфере заключена другая Сфера — собственно, лунная Сфера, — которая, однако, насквозь наполнена земным материалом, то есть тотально ложная в мире вещь. К нашим семи Сферам прибавилась восьмая, сотворенная вопреки продвинутым Духам. Но отсюда возникает необходимость для Духов Формы на Земле бороться за каждую субстанциональную частицу, которая могла бы стать минеральной, — чтобы она не была оторвана Люцифером и Ариманом и перенесена на восьмую Сферу.

Поистине дело представляется так: наша Земля, четвертая Сфера, есть совсем не то, чем она представляется извне. Если бы она на самом деле состояла из атомов, то все эти атомы были бы еще отмечены образованиями восьмой Сферы, доступными только визионерскому ясновидению. Эти образования заключены повсюду внутри, и содержание восьмой Сферы призрачным образом наличествует повсюду, то есть может быть воспринято, как могут быть восприняты настоящие привидения. Выходит, что в содержании восьмой Сферы заключено, в сущности, все земное бытие. А Люцифер и Ариман постоянно стремятся умыкнуть из субстанции Земли все что могут, чтобы формировать свою восьмую Сферу, ибо если им в этом удастся достаточно продвинуться, Земля растворится, а Люцифер и Ариман проложат свои собственные мировые пути. Само собой, от Земли на Юпитер тогда перейдет как бы только каркас. Но в настоящее время, как вы видите, человек достаточно вписан в земное развитие, ибо минеральное пронизывает его насквозь, он постоянно находится в минеральном. Процесс минерализации — явление повсеместное, и сам процесс минерализации втянут в эту борьбу за сохранение частиц субстанции, которую постоянно грозят оторвать. Так что мы сами всем этим проникнуты. Люцифер и Ариман борются против Духов Формы, а у нас постоянно отрывается минеральная субстанция.

Но разные части нашего организма сильно отличаются друг от друга. Они устроены по-разному — у нас есть совершенные и несовершенные органы. Самым совершенным является орган нашего мышления — наш мозг, и наш череп, — и как раз в них-то сильнее всего происходит упомянутая борьба. Эта борьба потому наисильнейшая, что человеческий череп, человеческий мозг устроены так, как они устроены; а устроены они так потому, что Люциферу — и Ариману тоже — в этих местах нашего тела больше всего удастся отрывать минеральную субстанцию. Именно там физическая субстанция больше всего одухотворена. Строение нашего черепа возникло по той причине, что именно там у нас отрывают больше всего. Вот почему именно в нашей голове мы можем чувствовать себя в наибольшей степени свободными от нашего организма. Мы можем возвыситься в наших мыслях, можем различать добро и зло. И именно благодаря этому Люциферу и Ариману в наибольшей степени удастся отрывать субстанциальность, ибо они могут отрывать минеральную субстанцию в наибольшей степени именно у так называемых благородных органов человека. Именно так и происходит, что там больше всего стирается минеральная субстанция. Такого рода алхимия, когда минеральная субстанция переносится в восьмую Сферу, постоянно имеет место за кулисами нашего бытия. Я сначала изложил тезисы, а доказательств будет все больше и больше.

Если бы все пошло гладко, если бы Люциферу и Ариману все больше удавалось отрывать субстанции, как они ее отрывают из органа головы, то земное развитие подошло бы к такой точке, когда Люциферу и Ариману удалось уничтожить нашу Землю и все мировое развитие перевести в восьмую Сферу, так что земное развитие должно было принять другое направление. Отсюда стремление Люцифера прилагать наибольшую силу к самой уязвимой части человека — к его голове. Это крепость, которую ему легче всего штурмовать. А так же все, что сходно с человеческой головой по части распределения минерального, тоже может быть отобрано и находится под угрозой перенесения в восьмую Сферу. В намерения Люцифера и Аримана входит не больше, ни меньше, как дать всему развитию человечества исчезнуть в восьмой Сфере, так что оно примет совершенно другой ход.

Мы видим: это факт, что с начала земного развития Люцифер и Ариман имели намерение перенести все земное развитие в восьмую Сферу. И этому должны были создать противовес те Духи, которые относятся к Духам Формы. Внешний противовес, сотворенный ими, состоял в том, что они создали в пространстве восьмой Сферы нечто противоположное ей.

Далее, если надо будет это правильно нарисовать, то если здесь у нас Земля, восьмая Сфера будет здесь. Она здесь в качестве чего-то, принадлежащего нашей физической Земле. В сущности, мы повсюду окружены имагинациями, в которые постоянно должно втягиваться

минеральное, материальное. По этой причине имела место жертва, выделение лунных сил благодаря Яхве или Иегове, связанное с гораздо более плотными субстанциями, нежели прочая физическая субстанция, и Яхве как Луна был поставлен в противовес. Это была очень грубая субстанция — и грубость этой субстанции хорошо описана у Синнетта — гораздо более физическая, более минерализованная субстанция, чем где-либо наличествует на Земле, дабы Люцифер и Ариман не могли ее перенести в свой имагинативный мир.

Итак, Луна обращается вокруг Земли как тело, состоящее из грубой материи — стекловидной, грубой, плотной и непробиваемой. Собственно, в самом физическом описании Луны вы найдете определенное соответствие этому, если станете читать эти описания внимательно. Туда перенесено и оставлено там много земного материала, чтобы на Земле оставалось достаточно физической материи, не подлежащей переносу. Когда мы рассматриваем Луну, то убеждаемся, что во вселенной присутствует гораздо более минерализованный, более уплотненный, гораздо более уплотненный материал, чем где-либо на Земле. Так что Яхве или Иегову мы должны рассматривать как то Существо, Которое уже на физическом плане заботится о том, чтобы не все материальное было захвачено Люцифером и Ариманом. И со стороны того же самого Духа предусмотрено, что Луна снова войдет в Землю*, когда Земля станет достаточно крепкой, чтобы снова ее принять, когда благодаря соответствующему развитию опасность будет устранена.

[* См. лекцию от 13 мая 1921 г. в Дорнахе в "Перспективах развития человечества" GA 204].

Это касается внешней физико-минеральной области. Но и на человеческом уровне тоже должно было возникнуть намерение выдвинуть противовес относительно человеческой головы. Так же, как внешняя материя должна быть уплотнена, дабы Люцифер и Ариман не могли растворить ее при помощи своей алхимии, так же и в человеке должно было быть нечто противопоставлено тому органу, который подлежит наибольшей атаке со стороны Люцифера и Аримана. Поэтому Иегова должен был проявить заботу сродни той, которую он проявил во внешней, минеральной области, чтобы не все подлежало атаке со стороны Люцифера и Аримана.

Надо было позаботиться о том, чтобы у человека не все из того, что исходит из головы, могло подпасть Люциферу и Ариману. Надо было позаботиться, чтобы не все зависело от работы головы и внешнего чувственного восприятия, ибо с ними Люцифер и Ариман привыкли заигрывать. Должен был быть создан противовес в области земной жизни. В человеке должно было быть что-то такое, что совсем не зависит от головы. И это было достигнуто благодаря тому, что работой добрых Духов Формы принципу наследственности был привит принцип любви, то есть теперь род человеческий располагает чем-то, не зависящим от головы — что переходит из поколения в поколение и коренится в низшей физической природе человека.

Все, что связано с размножением и наследственностью, все, что не зависит от человека, так что он не может в это вмешиваться своим мышлением, все, чем на небосводе является Луна, — все это в человеке составляет то, что, пронизывая размножение и наследственность, наличествует от принципа любви. Отсюда эта яростная борьба со стороны Люцифера и Аримана, что проходит через всю историю, — борьба с тем, что приходит из этой области. Люцифер и Ариман хотят, чтобы человек подлежал исключительно господству головы, и направляют свою атаку окольным путем через голову против всего, чем является внешнее, чисто природное родство. Ибо все, чем является наследственная субстанция на Земле, не может быть взято Люцифером и Ариманом. То, чем на небе является Луна, тем на Земле среди людей является наследственность. Все, что касается наследственности, все, что непроницаемо для мышления, что связано с физической природой, — это принцип Яхве. Принцип Яхве деятельнее всего там, где проявляется, так сказать, естественная природа; там он в наибольшей степени изливает свою природную любовь, чтобы сотворить противовес отсутствию любви — противовес тенденции чистой мудрости, исходящей от Люцифера и Аримана.

Надо основательно проработать определенную главу, которую последнее время мы уже освещали с другой точки зрения, чтобы показать, как при помощи Луны и человеческой наследственности Духи Формы строили баррикады против Люцифера и Аримана. Если вы глубже продумаете эти вещи, то вы найдете, что в этих указаниях кроется нечто необычайно важное.

А теперь надо, если хотят хоть как-то в настоящем вопросе разобраться, продумать эту тему с совершенно другой точки зрения. Если вы возьмете описание развития человека в нашем "Тайноведении", как оно проходит через Сатурн, Солнце и Луну, то вы увидите, что ни на Сатурне, ни на Солнце и ни на Луне и речи быть не может о свободе. Человек полностью вплетен в ткань необходимости. Все подлежит необходимости. Чтобы созреть для свободы, в человека должна быть включена минеральная природа, он должен стать существом, пронизанным минеральным, так что только внутри земного, чувственного мира человек может быть воспитан для свободы.

В этом и заключается необыкновенно важное значение чувственно-земного мира. То, что человечеству надлежит обрести — свободу воли, — это оно может обрести только во время земного развития. На Юпитере, на Венере и на Вулкане людям потребуется эта свобода. Так что, имея в виду свободу, приступают к необыкновенно важной области, где могут постигнуть, что Земля есть воспитательница свободы, причем по той причине, что человеку напечатлено физическое, минеральное.

Но из этого вам становится ясно, что вытекающее из свободной воли должно содержаться именно в земном. Если человек развивает в себе ясновидение, то он может земное переносить в будущие ступени развития, но он не должен вносить его в Сферы III, II и I. В последних невозможно то, что проистекает из принципа свободы. Они по своей природе непригодны для свободы. Но Люцифер и Ариман стремятся именно человеческую свободную волю перетащить на свою восьмую

Сферу; а именно, все то, что проистекает из человеческой свободной воли, перенести в свою восьмую Сферу и пресечь свободное волеизъявление. Это значит, что человеку постоянно угрожает опасность, что его свободная воля будет похищена и перенесена в восьмую Сферу.

Такое происходит, когда, к примеру, элемент свободной воли преобразуется в визионерское ясновидение. Тогда человек уже пребывает непосредственно в восьмой Сфере. И это как раз то, о чем очень неохотно говорится со стороны оккультистов, ибо это, собственно, страшная истина: в то мгновение, когда свободная воля трансформируется в визионерское ясновидение, то, что человек развил, попадает в лапы Люцифера и Аримана. Оно сразу достается Люциферу и Ариману и потому исчезает для Земли. Из этого вы можете увидеть, как благодаря связыванию свободной воли на восьмой Сфере возникают как бы призраки. Люцифер и Ариман постоянно заняты этим связыванием свободной воли и пускают в ход свои чары, чтобы обманным путем произвести отрыв и исчезновение в восьмой Сфере. И то, что наивные люди, они же суеверные люди, развивают в разного рода ясновидении, подчас есть то, что напечатлевают их свободной воле. Ее-то Люцифер сразу отбрасывает, и пока человек мечтает достичь некоего бессмертия, на самом деле в своих видениях он созерцает, как часть его душевного существа или продукт его душевного существа отрывается и препарируется для восьмой Сферы.

Из этого вы можете заключить, сколь мучительно было на путях компромисса приносить людям разные истины о духовном мире при помощи медиумизма, причем приходилось переживать, как медиумы веровали, что к ним обращаются умершие. Но оккультисты знали: то, что происходит между медиумом и живым человеком, состоит в том, что поток свободной воли переносится в восьмую Сферу. Вместо приобщения к вечному они осуществляли то, что постоянно исчезало в восьмой Сфере.

Из этого вы можете также усмотреть, что Люцифер и Ариман прямо-таки алчут как можно больше перенести в восьмую Сферу. Это хорошо описывал Гёте, несмотря на то, что смешал Люцифера и Аримана, — как Мефистофель-Ариман умыкает душу! Ибо это лакомый кусок, когда Люциферу и Ариману удастся добыть целую душу, умыкнуть целую душу; ибо через это такая душа изымается из земного развития и исчезает в восьмой Сфере. Так что для Люцифера и Аримана это великая победа, если они когда-нибудь смогут сказать, что в их царство попало очень много мертвецов. Это была бы их великая победа. И есть способ этого добиться. Именно Люцифер и Ариман могут сказать так: ведь люди, собственно, хотят что-то узнать о жизни между смертью и новым рождением. Так скажем же им, что к ним доходит что-то из мира мертвых; они будут довольны и обратят свои чувства к тому царству, из которого им якобы возвещают умершие. А так как мы хотим душевный строй человека направить к восьмой Сфере, скажем людям: мы рассказываем вам что-то об умерших. Мы ловим людей тем, что даем понять, что умершие с нами.

Этот дьявольский план — ибо мы говорим теперь о дьяволе созрел у Люцифера и Аримана, когда оккультисты вознамерились что-то сделать с помощью медиумизма. Они инспирируют всех медиумов, аранжировщиков всего медиумизма, дабы направлять людей к тому царству, из которого должны были вещать умершие, и таким образом заполучают души. Оккультисты были напуганы, когда увидели, какой оборот приняло это дело, и старались снова уклониться от этого пути. Собственно, левые прозевали это и потому сказали: лучше сделаем кое-что другое! И к этому им представилась тогда возможность благодаря появлению такой совершенно поразительной личности, какой была Е.П. Блаватская. Для Люцифера и Аримана дело сводилось к тому, чтобы теперь, после того, как их план был разоблачен, когда оккультисты по всей Земле умыли руки в отношении этого плана, справиться с проблемой другим способом.

Итак, в развитие Земли очевидным образом вошел материализм. Человеку приходится, рассматривая минеральное развитие, направлять внимание только на материальное. Но это же и есть материализм! Оккультисты, преследующие особые цели, сказали себе: учтем же этот материализм. Когда принимают обычный земной материализм, то неизбежно, благодаря своему мышлению, приходят к тому, что никаких атомов не существует. Не будешь закоренелым материалистом, когда копаешься в земле, чтобы сажать растения. Но наверняка можно извратить мышление, если сделать материализм оккультным. И лучшее тому средство, когда Луну, созданную в противовес восьмой Сфере, представляют в качестве восьмой Сферы! Ибо если верят, что материя, созданная в качестве противовеса восьмой Сфере, сама я есть восьмая Сфера, тогда доводят до гипертрофии любой земной и мыслимый материализм. Любой земной материализм доводится до гипертрофии благодаря этим утверждениям Синнетта. Тогда материализм вносятся в область оккультизма, тогда материализм становится оккультизмом. Но к этому люди раньше или позже должны были прийти. Е.П. Блаватская, глубоко заглядывавшая в земное становление, кое о чем догадывалась, когда заглянула под маску той удивительной индивидуальности, о которой я говорил в последних лекциях. Она сказала себе: дальше так продолжаться не может, надо что-то изменить. Но это она сказала уже под влиянием индийских оккультистов левого пути: надо что-то изменить, но должно быть сделано что-то такое, что нелегко будет разгадать.

И чтобы со своей стороны преодолеть Синнетта, она согласилась на предложение индийских оккультистов, инспирировавших ее. А те, будучи приверженцами левого пути, не имели в виду ничего иного, кроме особых индийских интересов. Они собирались основать на глобальном уровне систему мудрости, из которой был бы исключен Христос, а также был бы исключен Яхве или Иегова. Таким образом, в теорию должно было быть внедрено нечто, постепенно ограничивающее Христа и Яхве.

Было решено следующее. Было сказано: посмотрите на Люцифера. Об Аримане люди не говорят, его знают так мало, что употребляют одно имя на двоих. — Этот Люцифер, собственно — великий благодетель человечества. Он несет людям все, что приходит к ним

через их голову: науку, искусство, короче, все прогрессивное. Это поистине дух света — тот, которого надо придерживаться. А Яхве — что он, собственно, сделал? Излил на людей чувственную наследственность! Это — лунный Бог, который принес с собой лунное. Отсюда тезис "Тайной доктрины": Яхве придерживаться не надо, ибо он всего лишь господин чувственного и всего низменного земного, а истинный благодетель человечества — это Люцифер. Вся "Тайная доктрина" написана так, что этот тезис проходит через нее как четко выраженный лейтмотив. А для этого надо было Е.П. Блаватскую препарировать так, чтобы она из оккультных побуждений стала ненавистницей Христа и Яхве. Потому что вышеприведенный тезис в области оккультизма означает в точности то же самое, что во внешней области означает высказывание Синнетта: Луна — это восьмая Сфера.

К этому приходят только через познание, поистине, только через познание. По этой причине уже в первой же статье нашего журнала "Люцифер-Гнозис", где речь шла о Люцифере, мы позаботились о правильной концепции, чтобы можно было увидеть, что благодаря его деяниям, которые он проводит через человеческую голову, он является благодетелем человечества. Но и противовес должен также присутствовать, и этим противовесом должна быть любовь. Это было написано в первой же статье "Люцифера", ибо этот пункт должен был задавать тон всему.

Вы видите, все достаточно запутано. В сущности, при помощи Блаватской хотели достигнуть следующего: совратить людей верой в восьмую Сферу. Легче всего соблазнить верой в восьмую Сферу, если в "Тайной доктрине" искушать их ложной восьмой Сферой. Естественно, и в этом случае люди будут направлены в сторону восьмой Сферы. Великая заслуга "Тайной доктрины" в том и состоит, что она направляет людей в сторону восьмой Сферы. Но путь, который она избирает, преследует частные интересы, а не всеобщие интересы развития человечества. Все это мы должны иметь в виду, если хотим внести ясность в вопрос о здоровом пути. Мы не должны бездоказательно принимать пустые слова, если хотим иметь настоящий оккультизм. У нас должна быть воля к ясности в этих вещах. И в особенности в настоящий момент нашего земного развития я должен дать отдельные разъяснения именно в отношении этих вещей — разъяснения, которые в следующий раз мы восполним значительными вещами. И я это должен сделать по той причине, что при правильном взгляде на такие вещи вы увидите, как с самого начала нашего духовнонаучного движения мы шли верным курсом; мы прокладывали путь, учитывая все возможные отклонения и все грозящее духовному развитию человечества.

Нельзя вслепую, исходя из пустой мечтательности, указывать путь в духовный мир. Потому я должен постоянно предостерегать вас, мои дорогие друзья: будьте начеку, ибо необходимо, настоятельно необходимо не давать себя одурачивать тому, что уводит в восьмую Сферу. И когда постоянно увещевают, что надо быть предусмотрительным в области визионерского ясновидения, то надо отдавать приоритет только тому ясновидению, которое исключает Люцифера и Аримана и вводит в высшие миры, тогда увидят, что

должно быть исключено все, что может ввести душу в соприкосновение с восьмой Сферой. Когда все снова и снова возникает стремление связать свободную волю и сковать ее в области визионерского ясновидения, то это знак, что, в сущности, в рамках нашего движения должно наличествовать стремление к противодействию при помощи любви этому сковыванию свободной воли в визионерском ясновидении.

Как многие обрадовались бы, если бы могли связать эту свободную волю! Это видно из того, как многое, относящееся к упомянутым мною движениям, внешне внесено в наше движение. Причем не от Блаватской и не снаружи, а благодаря членам нашего движения постоянно пробивается брешь в том, что должно быть достигнуто. И это происходило и происходит по причине того, что постоянно удивляются результатам визионерского ясновидения. Когда удивляются результатам визионерского ясновидения, тогда и пробивают такую брешь, а это есть выражение извращенной любви к восьмой Сфере. И когда тот или иной говорит: доктор сказал, надо делать то-то и то-то, — это означает, что на чью-то свободную волю оказывается постороннее влияние, что она импульсируется не через себя, а через что-то другое; он склоняется к тому, чтобы другой вносил в физический мир то, что связует свободную волю. И всякий раз, как предаются фатализму вместо того, чтобы пустить в ход силу суждения, вы выказываете склонность к восьмой Сфере; а все, что мы отдаем восьмой Сфере, изымается из земного развития, не идет в ногу с земным развитием.

Мы подошли к той точке, когда нам надо быть как следует внимательными к этим вещам. Вот почему о них идет речь. Мы подошли к той точке, когда надо уделить внимание равновесию двух чаш весов, которые постоянно колеблются между эзотерическим и экзотерическим. Наша собственная эзотерическая практика показывает, что, в сущности, то, что должно наличествовать в качестве собственно оккультной жизни, не может быть высказано словами. Один раз говорят эзотерически, а другой — экзотерически; когда говорят экзотерически и эзотерически, то это как бы два разных диалекта единой невыразимой речи. И если кто-то хочет по своему высокомерию заменить экзотерическое эзотерическим, то он именно забывает, что эзотерическое и экзотерическое суть два диалекта единой несказанной речи, и ему скоро придется удерживать равновесие между эзотерическим и экзотерическим. А то, что помимо этого лежит между экзотерическим и изотерическим, это мы должны оценивать как невыразимую речь; это всегда нечто, что не может быть непосредственно высказано.

Когда, к примеру, публикуется нечто эзотерическое, вроде моего "Тайноведения", то при подобной публикации должно быть предусмотрено, чтобы в такой книге все соответствовало парадигме времени — тому, что понятно внешнему, не оккультному миру. А если что-то должно оставаться эзотерическим, то это значит только, что оно должно оставаться в кругу тех людей, которые проделывают то, что заповедано эзотерикой. А когда что-то не в порядке, то эзотерическое вносится в экзотерическое, и тогда возрастает опасность. Но такое случается всякий раз, когда предоставляется возможность вынести в мир то, что должно жить только в тесном кругу, так что теряется

возможность прослеживания судьбы вынесенного в мир. Оно же имеет место и в том случае, когда люди, в чьих руках находятся наши циклы лекций*, порывают с нашим обществом и там, вовне, делают с нашими циклами что хотят; тогда из наших рук уходит то, что мы должны иметь.

[* Циклы лекций первоначально были задуманы как приватное издание и предназначались только для членов Антропософского общества. По причине многократного нарушения этого предназначения Рудольф Штайнер во время нового основания Антропософского общества (Рождество 1923/24 гг.) снял все ограничения (см.: "Конституция Всеобщего антропософского общества и Свободной высшей школы духовной науки", GA 260a).]

Это происходит всякий раз и в следующем случае (об этом надо подумать, ибо это относится и к нам). Видите ли, я старался все эти годы, когда мы занимались нашей духовной наукой, так развивать все темы, что каждый, кто принимает все это во внимание, может понять эти вещи умом, даже если он еще не развил никакого ясновидения. Я пытался не публиковать ничего, что не могло получить признания со стороны этой инстанции. А из этого следует, что против духовнонаучного движения могут выступать только те, кто хотят идти навстречу переходу людей в восьмую Сферу. Когда я опубликовал самую щепетильную вещь, а именно, историю о двух мальчиках Иисусах [* "Духовное водительство человека и человечества", 1911, GA 15], то с некоей стороны, которая не пришла еще к пониманию (со стороны, где привыкли полагаться только на сообщения медиумов, — могу прочесть вам соответствующую статью, возникло возражение, тогда как каждый, кто хочет изучить Библию, мог бы в настоящее время понять, в чем разгадка этой истории с двумя мальчиками Иисусами. Поэтому наша позиция такова исследовать то, что нам предлагается, но никогда не иметь повода сказать, что предлагаемое было принято благодаря вере в авторитет. Среди нас и речи быть не может, что какая-то истина была принята потому, что я это сказал! Мы погрешим против истины, если скажем такое. Кое-что может покоиться на доверии; но это никогда не может быть всеобщей опорой, ибо каждый для себя решает, насколько он допускает, что кто-то другой может лучше знать дорогу; не доверять, а проверять.

Именно с помощью проверки узнается настоящее положение вещей. Даже слово "доверие", всплывающее среди нас, может стать небезопасным — знаком того, что наступили времена, когда нам грозит опасность. Старый тип поведения, который был принят среди нас, должен прекратиться, ибо духовная наука покоится не на авторитете, а на знании предмета. Времена, когда занятие духовной наукой было удобным делом, прошли. Всюду поднимают голову враги, и нам предстоит множество баталий; мы будем закаляться в борьбе. И если где-то встретятся сбитые с толку головы, то они дают особую возможность развивать те силы, что противодействуют нашему духовнонаучному движению.

Мы должны размышлять над этим явлением исходя из природы этих вещей. И мы должны прийти к заключению, что с ними надо

считаться. Ибо односторонние движения повсюду находят признание, повсюду находят приверженцев, — ведь там и здесь всегда найдутся группы людей, имеющих интерес к этой односторонности. Посудите сами, ведь человечество состоит из групп людей, и если вы сложите все группы вместе, то получите все человечество. И если оккультист вступает в какую-то группу, то он в своей группе находит поддержку и может действовать от ее имени, поскольку эта группа помогает ему. Поэтому каждый, кто выступает от лица какой-то односторонней структуры, может рассчитывать на определенное сочувствие и любовь. Но если человек выступает от лица истины, то поначалу он имеет против себя все человечество. Истина должна завоевать себе место, даже если к ней не проявляют никакого интереса. Вот почему в действительности ничто так сильно не ненавидят, как Истину, неприкрашенную Истину. По этой причине там или здесь подчас встречаются такие приверженцы, которые, собственно, в самых глубинах своей души хранят ненависть. Ничего удивительного, если эта ненависть, сидящая в каком-нибудь существе, "шпыняет" оградительную стену и прорывается наружу; имя этого существа* не обязательно указывает на скрытую ненависть. Но она может принять такие формы.

[* Относится к главной зачинательнице того, что в этих лекциях именуется "мистиковатые чудаковатости", имя которой было Алиса Шпренгель (по-немецки "шпренген" — подрывать, срывать, разрывать, "шпынять").]

Такого рода ненависть — гораздо более распространенное явление, чем думают; с этой ненавистью надо считаться. Истину всегда ненавидят и поэтому везде, где проявляется Истина, возникает стремление так извратить ее, чтобы она могла как-то послужить враждебным силам. И во множестве попыток, имеющих место в настоящее время в нашей среде, мы должны видеть именно попытку извратить то, что для нас является Истиной, дать ей другое применение. Это может быть осуществлено весьма рафинированным образом, когда скажут: учение недурно, но учитель ни на что не годен. Тем самым учитель как бы устраняется, и учению можно дать другое применение. Да, Люциферу и Ариману больше всего пришлось бы по нраву, если бы они могли захватить всю божественную мудрость и перенести ее на восьмую Сферу.

Задача здесь такая — общество, в котором существует свобода, трансформировать в общество рабов. Вот метод, который может послужить Ариману, затевающему свои происки, чтобы вас сделать своими слугами. Это более эзотерическая сторона предмета, который мы также теперь экзотерически, то есть на другом диалекте, но должны рассмотреть со всей подобающей серьезностью.

Я прошу вас не упускать из виду, что мы в развитии нашей духовной науки подошли к очень важному времени. Это только часть того, что я хотел бы вам сегодня сказать об этом. Если нам представится такая возможность, я хотел бы также завтра продолжить этот разговор. Мне не хотелось бы, чтобы вещи, которые я здесь

затронул за последние четверть часа, были неправильно поняты, поэтому будет лучше, если мы завтра продолжим эту тему.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 19 октября 1915 г.

Если вы еще раз предпримите своего рода душевно-моральный обзор — причем я имею в виду нечто итоговое, не вдающееся в детали, — если вы, таким образом, охватите то, что я позволил себе в последних лекциях предложить вам, вы увидите, что ход развития, который должен быть принят в духовнонаучном мировоззренческом течении со стороны тех, кто чувствует себя ответственным за духовнонаучное, как раз и возлагает на них определенную ответственность, весьма строгую ответственность. Ибо уже из рассмотрений последнего времени вы можете заключить: встречаются препятствия, возрастающие по силе, чтобы человек мог осмотреться и выбрать правильный, прямой путь, причем характер этих трудностей другой, нежели в обычной жизни.

Не правда ли, в жизни на физическом плане мы во многих отношениях защищены от того, чтобы сбиться в ту или другую сторону. Я ведь вам уже много лет назад указывал на эту защиту, когда давал отдельные описания в связи с проблемой Стража Порога, которые в ходе времени были дополнены. Уже в старых статьях, впоследствии собранных в книге "Как достигнуть познания высших миров?", можно увидеть, как человек на физическом плане защищен от малейших отклонений в ту или иную сторону в интеллектуальном и моральном отношении. Мы входим в жизнь таким образом, что в детском возрасте нам придаются определенные направляющие силы для жизни, не так ли? Нам достаточно известно: к свободному употреблению силы суждения мы пробуждаемся, в сущности, только в более поздние годы.

Понаблюдайте как-нибудь за ребенком и сравните его душевную жизнь с душевной жизнью взрослого. Тогда вы увидите, что вам придется признать определенный спектр изменений от детской жизни до жизни взрослого, так что вы сможете сказать: человек вырастает из определенного смутного переживания свойственного его детству, до свободного употребления силы своего суждения в более позднем возрасте. Все сводится к тому, чтобы действительно ощутить этот жизненный спектр.

Когда наблюдаешь ход человеческой жизни от рождения до смерти на примере ребенка, то эту метаморфозу внутренней жизни души трудно заметить. Но очень важно как раз провести такое наблюдение на примере ребенка, ибо в то время, когда наша сила суждения еще не полностью пробуждена, именно тогда мы встречаем то, что нас ведет и направляет в более позднюю жизнь. Мы должны ради собственной свободной силы суждения в первые годы жизни в известной степени пребывать в смутном сознании, чтобы в наш интеллект, в наши моральные импульсы могли вступить определенные направляющие силы — силы, которые не должны слишком рано выкристаллизоваться,

которые экипируют нас для жизни, которые одушевляют наше существо, не хочу сказать, воплощают наше существо. Благодаря этому мы получаем нечто на всю жизнь — благодаря этому мы реально ориентируемся всю жизнь по таким вживленным в нас интеллектуальным и моральным импульсам.

В определенном отношении мы становимся свободнее, когда обращаемся к понятиям духовных миров. Об этом часто говорится и должно часто говориться, что и такое вступление в духовные миры есть опять-таки в некотором роде пробуждение из обычного жизненного состояния, из обычных жизненных отношений; так что имеет место сходная нюансировка жизненной метаморфозы, подобная тому, как от детского состояния мы переходим к способности суждения о жизни. Но благодаря тому, что на деле мы очень легко попадаем в такое положение, когда понятийным образом как оно и должно быть, принимаем духовнонаучное мировоззрение, предшествующие твердые жизненные устремления, которые у нас были до того, приходят в разброд. Поэтому дело в том, чтобы всего человека, посеянного в нас, взять с собой, когда мы вступаем в постижение духовного мира, ибо нам тем более необходим тот жизненный капитал, который посеян в нас, он воодушевляет нас благодаря детству, когда мы приступаем к вещам, которые должны нам открыться из этого мира по ту сторону порога жизни. И я показал вам, как легко под различными влияниями разных современных течений отклониться в ту или другую сторону. Ибо отклонение, какое, к примеру, имеет место в "Эзотерическом буддизме" Синнетта, возникает по той причине, что на душу человека может подействовать, подчеркиваю, может подействовать импульс материализма.

Но как под влиянием восточных течений возможно отклонение в том направлении, которое начисто отрицает природу нынешней Луны, клеветает на нее, так же возможно отклонение в другую сторону — мы усматриваем возможность такого отклонения в том, что определенные люди заинтересованы не дать выйти в мир истине о повторных земных жизнях. Те — и в этом случае не сам г-н Синнетт, а те, кто стояли за ним, — кто заинтересован так сформировать земную жизнь людей, чтобы материализм как можно сильнее гипертрофировать, вносят что-то наподобие такого учения о Луне, но в остальном правильную систему, чтобы тем самым дать этой системе вполне определенный уклон.

Но нам ведь известно, что западная культура со своим американским придатком последние столетия стоит под сильным влиянием христианства. Я сам достаточно потрудился, чтобы показать, что под христианством может пониматься не только то, что понимается сегодня. Многие будут впервые поняты в будущем, да и мы сами многое относящееся к Мистерии Голгофы только начинаем понимать. Но импульсы христианства реальны, они действуют даже тогда, когда люди их еще не понимают. Однако в прошедших столетиях они должны были действовать так, чтобы была исключена часть всеобщей мировой Истины, прекрасно согласующейся с христианством. При этом не было достаточного прозрения, чтобы ясно понять возможность такого согласования. Вышло так, что все, связанное с повторными земными,

жизнями было исключено из христианства. Так и возникла западная культура с ее американским придатком при таком христианстве, которое исключало из себя определенную составляющую истины, вроде учения о повторных земных жизнях.

Я уже показал, как некоторые оккультисты старались со своей стороны продвинуть эти вещи дальше, как они односторонним образом хотели это однажды принесенное воззрение спасти от христианских импульсов: воззрение, исключавшее истину о повторных земных жизнях. Я указывал на определенные оккультные направления, которые, в частности, находились в известном отношении к высшим церковным кругам. Речь идет о вполне просвещенных людях. Да, можно сказать, что они в оккультном смысле были гораздо более образованны, чем ведущие деятели Теософского общества. Но их всех обуревало желание как можно больше ограничить учение о повторных земных жизнях; и это связано с тем, что они отрицали, что человек — как я это представил в "Тайноведении" — в ходе своего земного развития вступал-таки в отношение с другими планетами нашей Солнечной системы.

Те силы, которые были тогда укоренены в человеческой душе, имели дело в основном с человеческим участием во внеземном космосе; и связанное с этим участием человеческой души во внеземном космосе, они хотели с этой стороны оставить для человека неясным. Они хотели удалить из сознания, что душа связана не только с земным существом и с земными событиями, но также с тем, что имеется во внешнем космосе, с тем, что нас, к примеру, просвещает с других планет нашей Солнечной системы.

Импульсы, исходящие от других планет нашей Солнечной системы, когда они воздействуют на человека, имеют главным образом силу вырывать душу, живую душу, из объятий физической смерти. В этом состоит их приоритетная задача, как вам это известно из описаний жизни между смертью и новым рождением, которые я в разных взаимосвязях и с разных точек зрения уже давал.

Но если вы обращаетесь к развитию человечества, тогда вы видите, что именно в те времена, когда атавистическое познание, ясновидческое познание еще наличествовало как составная часть наследия более старых времен, люди направляли свой взор на другие планеты нашей Солнечной системы; и то, что стало для нашего времени столь сомнительной наукой, как астрология, в древние времена играло необыкновенно важную роль.

Почему же, можем мы спросить, астрология перестала играть такую роль? Потому что, дабы дать время христианству вжиться в земное, взор души должен был быть отведен. Как ясновидческий взор должен был быть отведен от имагинативного мира, так же он должен был быть отведен от импульсов, исходящих от планет нашей Солнечной системы. От астрологии остались лишь старые традиции. Об этом я часто говорил. В известном смысле, можно сказать: древнее ясновидение, а также старое восприятие и знание импульсов, исходящих от планет нашей Солнечной системы — все это было

ограничено. Человек был оттеснен в наш мир простого восприятия, в котором его внешние органы чувств должны были воспринимать то, что происходит на Земле, дабы импульсы Мистерии Голгофы могли окрепнуть, дабы он мог погрузиться в свою душу, в чувство веры, дабы человек мог углубить свое внутреннее.

Ибо ясновидение было в древние времена внешней способностью. Его не надо было завоевывать, его получали по наследству. Как современный человек имеет глаза и уши, так тогда имели ясновидение. Но пришли времена, когда приходилось все больше и больше его завоевывать. Человеку нужно было быть однажды отрезанным от духовного мира и ограниченным внешним минеральным миром, дабы все заново выстроить изнутри. Таким образом, изнутри нужно было построить то, что раньше он видел извне. Я хотел бы это вам изобразить схематически.

Представим себе человека с древним ясновидческим взором. Он направляет свой взор — глаз на моем рисунке будет представлять его ясновидческий взор, хотя ясновидческий взор не привязан к глазу, — к планетным сферам и видит там разные духовные импульсы, нисходящие к нему.

Затем, в ходе времени, этот ясновидческий взор угас, и взгляд человека стал ограничен земной жизнью. На место прежнего ясновидения должно было вступить нечто другое. И то, что должно было вступить, мы можем нарисовать так. Мы можем сказать: то, что раньше приходило снаружи вовнутрь, теперь должно направляться изнутри наружу. Человек как бы должен снова учиться проецировать наружу то, что в нем насадило небо, дабы снова обрести связь с небесными явлениями.

Должен быть пройден как раз противоположный путь. Поистине, человеческая природа в настоящий момент времени подступила к некоей реорганизации. Пункт внешнего затемнения, можно сказать, пройден, и одним из выражений этого является то, что именуется взлетом материализма в XIX столетии. Но для человечества уже готовится новый прорыв. Если мы хотим это охарактеризовать оккультно, мы можем сказать: раньше люди не просто воспринимали и думали своим физическим телом, но воспринимали и думали эфирным телом. Воспринятое эфирным телом осознавалось в астральном теле астрологически; в наше время в астрономии все подлежит вычислению. Но теперь эфирное тело должно быть снова оживлено, и это связано с эфирным пришествием Христа. Когда эфирное тело будет снова

оживлено, вы увидите Христа. Но должно иметь место некое оживление, некая витализация эфирного тела.

Когда по-настоящему вникаешь в эти вещи, можно делать поразительные открытия. Само чувство того, что человек имеет эфирное тело, исчезло; вместо него всплыло чувство, как если бы человек имел только физическое тело. Но вы бы составили совершенно ложное суждение, если бы посчитали мнение, согласно которому человек имеет только физическое тело, очень старым. Оно совсем не такое старое. Если действительно это ограничение одним только физическим телом вызвало взлет материализма XIX века, то вы можете сказать: люди должны были перед этим нечто предчувствовать относительно эфирного тела, которое затем погрузилось вниз, а теперь снова всплывает. Ну, доказательств тому, что люди действительно что-то знали относительно эфирного тела, располагали знанием, которое тогда было, а теперь постепенно исчезло из поля зрения, я могу привести великое множество. Я мог бы привести вам много отрывков из старых книг. Но я прочитаю вам только одно место из книги, появившейся в 1827 году. Там, на странице 208, вы найдете примечательное место. Я его прочитаю очень медленно, чтобы вы во время чтения обратили внимание на то, как по-другому в наше время пишут о таких вещах под влиянием ставшего совершенно материалистическим воззрения.

"Совершенно ошибочно человек связывает понятие питания с простым принятием пищи и питья и их переработкой в органах переваривания. Кровь, а не еда и питье, питает организм и поддерживает органическую жизнь, да и кровь (нейтрализующий земной и эфирный жизненный принцип)..." — таким образом, он указывает, что говорит не о физической крови, а об эфирном жизненном принципе, лежащем в основе крови, — "... да и кровь поддерживает его не раньше, чем он в пластической коже возвысится до животворящего и формообразующего дыхания (*Aura vitalis*) и как бы сублимируется".

Что, собственно, этим сказано? Внешнее питание не является, собственно, основным феноменом, а все сводится к тому, что в процессе внешнего питания пища посылает в кровь определенные экстракты, так что весь процесс происходит на уровне эфиризирующего жизненного принципа, лежащего в основе крови. Это было написано в 1827 году. Автор даже сделал скобки, где говорит: "... пока он в пластической коже не возвысится до животворящего и формообразующего дыхания (*Aura vitalis*) и как бы сублимируется". Слово "пластическое" значит то же самое, что "имагинативное". Я мог бы с тем же успехом прочесть: "... не раньше, чем он возвысится в имагинативных формообразующих мембранах до животворящего и формообразующего дыхания (*Aura vitalis*) и как бы сублимируется". В скобках стоит: "*Aura vitalis*". Это нельзя перевести иначе, нежели: эфирное тело*.

Человек, написавший это, был профессором психиатрии в Лейпцигском университете и врачом в доме св. Георгия**. Это доктор Иоганн Кристиан Аугуст Хейнрот, о котором я уже однажды говорил в связи с Гёте.

[* Из книги "Психология как учение о самопознании", кн. 2, гл. 2: "Тело в его деятельности для себя и для души, или органическая жизнь", примеч. на стр. 208.]

[* См.также:"Мировоззрение Гёте" (GA 6).]

Из этого вы можете предощутить — а примеры можно приводить сотнями — насколько другим был тон, что наличествовала струя познания в материалистическом мировоззрении, незадолго до этого еще существовавшего. Можно сказать, наличествовал некий поток знания. Схематически это можно нарисовать так:

Поток погружается здесь, а материалистическое познание всплывает. Но под потоком материализма, так сказать, в качестве субпотока, в природе человека развивается то, о чем я говорил: изнутри наружу заново выстраивается связь с Космосом. Вы могли бы опять-таки сказать: докажи нам, что существовали люди, имевшие понятие об этом; ведь если, с одной стороны, знание о старом значении эфирного тела, получающего впечатления извне, погрузилось вниз, то, с другой стороны, все еще существовали люди, знавшие о том, что эфирное тело снова оживотворяется изнутри наружу.

В связи со сказанным я хотел бы вам прочитать одно место из книги, появившейся еще раньше, и из нее вы сможете усмотреть, что уже существовали люди, замечавшие, каким образом конституция человека в будущем изменится. Вообще-то рассказ ведется очень в завуалированной форме, но так делалось всегда. В этой книге выведена одна женская фигура. Большинство из вас знает, что я читаю, откуда это взято.

Эта женщина находится, как там сказано, по отношению к нашей Солнечной системе "в некоей связи, которую мы едва осмеливаемся определить словами. Дело не только в том, что дух, душа и воображение Макарии заключают в себе Солнечную систему, которую она постоянно созерцает, сама Макария есть как бы часть этой системы, она зримо для себя особым образом движется по небесным кругам, вращаясь с самого детства вокруг Солнца, причем, как открыли недавно, по спиральной орбите, которая несет ее все дальше от средоточия к внешним сферам". То есть здесь рассказывается, что в женском теле имеется некая душа, соучаствующая уже не столько в земной жизни, сколько в солнечной, что она в ходе жизни описывает как бы расширяющиеся орбиты, настоящее обстоятельство можно истолковать так, что это существо, тянущееся к центру в той мере, в какой оно является телесным, устремлено к периферии в меру своей духовности. Значит, описывается душа, участвующая в жизни Космоса:

"Между Макарией и нашей Солнечной системой существует некая связь, которую мы едва осмеливаемся определить словами. Дело не только в том, что дух, душа и воображение Макарии заключают в себе

Солнечную систему, которую она постоянно созерцает, — сама Макария есть как бы часть этой системы, она зримо для себя особым образом движется по небесным кругам, вращаясь с самого детства вокруг Солнца, причем, как открыли недавно, по спиральной орбите, которая несет ее все дальше от средоточия к внешним сферам.

Если допустить, что всякое существо как существо телесное стремится к центру, а как существо духовное — к внешней окружности, то Макарию должно отнести к числу самых духовных натур: она кажется рожденной только для того, чтобы сбросить земную оболочку и проникнуть во все ближние и дальние области бытия. Это свойство, сколь оно ни дивно, сама Макария с малых лет воспринимала как возложенный на нее тяжкий долг. Как она помнит, ее внутреннее "я" всегда было пронизано некоей светящейся субстанцией, озарено светом, не уступавшим яркостью солнечному сиянию. Часто она созерцала два Солнца — одно внутри себя и одно на небе — и две Луны, причем Луна вне ее во всех фазах сохраняла одинаковую величину, а Луна внутри непрестанно уменьшалась.

Этот дар отвлекал Макарию от безразличной ей обыденности, однако ее родители, люди незаурядные, сделали все для ее воспитания, так что ни одна ее способность не осталась втуне, ни одно умение — праздным, и хотя сердце и дух у ней были полны неземными видениями, она имела довольно сил, чтобы справляться с внешними обязательствами, а все ее дела и поступки неизменно отвечали требованиям самой возвышенной нравственности, так она и росла, безотказная в помощи, готовая служить ближним в большом и малом, подобная Ангелу Господню на земле, между тем, как духовное ее существо, вращаясь вокруг освещающего наш мир Солнца, двигалось по все расширяющимся кругам к надмирным пределам.

Это состояние отчасти умерялось и смягчалось тем, что и в ней, по видимому, происходила смена дня и ночи, и когда внутренний свет мерк, она старалась неукоснительно выполнять внешние обязанности, а когда внутри у ней вновь разгоралось сияние, она предавалась блаженному покою. По ее словам, она заметила, что порой вокруг нее сгущается некое подобье облаков, которые на время мешают ей видеть свет ее небесных спутников: такие периоды она всегда умела использовать на благо и на радость своим близким.

Пока она таила свои прозрения, ей было нелегко переносить их, а то, что она о них рассказывала, не получало веры, либо неверно истолковывалось, поэтому всю свою долгую жизнь она соглашалась на то, чтобы посторонние считали ее состояние болезнью, как в семействе говорят о нем и поныне. Но в конце концов счастливый случай свел ее с человеком, которого вы уже встречали здесь; равно искушенный в медицине, математике и астрономии, к тому же отличавшийся высоким благородством, он сначала сблизился с ней только ради любопытства. Но когда она, проникнувшись доверием, постепенно описала ему свои состояния, связала настоящее с прошедшим и показала взаимосвязь событий, необычайное явление настолько его увлекло, что он уже не мог с нею расстаться и день за днем старался глубже проникнуть в эту тайну.

Он сам недвусмысленно дал понять, что вначале считал все лишь самообманом, так как Макария не отрицала, что с юности звездословие всегда занимало ее и она, став весьма в нем сведущей, все же не упускала возможности с помощью книг и приборов еще наглядней представить себе строение вселенной. Поэтому его никак нельзя было убедить, что все это отнюдь не просто затвержено. Он упорно предполагал здесь влияние памяти и ни на что другое не отвлекаемого воображения, которым содействует сильный ум и особенно скрытые способности к счислению.

Как математик он упрям, как человек трезвого ума недоверчив, поэтому сопротивление его было долгим; однако он тщательно примечал все, что она сообщала, старался постичь последовательность происшедшего за много лет, обращая особое внимание на последнее время, когда все сообщаемое Макарией согласовалось с истинным расположением светил, и наконец воскликнул: "Почему бы и вправду Богу и природе не создать живую армиллярную сферу, не построить одушевленный человеческий механизм, который мог бы на свой лад делать то же, что ежедневно и ежеминутно делают часы, — следить за ходом небесных тел?"

На этом, однако, мы и остановимся: ведь невероятное теряет всякую цену, если хотят рассмотреть его во всех подробностях. Скажем только, что все вычисления основывались вот на чем: наше Солнце казалось ясновидящей в ее прозрениях меньше того, каким она видела его днем; также и необычное положение этого духовного светила в круге Зодиака позволяло сделать некоторые выводы. С другой стороны, путаница и сомнения возникали оттого, что Макария указывала на одновременное появление в одном из зодиакальных созвездий двух светил, между тем как заметить это на небе не удавалось. Возможно, то были тогда еще не открытые малые планеты. Ведь из других указаний Макарии можно было заключить, что она давно уже вышла за орбиту Марса и приближалась к орбите Юпитера. Было очевидно, что она некоторое время с изумлением наблюдала — трудно сказать, с какого расстояния — эту планету во всем ее великолепии и созерцала игру движущихся вокруг нее лун; но — странное дело — видела она Юпитер подобным убывающей Луне, однако перевернутой, такой, какой она бывает, вырастая. Из этого заключили, что Макария видела планету сбоку и, следовательно, должна вот-вот выйти за его орбиту и устремиться в бесконечное пространство по направлению к Сатурну. Туда за нею не способно последовать ничье воображение, но мы надеемся, что такая энтелехия не покинет совсем нашу Солнечную систему, но, достигнув ее пределов, почувствует влечение вспять, чтобы возродиться к земной жизни и облагодетельствовать наших правнуков".

Здесь нам представлен очень значительный вид воззрения на то, какой станет человеческая душа самой собою, как душа человека, исходя из внутреннего, снова возвратится к миру звезд. Я прочитал вам описание Макарии из книги "Годы странствия Вильгельма Мейстера" Гёте [* Гёте В. Собр. соч. В 10 т. Т. 8. Гл. 15], и тот при этом выразительно прибавляет, что он сказал далеко не все. Он намекает, что это эфирная поэма, в таких словах: "На этом мы, в надежде на то,

что читатель простит нас, заканчиваем нашу эфирную поэму и возвращаемся к земной сказке, вскользь упомянутой нами выше".

И прежде чем Гёте приступает к описанию Макарии, он говорит: "Добравшись до этого пункта, мы не можем противостоять искушению привести тут листок из нашего архива, где речь идет о Макарии и особом свойстве ее духа. К сожалению, написана эта бумага по памяти, спустя много времени после того, как содержащиеся в ней сведения были нам сообщены, и потому не может быть признана подлинным документом, как то было бы желательным в столь важном случае. Но на нет и суда нет, мы же надеемся, что сказанное здесь насторожит читателя и заставит его задуматься, не замечал ли он то же самое или хотя бы нечто подобное и не встречал ли записей об этом".

Я хотел обратить ваше внимание на этот эпизод из книги "Годы странствия Вильгельма Мейстера", ибо вы можете отсюда узреть, как мы с нашей духовной наукой поистине идем навстречу требованиям времени. Человеческая природа изменяется таким образом, что снова рождает из себя то, что было ею потеряно из древнего наследия доземного мира. И людям следует знать, что им готовит грядущее, иначе наступит полная растерянность. Вот каким образом духовная наука должна вписаться в нашу эпоху.

Но как только человек обращает внимание на указанное выше, он неизбежно должен прийти к учению о реинкарнации, ибо он должен себе сказать, что такая энтелехия из потустороннего мира — из сфер Юпитера, Сатурна и т.д. — должна опять-таки иметь что-то общее с Землей и должна к нам возвращаться. Вот почему, говорят вышеназванные оккультисты, которые хотят перегородить дорогу учению о реинкарнации, должны быть возведены баррикады против такого мировоззрения, и баррикады эти возводятся благодаря тому, что человека как можно сильнее отклоняют от взаимосвязи с мировыми телами Солнечной системы. Итак, мы видим, что как раз с этой стороны наличествует напряженная заинтересованность преградить дорогу определенным вещам. Я уже вчера говорил: если наличествует заинтересованность в одностороннем направлении, то она всегда находит определенную опору; истина в общем остается, но подвергается нападению и делается все возможное, чтобы истина так и не раскрылась. И к подлинному служению нашему духовному движению относится то, что мы полностью осознаем, что искомая истина со многих-многих сторон подвергается нападению. И нет ничего более насущного, чем вооружиться всесторонней ясностью мышления. Вы должны не упускать из виду, что враждебно выступающие против нашего движения — именно враждебно настроенные личности — на самом деле по большей части марионетки вражеских сил. Мы встречаем в них действие сверхчувственных сил. Эти сверхчувственные силы, к коим относятся Ариман и Люцифер, очевидно действуют в человеческой жизни посредством душ людей, попросту являющихся их орудием.

Поэтому необходимо знать точно, о чем идет речь в том или другом случае; но самое настоящее — насколько это возможно — применять совершенно прозрачное, точное мышление. Вам ведь

известно, что в самой жизни много противоречивого, и Гегель всю свою философию построил на обнаружении противоречий бытия. Поэтому дело не в том, чтобы избегать противоречий в жизни, ибо там их место. А дело в том, чтобы познать противоречия и не упускать их из вида.

Ариман и Люцифер только тогда могут что-то сделать, когда противоречие остается незамеченным, когда нам не хватает силы и воли, чтобы раскрыть противоречие. Повсеместно, где мы впадаем в противоречие, которое, однако, не распознаем как противоречие, а просто принимаем как истинное жизненное содержание, там всюду Люцифер и Ариман получают возможность овладеть нашей душой.

Возьмём-ка то примечательное противоречие, которое нам встречалось последние недели. Факты понудили меня прочесть выдержку из письма одной дамы, которое содержит слова, что она, со своей стороны, хотела бы иметь не учение и не учителя, а человека. Итак, ищется не учение и не учитель, а человек. Учение считается чем-то вроде приложения и добавлено, что главная ценность, это человек. Так представлено положение вещей. Затем появляется что-то другое, теперь все наоборот. Человека отбрасывают с максимальной силой, а про учение сказано, что оно признается истинным. Подумайте только: с одной стороны, утверждается, что ищут не учение и не учителя, а человека, а с другой — человека я ненавижу, человека я отклоняю, он обещает и не выполняет обещанного; но учение недурно, учение я принимаю.

Что это, собственно, значит? Это значит: я стою какое-то время в определенном отношении к человеку; он интересуется меня, а учение не очень. Потом я отворачиваюсь от него, и тогда я подчеркиваю, что он меня, собственно, не интересовал. То, что я раньше отклонял, теперь я приветствую; я не принимал учения, а теперь говорю: оно недурно. Очевидно, если я так выражаюсь, то нет предмета. Я говорю: я придерживаюсь того, что я не хочу принимать, что мне вовсе не нужно, ибо перед тем я отказался его принимать.

Вот вам живой пример существующего в мире противоречия. Как можно в таком случае усомниться, что там, где проявляется такое противоречие, существует какое-то подлинное внутреннее отношение к нашему духовнонаучному движению? Как раз никакого внутреннего сродства с нашим духовнонаучным движением. Важно провести перед своими глазами такое настоящее противоречие. Ибо если мы не замечаем среди нас таких вещей, то никогда не найдем прямого пути к познанию духовного мира. Само собой, нам может повстречаться разное, но мы должны располагать доброй волей, дабы действительно замечать такие жизненные противоречия.

Но, с другой стороны, можно такие противоречия использовать как раз для того, чтобы определенным образом выудить истину. Представьте себе, что, например, кто-то скажет: учение приносит человек, но ведь человек полон противоречий, даже полон аморальностей, даже водим силами зла; а вот учение и разное, с ним связанное, хорошо — и все это я принимаю. Но ведь учение, о котором идет речь, как раз в том и состоит, что тот, кто принимает это учение и

связанное с ним движение, через это самое учение определяет свои отношения с другими людьми — то есть отношение между собой и другими выстраивает с помощью этого учения, — более того, учитель не хочет быть ничем иным, как носителем учения: как же можно при таких соотношениях прийти к тому, что учитель может быть чем-то другим, чем его ученик?! А когда требуют от учителя и его приверженцев одного, а по существу то, что дает учение, отвергают, то и говорят: учение хорошо, а вот человек плох!

Поистине, можно в таком духе, если не чувствовать в себе силы, некоторым образом само учение принимать и вместе с тем противодействовать учению в лице тех, в ком находят приверженцев учения. Это лучший способ, когда не можешь опровергнуть учение, таким образом удобрить почву, дабы передать ее люциферически-ариманическим силам, как я вчера на это указывал.

Сколько раз именно в нашем движении твердилось, что наше учение должно быть не просто теорией, а непосредственной жизнью. Когда его сводят к простой теории, его убивают; его передают Ариману, богу смерти. Это лучший метод передать Ариману учение и надлежащий способ изъять его из мира, и этот метод очень схож с тем, как мы видим, что употребляли определенные индивидуальности — те, скажем, что стояли позади мистера Синнетта. Они сделали ему определенные указания, которые были ложными, чтобы повести его в назначенном ложном направлении. Эти указания состояли в том, что как раз истинное было искажено. Луна, в качестве физической луны нейтрализующая влияние восьмой Сферы, сама объявлена восьмой Сферой. Тем самым восьмая Сфера вуалируется и затушевывается. Позднее это было подправлено у Е.П. Блаватской тем, что было сказано — так как Яхве на Луне сотворил лекарство против восьмой Сферы, — что Он сотворил только низшие жизненные сферы, сферы чувственного восприятия человека. Таким образом, этот метод состоит в том, что распространяют уничижающий туман над чем-то и тем самым выставляют в ложном свете. Если подробнее рассмотреть эти вещи, то вам станет ясно: то, что здесь у нас происходит, та же самая материя, только в меньшем масштабе. Это попытка оклеветать то, что, будучи Истиной, хочет вступить в мир. Не чувствуют сил опровергнуть само учение, поэтому нападают на тех, кто является его носителем. Это связано с тем, что сам человек слишком слаб, чтобы проникнуть в такое учение.

Это необычайно важная проблема для тех, кто с серьезностью и достоинством находится в наших рядах, ибо эти вещи надо провидеть с некоей высшей точки зрения. Я хочу привести вам еще один пример. Я привожу этот пример, потому что он почерпнут из текущей жизни, потому что он должен вам показать, куда должен быть направлен наш взгляд и как с его помощью вещи из нашего окружения обозревать с высшей точки зрения. В нашем движении должно быть строго подчеркнута — и так оно и делалось все годы, что я руководил нашим движением: атавистическое ясновидение должно быть правильно освещено, нельзя заблуждаться относительно древнего атавистического ясновидения. Что изобретается для того, чтобы то что мы делаем или хотим делать, капитальным образом опрокинуть? Тому

есть один пример. Говорят: ясно, что это движение базируется на культивируемом в нем ясновидении. И стараются так повернуть вещи, как если бы в этом движении всем вменялась обязанность пестовать ясновидение. Когда говорят такое, то распространяют над этим движением некий туман. Истина как раз в противоположном, хотя и верно, что ясновидение надо развивать. Но при такой подаче это хорошее средство разжигать ненависть людей против такого движения.

Верно, что можно говорить: когда в наши дни появляется какое-то движение, оно не должно больше развивать старое атавистическое ясновидение. Но когда добавляют: а это движение как раз это и делает, то это означает, что его же собственный тезис оборачивают против него же, приписывая ему то, что оно само порицает. Выходит, меняют направление стрелы на противоположное. Такое встречается, к случаю сказать, непосредственно рядом. Непосредственно в нашем окружении проповедуется, говорится с кафедры, что собравшиеся вокруг меня, здесь, в Дорнахе, стимулируются к ясновидению. И дают понять, что это болезнетворное, атавистическое ясновидение.

Само собой, тот, кто это говорит, понятия не имеет о чем он говорит. Само собой, это только марионетка, но мы должны глубже проникать во взаимосвязи. Мы должны отдавать себе отчет, что мы живем в такое время, когда подобные импульсы против нас особенно ценятся. Но может показаться особенно забавным, когда само наше учение обращают как орудие против нас же и нас опровергают нашим же собственным учением. И такое уже бывало. Вы знаете, как в одном памфлете против нас в последние недели цитатами из "Драм-Мистерий" и "Тайноведения" осуществлен выпад против того, на чем мы стоим. Таким образом, перед вами повсюду действие сил, желающих воспрепятствовать обнаружению истины.

Что до Истины самой, о ней нам не надо вообще заботиться, особенно тогда, когда мы видим, что на наши собственные истины направлен удар вплоть до того, что сказанное нами обращается против нас, так что речь идет не об опровержении того, что мы, собственно, делаем. У нас не было нужды пускаться в какую-либо полемику до тех пор, пока на нас не был направлен удар. Отсюда также берет начало наш отказ от полемики, как это прежде часто подчеркивалось. Истина должна предстать перед миром только в позитивной окраске. Но в тот момент, когда в мир приходят утверждения, совершенно не касающиеся Истины, мы должны быть оснащены и знать, с какой точки зрения надо обсуждать такие вещи. Мы должны стоять на той точке зрения, когда мы не только размышляем над тем, что есть в книгах, но мы должны провести принципы нашего учения в жизнь. Это означает, что мы судим о жизни в соответствии с принципами нашего учения, что, стало быть, о каком-нибудь внешнем выпаде мы думаем не так, как если бы наше учение мы воспринимали только теоретически. Необходимость полемики начинается, только когда нам нанесен удар. Но тогда мы должны знать, что наше учение легко превратить в его противоположность, так что мы должны хранить его и остерегаться. Особенно мы должны остерегаться разных односторонностей.

Например, в том, что здесь или там было сказано, может быть слышан тот или иной обертон: обертон, имеющий свою причину, но легко переходящий в крайность. А такое легко опровергается. Примите во внимание, сколько слов нам понадобилось сказать из-за разных сомнений в связи с той или иной инкарнацией. Но если доходить в этом до крайностей, если высмеивать все такие вещи без исключения, то наши враги скажут: они столько теоретизируют, но стоит им коснуться чего-то конкретного, как они сами же начинают себя высмеивать!

Естественно, у нас нет оснований отклонять душевные, ясновидческие переживания; с нашей стороны существует только обязательство ставить их с головы на ноги, когда дело идет к тому, что такие переживания ставятся на службу личному, тщеславию, либо же когда ход событий показывает, что эти душевные переживания неправильны. Так что мы должны, тривиально выражаясь, не выплескивать ребенка вместе с водой. И, конечно, наше Общество не должно склоняться только к научному теоретизированию.

Вы видите, что такая опасность может легко возникнуть. Я уже упоминал, что известное сочинение, которое нам на днях прислали, написано весьма умело. Оно и вправду весьма умело, ибо невозможно нанести удар нашему движению правдоподобным образом, если не сказать следующим образом: они ведут себя так, как если бы все нормальные отношения в чувственном мире отклонялись со стороны духовного мира, как если бы духовный мир все это должен был игнорировать. Но именно так написано в этом сочинении. В сопроводительной заметке стоит вообще что-то поразительное: почему бы в таком случае Матери Божией снова не перевоплотиться? И правда, можно сказать: почему бы и нет? Нет никакого основания, по которому этого не могло бы быть. Но наверняка могло бы быть, что экзотерическая жизнь этой Матери Божией была бы совсем другой, что перевоплощение происходило бы иначе, нежели это было тогда, когда она была воплощена не как личность, а в качестве своего рода "исполняющей обязанности".

Поистине, речь идет о том, что я подчеркивал много лет, подчеркивал так, что считал необходимым ввести это в мое главное философское сочинение. Попробуйте почитать другие философии. В их теориях, в формах выражения вы найдете многое из того, что найдете и в моей "Философии свободы". Но там есть одна вещь — по меньшей мере, по тому способу, каким она используется в качестве этического принципа, нравственного импульса, — которая, будучи выраженной, поистине оригинальна: нравственный такт впервые подан так, что он постигается не просто силой суждения, но постигается всем строем души; согласно ему человек, если он чем-то слегка задет, не сразу впадает в крайность и берет на себя грех разбирательства с людьми, это и есть нравственный такт. Это я попытался как можно яснее обозначить именно в "Философии свободы". Сегодня необходимо подчеркнуть настоятельным образом, что мы должны противостоять другой опасности — опасности впадения в другую крайность, по той причине, что мы имеем дело с одной фатальной вещью.

Вчера я указывал на разные опасности. Но как раз при этом я ощутил необходимость сегодня нечто прибавить, ибо я хотел предостеречь от другой крайности. Вся наша деятельность и все существо нашего движения должны покоиться на признании духовного мира, должны покоиться на ощущении и переживании совместности нашей собственной жизни и духовного мира.

Но тогда ради того, что нам свято, мы должны тактичным образом отклонять все, что может быть привнесено из непосредственно личной жизни, из субъективно личной жизни. Это опять-таки не означает, что мы должны исключить исследование того, в какой степени мы сами являемся перевоплощением какой-то личности. Но тогда речь идет не о том, чтобы одно лицо выводить из другой личности. Это был бы удобный путь, но искать надо тем способом, какой я сам указывал в одной из лекций. [*См.: "Перевоплощение и Карма" (GA 135).] Искать надо так, что сначала мы приступаем, хотелось бы сказать, к прозрению определенных тайн нашей жизни. Только тогда мы можем двигаться дальше. В отношении этих вещей мы поистине стоим на бесконечно важном принципе: мы должны знать и соблюдать банальную поговорку: не надо выплескивать ребенка вместе с водой. Но, с другой стороны, надо со всей силой трудиться, чтобы не наступило то, что может в высочайшей степени повредить оккультному движению — а именно постепенное вживание в туманную сферу, в сферу неясностей. Ведь это же невероятная неясность, когда говорят, что ищут не учения и не учителя, а человека, а затем опять: ах, человек исходит от дурного, а учение недурно! Это и есть погружение в область неясности; а все дело в ясности и точности. С этих позиций мы должны рассматривать вещи, служа нашему движению. Могут быть даны практические указания, которые придадут модусу поведения нужную твердость. Это другая вещь. Но мы должны в нашем внутреннем никогда не упускать из вида, на какой почве мы стоим, мы должны всегда иметь в виду, что мы стоим на почве серьезного, достойного духовного движения.

Таково многообразие точек зрения, которые могут привести нас к познанию жизненных условий нашего движения. Когда говорят, что внешняя действительность — это Майя, то Майю также надо по-настоящему изучать. Недостаточно только теоретически утверждать, что внешняя действительность — это Майя, а надо это положение применять таким образом, как если бы внешняя действительность была наиважнейшим, когда мы конкретно встречаемся с ней в мире.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 22 октября 1915 г.

В связи с рассмотрениями последних дней я сделал попутно одно замечание, к которому хотел бы еще раз сегодня вернуться, потому что выводы из него должны составить некоторый базис для того, что будет сказано в последующие дни. Я уже говорил, что с определенных позиций возникла необходимость при помощи нашего духовнонаучного движения основать такое духовное движение, которое целиком и полностью считается с требованиями современного цикла развития человечества, и поистине учитывает всё, что взывает к необходимости такого духовнонаучного движения в наше время, исходя из развития человечества. Таким образом, это движение, рассматривающее атавистическое ясновидение и познание, оставшиеся в качестве результата атавистического ясновидения, как нечто антикварное, как нечто более не пригодное для нашего времени, то есть движение, в определенном смысле более не считающееся с тем, что исходит из атавизма.

Из этого вытекает, что большая часть познаний, распространяющихся так называемым Теософским обществом, в такой форме должна быть попросту отклонена или проигнорирована и с определенных сторон должна быть выстроена заново. И поэтому самым ревностным стремлением прежних руководителей Теософского общества было с самого начала оказать нам сопротивление. Я приведу только один пример.

Вы можете сравнить описание мира душ и страны Духов в моей "Теософии", вышедшей первым изданием в 1904 году, с тем, что было раньше. Вы должны всмотреться именно в точное различие, проведенное мной в отношении мира душ и внутреннего строя души человека, и тогда вы увидите, как было важно четко размежевать душу ощущающую, душу рассудочную и душу сознательную. Такого тройственного разделения никогда не проводилось в литературе Теософского общества, а у нас оно было проведено с самого начала.

Именно в связи с таким разделением с той стороны возникло стремление ступшевать это различие, не дать ему выхода. Я еще живо вспоминаю, как наш ныне покойный друг Людвиг Линдемманн*, много потрудившийся, чтобы проложить дорогу нашему течению в Италии, все снова старался изменить позицию утверждавших, когда говорили: ведь это, иными словами, в точности то же самое, что утверждается и в наших учениях. Короче, старались скрыть, что речь идет о чем-то новом. И было необходимо все снова и снова твердить об этом тройственном разделении, чтобы люди увидели, в чем дело. И это имело место со многими, многими вещами.

[* Основал в Милане и Палермо тогдашние маленькие центры антропософского движения (ср.: Штайнер Рудольф. "Наши умершие". GA 261).]

Таким образом, с самого начала мы прокладывали путь в направлении, которое требовал современный цикл времени: реально принимать во внимание и взвешенно подходить к тому, о чем я вам — по крайней мере, отрывочно — кое-что сказал в последние дни и недели. Но чтобы проводить это неукоснительно, было необходимо, так сказать, переиначить весь образ действий, принятый повсеместно в Теософском обществе. А это, само собой, требовало огромных усилий, поистине настоящего труда. Выражением этого труда было мое собственное внедрение в теософскую литературу. Естественно, в первые годы, определенные вещи должны были быть представлены с большим резервом на будущее, по той простой причине, что некоторые вещи требуют для своей проверки долгие годы, и еще по той причине, что с самого начала я вменил себе в обязанность ничего не публиковать и относительно главного ничего не говорить без личной проверки с моей стороны.

После тех замечаний, которые как раз были сделаны в последние дни, вы могли уже усмотреть, что путаница возникает потому, что исследование о жизни между смертью и новым рождением было пущено по ложному следу. И это я описывал в последних лекциях. Но не всегда легко было эти вещи проверить из первых рук. Когда хотят по совести и с полной ответственностью подойти к этим вещам, надо по-настоящему подробно входить во все детали и обстоятельства, подлежащего исследованию. И эти обстоятельства не должны искусственно подогреваться, но при духовном исследовании необходимо дожидаться соответствующего момента. До мельчайших мелочей не надо выдавать желаемое за действительное.

И в наибольшей степени таким подходом, который я только что вам представил, должны быть гарантированы познания, относящиеся к жизни между смертью и новым рождением. Если на физическом плане ошибочные результаты исследования можно скорректировать дальнейшей проверкой физическими средствами, и тогда относительно легко обнаруживается их ошибочность, то, естественно, в духовных мирах всё по-другому. В духовных мирах наличие ложного, неправильного представления о каком-либо факте уже само по себе приводит к путанице. Таким образом, когда познания извлекаются тем способом, о котором я говорил в связи с сообщениями о жизни после смерти при помощи медиумов, то последние, собственно, не являются сообщениями самих умерших, это определенные сообщения, возникшие из разных наклонностей живых, и мы имеем превратные результаты исследования. Они стоят перед вами. И когда происходит проверка в этой области, приходится бороться с такими результатами исследования как с реальными силами. Сказанное на физическом плане можно взять обратно. Например, садятся за письменный стол и вычеркивают ненужное. А ложный результат исследования в духовном мире — это живое существо. Оно там присутствует, и его надо сначала побороть, чтобы расчистить путь.

Ложные результаты исследования — это реальные силы, сродни тому, как говорилось, что мысли — это живые существа: они сразу же здесь, стоит лишь пересечь порог духовного мира. Итак, вступают в духовный мир и хотят провести исследование о жизни между смертью и новым рождением. Но теперь встают ложные мысли, которые продуцируются как живые существа. Они реальны; они поначалу пробуждают видимость, что они реальны, что они истинны. Поэтому их надо сначала побороть, сначала испытать, присущи ли им свойства, которые имеют неправильные мысли, или они обладают свойствами правильных, то есть жизнеспособных мыслей.

Это должно пройти проверку, а проверка требует подчас много времени. И бывает, конечно, трудно, когда такую проверку вменяют себе в обязанность как раз в области жизни между смертью и новым рождением — трудно потому, что востребовано столько ложных результатов. Поэтому именно в этом отношении понадобились большие резервы, состоящие в том, что результаты сообщаются только тогда, когда они выглядят абсолютно и безукоризненно правдивыми. Вот почему потребовалось так много времени прежде, чем, к примеру, мог быть прочитан цикл лекций "О внутреннем существе человека и жизни между смертью и новым рождением".

Эту жизнь между смертью и новым рождением легко описывать в общих чертах. Она начинается с того, что человек по окончании обратного обзора, возникающего благодаря отделению эфирного тела от физического, живет в том, что в расхожей литературе Теософского общества именуется Камалока. Но если вы сравните то, что именуется в этой литературе Камалокой, с тем, что нами было постепенно в ходе лет обнаружено, то вы увидите очевидное различие. Я не говорю — прошу понять меня правильно, — что в настоящую эпоху каждому поставлена задача всё перепроверять. Задача может быть поставлена расширительно в зависимости от душевных задатков человека. Задача одного как раз и не является задачей для другого. Своей задачей я считаю не говорить ничего, что не было бы мною лично проверено. Это я считаю моей особой, вполне индивидуальной задачей.

Теперь мне хотелось бы еще сказать кое-что, что важно иметь в виду, когда говорят именно об этих первых годах жизни между смертью и новым рождением. Об этих первых годах, или десятилетиях можно, собственно, составить полноценную картину, если многое сравнить. Только благодаря результату такого сравнения можно обрести полноценную картину, можно, если позволительно так выразиться, тот общезначимый образ, который я даю в моей "Теософии", восполнить разными подробностями. В "Теософии" дано как бы общее очертание, а наша работа должна заключаться в том, чтобы заполнить отдельные рубрики, намеченные в связи с общим планом. Таким образом, дело сводится к тому, чтобы доставить те или иные материалы для заполнения этих рубрик, и когда вы, исходя от описанного в моей "Теософии", переходите затем к тому, что находится в циклах лекций, — к тому, что говорится все более и более интимным образом, хотя в дальнейшем и оно подлежит публикации, — то вы увидите, что имеет место подлинный прогресс, все более и более интимное познание.

Например, для составления точной картины о первых годах или десятилетиях жизни после смерти необходимо сравнивать то, что происходит с человеком, умершим молодым, скажем, в раннем детстве, с тем, что происходит с человеком, умершим позднее, где-то в середине жизни, а затем, с человеком, умершим в глубокой старости. Всё это вещи в высшей степени различные. В действительности, жизнь после смерти в высшей степени различается в зависимости от того, рано или поздно человек умер; и истинно правдивый образ возникает впервые из такого сравнения переживаний людей, умерших в разные жизненные эпохи.

К примеру, существенным, важным основанием, приводящим к определенным выводам, была бы убежденность в том, как обстоит дело с людьми, рано ушедшими из жизни — я хочу сказать, с малыми детьми — и с людьми, ушедшими из жизни в возрасте одиннадцати, двенадцати, тринадцати лет. Поистине, наблюдается великое различие в посмертной жизни в зависимости от того, умер ли человек в восемь, девять лет или в шестнадцать, семнадцать лет. Это отчетливо выступает при определенных переживаниях, которые можно иметь при общении с умершими. Так, можно наблюдать у совершенно рано умерших — у людей, умерших в самом нежном детском возрасте, что они после смерти весьма и весьма озабочены задачами, стоящими перед человечеством непосредственно в то время, которое следует за их смертью.

Внешние представители религиозных объединений ничего не предпринимают против укоренившихся у людей определенных представлений, не соответствующих истине. Из своего жизненного опыта вы знаете, что со стороны представителей религиозных объединений не много раздается возражений против представления о том, что когда умирает старый человек или ребенок, то они пребывают там, наверху, в качестве ребенка или старика. Но образ жизни, который ведет здесь душа, не имеет ничего общего с тем, как она живет там наверху. Если я умираю трех- или шестимесячным ребенком, то надо принять во внимание множество завершенных земных жизней, а значит, я могу вступить в духовный мир как очень зрелая душа. Ничего не может быть более ложного, чем представлять, что ребенок продолжает жить как ребенок. Там обнаруживается, что души умерших в раннем детском возрасте получают задачи, связанные с тем, в чем нуждается Земля, дабы обрести требуемую духовную базу для дальнейшей работы. Мне хотелось бы сказать, что люди не могут работать на Земле, не получая импульсов из духовных миров. Но эти импульсы приходят не в столь размытом виде, как это представляют себе пантеисты, а приходят в виде реальных существ, и среди них можно найти также души рано умерших детей.

Говоря конкретно: допустим; мы видим Гёте-подростка. Естественно, что часть своей гениальности Гёте имеет благодаря помощи из духовного мира. Но когда это прослеживаешь, то приходишь к душам детей, которые рано умерли. Духовное, живущее в мире, связано с душами рано умерших детей. Когда же, наоборот, умирают дети в девяти-десятилетнем возрасте, но еще не достигшие шестнадцати-семнадцати лет, почти сразу же после смерти их находят

в обществе духовных существ. Но эти духовные существа суть человеческие души. Их находят часто в общении с душами людей, причем с такими, которые в близком будущем должны прийти на Землю, — с ожидающими следующей инкарнации. Тех людей, которые умерли в нежном детском возрасте, то есть до семи-восьми лет, находят в обществе тех, кто находится здесь, внизу. А те, кто умерли в возрасте от семи-восьми до шестнадцати-семнадцати лет, находятся в обществе душ, стремящихся вскоре воплотиться. Для этих душ они являются поддержкой и опорой, можно сказать, важными вестниками того, в чем они нуждаются, чтобы подготовиться к своему земному бытию. Вот что важно знать, если хотят говорить не в отвлеченностях, а хотят по-настоящему проникнуть в духовные миры.

Но прозревать эти вещи без дальнейшего едва ли возможно. Понимаешь, в чем тут дело, если, например, говоришь себе: как лучше всего найти умершего? Тогда устанавливают, что умершего годы, а может быть десятилетия тому назад, но также и совсем недавно, находят благодаря тому, что человек со своим сознанием для духовного мира пробуждается во сне.

Я вам часто описывал: человек может пробуждаться двояким образом. Человек пробуждается либо посреди сна и знает: теперь ты не спишь, а пребываешь в духовном мире — соответствующие указания вы можете найти в моей маленькой книжке "Путь к самопознанию человека в восьми медитациях", которая вышла в Мюнхене, — либо бодрствует во время бодрствования. Но это исследование о жизни умерших лучше происходит, когда пробуждаются посреди сна, ибо тогда деятельность самого человека сродни деятельности умерших.

Тогда делают довольно поразительное открытие. Не правда ли, здесь, в физической жизни, человек от пробуждения до засыпания постоянно вспоминает о предшествующей жизни от пробуждения до засыпания. Как, собственно, живет человек? Не правда ли, таким образом: пробуждение, дневная жизнь, засыпание; пробуждение, дневная жизнь, засыпание и т.д. Во время дневной жизни он вспоминает постоянно о том, что было в его прошлой дневной жизни. Собственно, повседневная дневная жизнь состоит в том, что человек вспоминает таким образом. По-другому обстоит дело, когда наше "Я" прерывается [по причине сна], когда мы себя таким образом не вспоминаем. Самое забавное, однако, состоит в том, что во время сна мы вспоминаем исключительно о предыдущих состояниях сна. Только человек об этом ничего не знает. В большинстве случаев бодрствующий человек не вспоминает о предыдущих состояниях сна. Но некое подсознательное воспоминание о жизни во сне присутствует всю жизнь.

Рассмотрим жизнь, которая объемлет засыпание, ночь, пробуждение; засыпание, ночь, пробуждение. Процесс протекает так, что ночная жизнь прерывается дневным бодрствованием, но в этой ночной жизни наличествует непрерывное жизненное течение. При этом самое примечательное состоит в том, что, вспоминая день, мы пассивны — содержание воспоминания уже присутствует, воспоминания сами всплывают в памяти, и только в самых

исключительных случаях мы должны напрягаться, чтобы осмыслить что-то из прошлого, — а во время сна дело обстоит так, что если для какой-то цели нам нужно что-то припомнить, мы обязаны сделать усилие. Такое усилие во время сна является правилом. Но обычно у человека не хватает сил осознать эту активность, поэтому он не вспоминает себя во время сна. Но, как правило, во время сна человек гораздо более активен, гораздо более деятелен в душе, чем во время бодрствования. Так происходит всегда. При этом не возникает никаких сновидений. Сновидение уже соответствует тому, что мы имеем во время бодрствования тогда, когда мы по-настоящему напрягаемся, чтобы включить память. А когда ночью мы слабо напряжены, это соответствует такому обычному воспоминанию дня, когда мы не напрягаемся, когда вспоминается само по себе. Воспоминания, которые мы имеем во время дневной жизни, после смерти в обратном обзоре закончившейся земной жизни проносятся с огромной быстротой. Но воспоминание о том, что человек переживал во время ночей, протекает в ретроспективном порядке. Во время Камалоки человек пробегает все ночные переживания в обратном порядке.

Не правда ли, в жизни мы действительно заняты тем, что нам несет день, а кроме того, тем, что мы переживаем ночью, хотя об этом мы не знаем. А после смерти в наше сознание вступает всё, что мы пережили во время ночей. Ночь за ночью - предстают нам в обратной перспективе. И важно понять, что умерший, собственно, сначала переживает свои ночи. Это уясняется постепенно и к этому не так-то легко прийти, что умерший, собственно, переживает свои ночи. Естественно, он переживает свою жизнь, но он переживает ее окольным путем через переживание ночей.

Я часто говорил: приблизительно треть жизни человек переживает в Камалоке. Если вы теперь подумаете, что человек, который умер ребенком, приблизительно треть жизни провел во сне, вам станет ясно, почему продолжительность времени Камалоки соответствует примерно одной трети продолжительности земной жизни. Время Камалоки длится столько же, сколько время ночного сна — примерно треть суммарного времени земной жизни.

Видите, так соотносятся эти вещи. Важнее всего постепенно заботливо собрать конкретные познания. Вот почему это, можно сказать, вызывает оторопь — это слово не передает полностью того, что я имею в виду, но все-таки я его хочу употребить, — когда хочешь с полной ответственностью говорить о духовном мире, а после лекции можешь быть любым желающим спрошен о чем попало. Люди хотели бы знать все, но, с другой стороны, хочется говорить только то, что непосредственно продумано. Таким образом, бываешь вынужден говорить о множестве вещей, которые еще не имел случая как следует проверить. Говорить же надо, поскольку оккультизм — это наука; но когда вменяют себе в основную обязанность сообщать то, что проверил лично, то на такое говорение, собственно, идешь неохотно.

Теперь припомните сказанное мною: когда таким образом переступают порог духовного мира, находят человека, умершего в одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать лет, вскорости

после его смерти среди тех, кто собираются скоро снова вернуться на Землю и осуществить свои задачи на Земле. И он теперь способствует тому, чтобы они нашли правильный путь в новом воплощении. Это выглядит удивительно, когда такое говорят, но это верно.

Это связано опять-таки с двумя тайнами жизни, вполне определенными тайнами жизни. Положение дел таково, что правильным образом приходишь к определенным вещам, только когда можешь задать правильный вопрос. Не каждый задаваемый вопрос правильно поставлен, а надо подождать, пока как бы дорастешь до правильной постановки вопроса.

А теперь я скажу вам нечто, что может вам показаться странным, но, тем не менее, это правильно. Видите ли, однажды возникает вопрос, который сводится к следующему: не правда ли, человек дважды обретает зубы. Сначала он обретает те зубы, которые выпадают, примерно к седьмому году жизни, и тогда он получает вторые зубы. Это факт. Не думаю, что найдется много людей, которые задавались бы вопросом: в каких отношениях, собственно, находятся эти два состава зубов? Ибо я всегда убеждался, что когда среди специалистов заходит речь об этом явлении, то они говорят так, как если бы это была одна и та же вещь — первые зубы и вторые. Но для оккультиста это совершенно разные вещи. Поэтому однажды, когда один специалист по медицине задал мне вопрос на эту тему, я мог дать ему только совершенно гротескный ответ, который, однако, с точки зрения оккультизма, был правильным, хотя и вызывал улыбку. Он сказал, детей с молочными зубами надо как можно раньше приучать жевать, потому что на то человеку и даны зубы, и поэтому он должен приучаться ими жевать. Но такой ход мысли не является правильным, по крайней мере, с оккультной точки зрения, он является правильным только наполовину. Со вторыми зубами нет вопросов — они даны, чтобы жевать. Но что касается первых зубов, это сомнительно. Человек получает их как раз благодаря наследственности. Их получают благодаря тому, что они есть у родителей и прародителей; это нечто унаследованное. Только когда они выпадают, развиваются вторые зубы. Тогда это первое индивидуальное достижение. Первые зубы человек наследует. В этом вся разница. Это то, что только тогда приходит в голову, когда подмечают эти тонкие различия. Это не представляется какой-то особенно важной вещью, но не будет большой ошибкой, если такой вопрос не возникает. Однако важно знать, что первые зубы по отношению к принципу наследования стоят в совершенно другом отношении, нежели вторые. Вторые зубы связаны с общим состоянием здоровья, со всей конституцией человека, тогда как первые зубы — именно применительно к их ценности для здоровья — в гораздо большей степени стоят в связи со здоровьем родителей и прародителей. Так что уже на эмпирическом уровне заметно различие, которое можно проследить дальше. Но это тонкое различие. Но если таким образом заняться историей зубов, то получают другие результаты, и там-то выступает то, что может показаться вам странным, но что, тем не менее, является истинным.

Допустим, умирает ребенок прежде, чем он полностью получил вторые зубы, или же вскорости после того. Весьма примечательно, что

окультурное исследование устанавливает, что в духовном мире проявляется, появились ли у ребенка вторые зубы или еще нет. Предположим, ребенку было восемь-девять лет, когда он умер. Тогда делают открытие, что реализуются некие импульсы, которые в противном случае должны были вступить в физический мир. И тогда делают открытие, что это те самые силы, которые должны были пойти на построение зубов, а теперь находятся в распоряжении ребенка. Это особенно заметно у рано умершего ребенка, у которого первые зубы выпали, а вторые зубы еще не выступили или только-только появились. И тогда устанавливается поразительная вещь: что ребенок имеет известные силы и что эти силы совершенно того же рода, как и те, которые на физическом плане определяют рост зубов из всего организма.

Таким образом, не правда ли, находясь на физическом плане, приходится развивать известные физические силы, чтобы вызвать рост зубов в организме. Когда эти зубы еще не появились или только-только развиваются, а человек умирает, то эти силы высвобождаются в духовном мире, чтобы с их помощью воздействовать на земной мир. Когда находятся в физическом мире, эти силы как бы врастают в зубы и при их помощи действуют в физическом мире.

Поистине в этой удивительной связи можно прозреть в Космос и понять истинную глубину того, что описано в первой сцене "Испытания души", моей второй Драм-Мистерии: как духовные миры с их существами работают над возникновением человека, и это представлено так, что когда Капезиус прозревает, что человек является целью всех Божественных деяний, то это может сделать его высокомерным. Но столь грандиозное едва ли укладывается в голове.

Я уже говорил, что человеческие души, умирающие между восемью-девятью и шестнадцатью-семнадцатью годами, пребывают среди душ, готовящихся вскоре воплотиться. Они опять-таки располагают особыми душевными силами, которые также являются результатом трансформации. Человек в возрасте четырнадцати, пятнадцати, шестнадцати лет достигает половой зрелости. Силы, ведущие к половому созреванию, метаморфозируются, когда половое созревание еще не достигло своего завершения или только что завершилось, в духовном мире в такие силы, что позволяют действовать среди тех душ, которые ожидают своей следующей инкарнации, неся им помощь в подготовке этой следующей земной инкарнации.

Подумайте только, насколько бесконечно глубокая взаимосвязь там возникает: репродуктивные силы в духовном мире трансформируются в силы вспомоществования тем душам, что желают вслед за тем спуститься в физический мир. Это реальные взаимосвязи, которые показывают нам, как духовное, действующее по ту сторону порога, продолжает в частности, в конкретном действовать и здесь. Так же и физический мир мы впервые начинаем правильно познавать, когда мы прослеживаем такие вещи и говорим себе: как правило, мы совершенно не замечаем, что имеет место развитие сил благодаря тому, что человек одни зубы отбрасывает, а другие развивает. Но это развитие

сил. И опять-таки: половая зрелость означает развитие сил. По мере созревания человека эти силы несколько видоизменяются.

Всё это ведет к тому, что однажды возникает вопрос: в чем причина предрасположенности человека относительно его нормальной жизни, не позволяющей ему заглядывать в духовный мир? Духовный мир как бы заперт в двух направлениях. Во-первых, из-за внешней природы. Внешняя природа для нас, как бы оболочка того, что скрывается за ней. Если проникнуть за эту оболочку, человек оказывается в духовном мире. Материалистическое мировоззрение стремится всеми способами не пропустить туда человека, не дать ему познать, что там скрывается дух. Я уже часто, в том числе и в публичных лекциях, говорил, что причина тому — неосознанный страх. Но так или иначе он находится во внутреннем. Человек воспринимает свое мышление, чувства и волю. Но за ними находится нечто иное: за ними находится вся его душевная природа, следующая из инкарнации в инкарнацию. И современные религиозные объединения хотят скрыть, что по ту сторону мышления, чувствования и волеизъявления скрывается еще нечто другое.

Вот почему книга "Загадки философии", где я в последней главе говорю об этом, является такой неудобной для этих людей. Хочется сказать, дорога к духовному миру перегорожена с двух сторон. Тогда как, с одной стороны, естествоиспытатель избегает результатов, которые могут ввести в мир, что находится по ту сторону природы, представители религиозных объединений опять-таки стараются не допустить в души людей того, что могло бы внести ясность в находящееся за пределами смерти вплоть до нового воплощения.

Почему же, с одной стороны, естествоиспытатель препятствует проникновению по ту сторону природы, а с другой стороны, священнослужитель тормозит проникновение в тайны души? Это важный вопрос, и стоит им заняться. Ибо вы увидите, что эти вещи будут все более заостряться. Те, что формируют мировоззрение на базе естествознания, станут нашими врагами, ибо они не хотят обнаружения духовного мира по ту сторону природы. А священнослужители станут нашими врагами, ибо они не хотят обнаружения того, что заложено по ту сторону мышления, чувствования и волеизъявления, того, что идет от инкарнации к инкарнации. С одной стороны, естествоиспытатель говорит от лица своего естествознания: здесь проходят границы познания; а с другой стороны, представители религии говорят: идти дальше — это грех, это человеческая гордыня. А на чем основываются эти два вида враждебности, этот вопрос мы поставим себе завтра и с ответа на него перейдем к дальнейшему.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 23 октября 1915 г.

В заключение вчерашней лекции я обратил ваше внимание на то, что — и это в какой-то степени естественно — враги духовнонаучного движения поднимают головы с той и другой стороны. На одной стороне — естественнонаучная область, в которой именно структура, весь отпечаток научности в наше время до известной степени должен быть таков, что тот, кто получает естественнонаучное образование и желает или чувствует обязательство строить свое миросозерцание на его базе, тяготеет к такому миросозерцанию, которое из-за своей материалистической окраски должно в каком-то смысле быть враждебным тому, чем хочет быть наша духовная наука. В этой области надо как следует разбираться. Надо отдавать себе отчет, что человек, вскормленный естественнонаучным, материалистическим методом нашего времени, который признан нами необходимым, во многих случаях, собственно, может произвольно сделаться таким врагом только через мысли, при этом в нем пробуждающиеся. Естественно, это никого не освобождает от борьбы с этой враждебностью, когда она выступает. Но борьба только тогда будет правомерной, если вы примете в соображение сказанное выше.

На другом полюсе сходным образом проявляется враждебность, исходящая от представителей различных религиозных объединений. И так же, как естественнонаучная область современности некоторым образом заинтересована в том, чтобы скрыть то духовное, что находится по ту сторону природы, так современные представители религиозных течений чаще всего заинтересованы в том, чтобы сокрыть то духовное, что лежит по ту сторону души. Так что можно сказать: со стороны естествознания духовная наука не может прийти, ибо должно быть сокрыто духовное по ту сторону природы, а со стороны религиозных объединений духовная наука не может прийти, поскольку держится в сокрытии дух по ту сторону проявлений души. Здесь точное повторение. Также имеются религиозные объединения, постоянно склоняющиеся к тому, чтобы побороть то, что из духовной науки проникает в общественность, ибо они совершенно не заинтересованы указать на дух, сокрытый за проявлениями души, а, наоборот, заинтересованы скрывать дух, находящийся по ту сторону душевных проявлений. Это необходимо знать, и это не повод не замечать враждебность, а надо занять правильную позицию.

Именно об этом моменте необычайно трудно говорить. Ибо, в сущности, тогда затрагиваются вещи, на которые каждый должен натолкнуться, когда он читает написанное между строк в духовнонаучных сочинениях или чувствует в сообщениях духовной науки. Ибо в основе того, с чем тогда соприкасаешься, лежит нечто очень глубокое, нечто очень значительное. В основе этих вещей

заложено то, что по известным причинам, собственно, опасно вот так, без дальнейших комментариев, отталкиваясь от природы, сказать, отталкиваясь от поверхности природы, указывать на то, что лежит по ту сторону природы. И поскольку это в известной степени опасно, существует то, что я более или менее символически обозначил, говоря: так называемые тайные общества, или ордена, повсеместно имеют своего рода "правых" — таких эзотериков, которые хотели бы строго придерживаться молчания относительно всего, что связано с высшими тайнами. Все такого рода ордена имеют — но, как сказано, это выражено символически — своего рода "правых", своего рода "центристов" и своего рода "левых". Левые всегда склоняются обнародовать определенные вещи из области эзотерики. Но те, что справа, совершенно лишены склонности публиковать то, что, по их мнению, должно храниться в тайных орденах. Ибо они считают то знание, которое, по их мнению, должно храниться в орденах, опасным, когда оно попадает в руки неподходящих лиц, когда оно может быть использовано в обществе людьми, недостаточно для этого подготовленными.

Так вот, говорить на эту тему трудно потому, что при этом бываешь вынужден делать определенные указания, которые, так сказать, раскрывают предмет. Тайные ордена, которые на самом деле в той или иной степени, с основанием и без него, считают себя хранителями высшего знания, само собой, выбирают метод, предусматривающий определенные правила осторожности при обнародовании их настоящего или мнимого знания.

Обычно такие ордена имеют градусы, и эти градусы таковы, что имеются три нижних градуса и три высших градуса. Три низшие градуса, как правило, не получают знания, которые, по мнению представителей высших градусов, принадлежат им по праву, когда они говорят: такое знание опасно передавать в руки неподготовленных; отсюда старания облачить истинное или мнимое знание для этих трех низших градусов в разного рода символы, и я как раз говорил о таких символических сообщениях в лекциях прошедших недель.

Ну, об этих символах надо, может быть, сказать следующее. Эти символы таковы, что, будучи преданно хранимыми с древних времен и не исковерканными разными махинациями поздних профанов, они представляют для тех, кто проникает в этот символизм, своего рода язык, который постепенно может быть изучен. И когда этот язык изучен, он передает известное знание. Вообще, можно к этому прибавить, что эти символы являются очень предусмотрительно выпущенными сообщениями. Когда сокровище познания сохраняют в узком кругу, руководствуются не эгоистической позицией. В известной степени оно передается находящимся во внешнем круге. Но когда его передают, его сразу же вуалируют символикой, так что только тот, кто может разгадать эту символику, проникает в его значение. Существуют такие ордена, которые строго следят за тем, чтобы не давались никакие теоретические объяснения символов, чтобы символы можно было только изучать или употреблять; так что, собственно, желающий прочитать символы, если говорить о них как о языке, должен был именно сам к этому прийти.

Теперь могут сказать: а правда ли, что это такое сокровище? Не переходит ли по этой причине знание в неправедные руки? Ну, по меньшей мере, вплоть до XIV—XV столетия можно было сказать: орден, работавший таким образом с символикой, не передавал через это свое знание в неправедные руки. Но с тех пор всё изменилось, существенно изменилось. Я сразу же скажу почему. Так что, пожалуйста, запомните твердо: если оккультный орден возник до XIV, XV, XVI столетия, то три низших градуса, которым в качестве широкого круга знание давалось в форме символов, не могли, в сущности, никак злоупотребить этим, ибо как раз в том-то и состояло ограничение, что давались только символы, а всё остальное предоставлялось тем, кто мог расшифровывать эти символы. Таким образом, это была, в сущности, защита, ибо расшифровка символов требовала определенной духовной работы.

Итак, допустим, кто-то вступает в низший градус оккультного ордена. Он получает символы, которые может либо изучать, либо употреблять. Он получает только эти символы и ничего другого, и ему дается указание предоставить этим символам действовать на него, как действуют природные явления. Если же он хотел проникнуть дальше, если хотел исследовать тайный смысл символов, то ему надо было произвести именно исследовательскую работу, надо было применить духовную силу. Если ему помогали, ему не надо было бы тратить эту духовную силу всуе. Но ему не помогали; значит, он должен был эту духовную силу прилагать самостоятельно, и он прилагал эту духовную силу для расшифровки символов.

Теперь пора спросить: что же это за духовная сила, которая нужна для расшифровки символов? Это та же самая духовная сила, которая, если ее направить не на расшифровку символов, а для исследования природных явлений, могла бы ему послужить, чтобы стать высокоразвитым человеком, так что на этом поприще он должен был применить определенные способности, которые к этому поприщу не относились. Таким образом, одной из задач символики было отклонять те силы, которые могли стать опасными, и направлять их на расшифровку символов. Благодаря этому указанные силы обезвреживались.

Второе, что отличает эти символы, это то, что человеческая природа склонна такую символику осмысливать моралистически. Надо еще особенно отметить, что сами символы были так организованы, что их надо было осмысливать моралистически. Но когда осмысливают природные явления, их ведь нельзя осмысливать с моральной точки зрения. Нельзя лилию в момент цветения измерить моральным законом, а надо совершенно объективно и непредвзято подходить к делу. А с символами дело обстоит не так, они пробуждают моральные чувствования. И эти моральные чувствования, которые во время размышления всплывают в душе, были предназначены, чтобы побороть в душе нездоровый мистицизм. Так что сила нездорового мистицизма также обуздывалась благодаря внутреннему воздействию впечатления от символа. Таким образом, символизм имел свои очень хорошие стороны.

Но начиная с XIV, XV, XVI столетий, эти принципы утратили свою правомерность. Да и сами оккультные ордена давно потеряли свое прежнее значение. Они во многих отношениях превратились в общества, преследующие всевозможные земные цели, всевозможные частные интересы. Они стали скорее обществами, где пестуется тщеславие и т.п.; они подчас являлись вовсе не носителями особого познания, а максимум пустых формул.

В такое положение дел внесло существенную лепту, собственно, естественнонаучное развитие со времен Галилея, Коперника и т.д. Ибо по причине того, что естественнонаучный метод появился и стал развиваться, человеческая душа постепенно потеряла возможность с прежней самоотдачей относиться к символике. Все символы, собственно, оказались приспособлены к тому, чтобы выносить на свет Божий духовное по ту сторону природы. А естествознание с его материалистическим методом, достигшим своей кульминации в XIX веке, так препарирует человеческую душу, что она теряет интерес к тому, куда ведет символика. Практически это видно из того, что те, кто хотят на базе естествознания возводить свое мировоззрение, не имеют никакой подлинной склонности с серьезностью и достоинством заниматься символами. И тогда возникло одно явление, которое, хотелось бы сказать, в наши дни выявляет свое полное значение.

Когда рассматривают символы тайных обществ, которые передавались низшим градусам вплоть до XIV, XV, XVI столетий, то они представляют собой чистое выражение глубоких, глубоких истин. Но они выражали эти истины тем способом, каким их принято было выражать в те времена. С приходом естественнонаучного способа мышления, вернее, с приходом того образа мысли, который возник на базе естествознания, прекратилась работа над дальнейшим развитием символики. Начиная с XIV, XV, XVI столетий следовало развивать как бы свободную работу над символикой; формирование символов должно было быть продолжено. А иначе не учитывалось то, что просто внешним образом переживало человечество в мире. По этой причине символы представлялись человеку, идущему в ногу с современным образованием, чем-то антикварным. Они были, по большей части, антикварными. Но именно у тех, кто с определенным устремлением хотел вступить в область оккультного, возникала склонность часто порицавшаяся — склонность выкапывать как можно больше таких символов, которые поистине устарели. И когда можно один из таких символов украсить той или иной старинной виньеткой, люди необычайно радуются. В саму символику не вникают, а придают значение тому, что она когда-то в старые времена произошла благодаря чему-то. Подчас как бы отказываются от понимания. Довольствуются тем, что раздобыли очень старые символы. Следовательно, над дальнейшим развитием символики после указанных столетий поистине очень мало трудились, так что в действительности полученное современными последышами старых оккультных орденов — их можно, собственно, называть только последышами — в качестве символики по большей части является архаичным, и не заметно никаких усилий по дальнейшему развитию символики в духе человеческого прогресса последних столетий.

Но именно теперь взгляды людей изменились. В той мере, в какой прежде можно было что-то удерживать в тайне, теперь стало невозможно. Попробуйте разок раздобыть какой-нибудь по-настоящему старый символ. Вы увидите, насколько это несложно. Наше время — время открытости, наше время не терпит действительно тайного в том роде — я имею в виду искусственно утаиваемое, — в каком это практиковалось. Наше время этого поистине не терпит, наше время хочет сразу всё обнародовать. Поэтому можно, с другой стороны, также сказать, что для знающего литературу, в которой опубликована разная символика, вряд ли существует еще что-то необнародованное. В сущности, всё давным давно занесено в книги, и тактика многих орденов состоит в том, что они попросту не указывают своим членам, где можно прочесть то или иное; и то, что давно можно прочитать в книгах, членами орденов воспринимается так, как если бы только на верхах орденов должны были знать эти тайны. Ибо ни в какой другой области не встречается столько очковтирательства, как именно в области оккультных орденов!

Итак, я говорю, стало невозможным обоснованно придерживаться этого принципа утаивания и возведения баррикад при помощи символики. Но это понимают правильно только тогда, когда вникают в причины того, почему в прежние времена определенные вещи держались в тайне. Как было сказано, именно по названным причинам говорить об этих вещах затруднительно, ибо одно влечет за собой другое — такое, что без дальнейшего не может быть сообщено. Поэтому я попробую сегодня и завтра выбрать другой путь. Я расскажу вам нечто, и, делая последовательные выводы, вы сможете многое предчувствовать из тайного в мире, о чем не рекомендуется в наше время непосредственно сообщать. Я попробую сегодня и завтра продвинуться по этому пути. Сегодня я для начала сообщу некоторые вещи, которые вы сможете последовательно проследить с помощью вашего собственного мышления и чувства и поверить вашей внутренней жизнью. И если вы их далее проследите, то эти вещи поведут вас в некотором роде далеко. Поскольку пришло время говорить об этом, я попробую сообщить о сказанном так, как это именно возможно.

Я хочу привести один пример. Карлейль, великий английский писатель, сделал в одной из своих речей* маленькое, можно сказать, малозначительное высказывание о Данте, творце "Божественной комедии". Повторяю: Карлейль говорит в этом месте нечто малозначимое о Данте. Речь посвящена Данте и Шекспиру.

[* В книге "О героях, о культе героев и героическом в истории. Третье чтение: герой как поэт. Данте, Шекспир". — Берлин, 1833]

Но он говорит, тем не менее, нечто примечательное. Если читать эту речь, как это делает обычный читатель — а большинство едва ли делает различие между чтением Карлейля и чтением газетной статьи, — то ничего особенного не бросится в глаза. Но тому, кто принял из духовной науки нечто в свой характер, а не просто знаком с ней теоретически, именно в этом месте нечто покажется примечательным. Карлейль указывает здесь, насколько удивительно, что из самих вещей, внешне выглядящих как случайность или возникших не по

человеческому произволу, произошло нечто небывало великое. Карлейль указывает на судьбу Данте. Данте из-за своих политических взглядов был отправлен в изгнание из родного города. Он вынужден был взять в руки посох пилигрима. Благодаря тому, что он был отправлен в изгнание, что он вынужден был взять в руки посох пилигрима, он и стал тем, чем он является ныне. Только изгнанником был он подвигнут к написанию "Божественной комедии". И теперь Карлейль говорит: но ведь Данте вовсе не желал быть изгнанным из своего родного города! Но останься он в нем, он стал бы во Флоренции одним из отцов города, он многое бы сделал на этом посту, но "Божественная комедия" не была бы написана. Итак, Данте должен был страдать, с Данте должно было произойти нечто совершенно нежелательное, дабы человечество получило "Божественную комедию". Итак, человечество обязано "Божественной комедией" той судьбине, которую Данте наверняка себе не желал. И в этом Карлейль безусловно прав. Это замечание весьма духоносно. Для того, кто эту речь читает в привычной манере, это кажется не очень значительным; но тому, кто прочитывает эту речь со вниманием, кое-что может запастись в душу. Ему может быть не совсем ясен источник его чувства — почему его чувство ощущает что-то особенное в этом месте. Сам Карлейль тоже этого не почувствовал, он сделал это замечание по той причине, что был высокодуховным человеком. Но то что я имею в виду сейчас, — этого он не почувствовал. То, что я имею в виду, я должен пояснить окольным путем.

Допустим, Данте не был бы изгнан, а стал бы советником или главой Флоренции; он бы достиг всего, чего можно достичь при его задатках. Он стал бы приором. Случись такое, это был бы выдающийся приор. Короче говоря, благодаря Данте произошло бы много добра, но "Божественной комедии" не было бы.

Но все обстоит не так просто. Представим себе, что Данте действительно достиг бы своей цели, не был бы выкорчеван из Флоренции, стал бы главой города или церкви — все это сродни публичной деятельности. Для этого он располагал выдающимися способностями — вы можете это узреть из "Божественной комедии", — и стань он выдающимся отцом города, он представлял бы собой нечто неслыханно значительное. Так что вся история выглядела бы совершенно иначе. Флоренция получила бы выдающегося городского и государственного деятеля. Да, но этого не произошло. А представьте себе только эту Флоренцию, где всё управлялось теми способностями, которые затем переплавились в "Божественную комедию". Эта гениальная трансформация сил только указывает, насколько они были скованы в своей таинственной работе. Не может быть ничего глупее, чем утверждение, что в мире нет гениальных людей. Их великое множество. Но они проходят невостребованными, ибо не настало их пробуждение. Будь Данте главой города, он имел бы своего преемника, который должен был быть значительной личностью и он имел бы семерых таких преемников. Один за другим пришли бы семеро — эти вещи мы сможем однажды обосновать — семь выдающихся людей друг за другом стояли бы во главе Флоренции. Возникло бы нечто грандиозное, но "Божественной комедии" не существовало бы. Данте

родился в 1265 году. Мы живем в такое время, когда, случись этим семерым действовать во Флоренции, мы до сих пор ощущали бы следы их деятельности, ибо она длилась бы семь столетий! Семь столетий протекли бы совершенно иначе, нежели это случилось. Но этого не произошло. Католическая церковь еще здесь, но и "Божественная комедия" тоже.

Я привел вам пример, как внешние силы трансформируются в великий строй мировой истории. Я привел вам пример того, как, собственно, происходит вонне великое преобразование мировой истории. Если вникнуть, перед нами неслыханно важные вещи!

Я привел этот пример, потому что хотел обратить ваше внимание на то, что подчас в истории развития человечества возникает необходимость в метаморфозе сил — силы вливаются в совершенно другое течение, нежели то, в которое они по ближайшему поверхностному взгляду должны были бы влиться. Может показаться, что этот пример не имеет ничего общего с тем, что я собирался сказать, но, тем не менее, это не так. Ибо если вы последовательно проследите данное в этом примере, то вам станет ясно, почему так трудно предавать гласности известные истины, относящиеся к тому, что находится по ту сторону природы, без дальнейших объяснений. Приспела необходимость именно многое дать людям из того, что сковывает силы для того, чтобы определенные силы не стали опасными.

Этим примером я указал на те силы, которые должны быть развиты в природе человека, когда он разрывает покров природных явлений. Но и тогда, когда человек не разрывает покрова природных явлений, но исходит из того, чтобы сорвать покров душевных переживаний, когда он стремится в глубины души, то и тогда встречаются определенные опасности. И для такого случая я хочу посредством рассказа дать вам возможность прийти к определенным вещам, к которым иначе невозможно подступиться. Я хочу привести вам один рассказ, довольно известный, но о котором обычно не знают, что в нем выражено что-то такой глубины.

К патеру Антонию однажды пришел человек по имени Павел. Он хотел стать его учеником. По своим манерам это был настоящий простак. Но Антоний таки взял этого простака — будем называть его Павел-простофиля — к себе в ученики и заставил его год за годом выполнять определенные работы. Я не думаю чтобы многим из вас доставило удовольствие выполнять те работы, которые Антоний возложил на своего ученика. А именно, он должен был носить воду, но в дырявых сосудах, так что когда он приходил на место в сосудах ничего не оставалось. И так он должен был поступать год за годом. Он должен был шить одежду, а пошив ее, снова распарывать. Он должен был втаскивать камни на горы и, стоя наверху, давать им скатываться вниз на прежнее место. И так он должен был делать год за годом. В результате Павел-простофиля необычайно углубил свою натуру, и он заметил, как из подсознания приходят значительные душевные силы, и как эти душевные силы постепенно делают из него мудрого человека. Из Павла-простофили получился Павел-мудрец.

Я не хотел бы советовать подражать этому Антонию, который проделал все это с Павлом-простофилей. Я должен был это рассказать как факт. Поймите, Антоний не выбирал этот метод: носить камни на гору и снова их сбрасывать, носить воду в дырявых сосудах, он хотел просто сделать Павлу-простофиле облегчение. И что же должно было произойти? Павел-простофиля в один прекрасный день должен был сказать: да, Антоний, твое учение очень хорошо, но сам ты очень злой человек. Твое учение я теперь должен принять и выйти с ним в мир. Я должен победить тебя твоим же собственным учением, ибо я убедился, что ты совсем злой человек. Кроме того, ты не делаешь того, что я по праву заслужил. Ты обещал мне в определенный момент признать, что с самого начала как я к тебе пришел, я был только с вида простофилей и что я уже тогда стоял гораздо выше тебя. И ты обещал мне признать тогда, что все твое учение инспирировано мной. Вот к каким вещам мог прийти ученик. Но от этого его уберег метод, примененный Антонием, но который, как сказано, теперь уже более не применим, даже если при этом обговаривается, что такой метод, примененный к определенным натурам, может принести не совсем хорошие плоды.

Благодаря этим двум вышеприведенным примерам, если их последовательно рассмотреть, можно увидеть известные опасности, грозящие человеку, если он приступает к силам, которые в качестве духовных сил природы стоят по ту сторону внешней природы. Из примера, связанного с Данте, вы можете усмотреть, насколько грандиозным, неслыханно значительным вещам, собственно, противостоит человек.

Теперь может встать вопрос: почему же естествознание, которое располагает поистине хорошим методом, превосходным, блистательным методом, не приходит к определенным вещам, лежащим по ту сторону природы? На этот вопрос можно ответить очень просто. Естествознанию не хватает для этого сил, познавательных сил. Оно не стремится к выработке познавательных сил. Не правда ли, положение дел в естествознании таково, что это направление попросту обходится без них, ибо, как я часто об этом упоминал, в человеке присутствует определенный страх перед тем, что таится по ту сторону природных явлений.

Но, с другой стороны, можно задать вопрос: почему же те, кто кое-что знают о духовном в природе, не идут в этом направлении, несмотря на то, что сейчас широкомасштабно публикуются материалы о методах и путях для выработки познавательных сил человека, выводящих его по ту сторону природы, как бы дающие возможность пересечь порог, открывающий сокровища по ту сторону природы?

Видите ли, как только порог, ведущий к духовным существам по ту сторону природы, пересечен, человек входит с ними в контакт. Это вы можете усмотреть из всего, что говорилось мной в последние недели. Разного рода пассивные явления природы, которые изучает современная наука, можно найти только в этом физическом мире. Стоит пересечь порог, как вступаешь в мир живых духовных существ. Своеобразие такого вступления в том, что существа, которые

встречаются первыми все как один суть существа, которые, собственно, развивают его способность чистого мышления, и т.п. до более высокого уровня. Так оно и есть на самом деле: если я представляю себе всю сумму природных явлений, составляющих сферу изучения нынешней материалистической науки, как некий занавес, на котором начертаны законы природы, то за ним скрывается рой духовных существ. Сквозь него нужно пройти человеку. Но с теми способностями, которые требуются, чтобы изучать науку, невозможно пробиться через этот занавес. Если бы человек это мог, то при нынешних наклонностях он бы это сделал. Но пробиться невозможно. Раньше дело обстояло иначе.

Вообще все же существуют люди, которые могут помочь ему пробиться при помощи истинной интерпретации символов. Тогда, естественно, они бы пришли в соприкосновение с духовными существами, которые в точном смысле слова заинтересованы в том, чтобы сделать человека очень остроумным, очень находчивым, рафинированно остроумным: это определенные элементарные существа, которые вкладывают всё свое устремление, чтобы принести человеку определенные познавательные способности, делающие его другим человеком, нежели он был до прохождения порога. И помимо того, благодаря этому прохождению он вступает в контакт с этими существами. Но эти существа имеют еще одну специфическую особенность: они делают человека пронизательным, приносят ему определенные познавательные способности, но они не являются дружелюбными существами по отношению к человеку. Они в самом точном смысле слова существа, враждебные людям и животным, так что когда переступают порог, поступаются привычным всеобщим человеколюбием и симпатией к животным. Без отказа от симпатии к человеку и животным нелегко пройти порог, когда проходят его неподготовленным. Возникает прямо-таки наклонность делать всевозможные человеконенавистнические вещи, и в этом доходят до определенной степени преуспевания.

Короче, из этого вам должно быть ясно, что совершенно нежелательно без дальнейшей подготовки давать человеку переступать порог; это уже само по себе опасно по той причине, что существа, которых встречают в первую очередь, тотально враждебны по отношению к человеку. Но те, кто пересекают порог таким способом — а именно таким способом пересекается порог, когда продолжают методы современной науки, — в самом точном смысле слова встречаются с этими человеконенавистническими существами и познают их, в остальном сталкиваются не только с человеконенавистническими, но еще и с природоненавистническими существами, а также с большой суммой сил, при помощи которых можно реально многое разрушить.

Таким образом, нежелательно пропускать через порог имеющих склонности реально применять эти разрушительные силы, ибо большое количество таких сил, так сказать, попадает им в руки. А надо изыскивать способ пропускать только избранных, которые при общении с этими разрушительными существами не могут злоупотребить такими разрушительными дарами. Именно в этом направлении расшифровка символов действует особенно ощутимо. Эти силы потребляются, чтобы

сделать людей разрушителями — таково употребление этих сил, которые исходят от этих существ. Поэтому существовало стремление не допустить людей к разрушительным существам, и те, кто стояли за сокрытие определенных высших частей эзотерического знания, размышляли примерно так: если мы наши познания и характер познания, имеющиеся в тайных орденах, без дальнейшей работы с ними сделаем доступными людям, чтобы упростить им работу над проникновением в символы, то люди станут возмутителями природы, мы сделаем их носителями разрушительных сил. Такова была тенденция. Они говорили: мы располагаем знанием, которое неизбежно приведет к этому, значит, мы не можем это знание сделать экзотерическим. Мы должны строго занимать ту позицию, что, руководя людьми, надо прежде всего воспитывать предельную человеческую любовь, предельную любовь к растительному миру, к животным и людям; таким образом, кандидаты должны сначала пройти тщательный отбор.

Но такого рода отбор вряд ли понравится современным людям. Такое попросту не может нравиться, оно восстанавливает против себя. Прогресс дает себя знать. Что же тогда делать? Допустим, такого рода селекция произведена, и орденские предписания большинства станут серьезными требованиями, которые будут восприняты совершенно серьезно! Каков результат? Ну, в особенности женщины разбегутся полностью за пару месяцев. Уж им-то это совершенно не понравится. Вот почему определенные ордена ради выживания просто поступились такой селекцией. Поэтому то, что однажды было глубоким познанием, выродилось в порожняк, который не содержит ровным счетом ничего. А с другой стороны, у истинно знающих возникло стремление держать эти вещи в секрете.

Вы видите, что это положение вещей еще восполняется тем, о чем я уже говорил: когда выступил поток материализма, был избран метод медиумизма. Надеялись, что то, что человек мог бы извлечь из теоретического разъяснения символов, будет явлено его взору при помощи медиумизма.

Из всего этого вам должно стать ясным, что для тех, кто что-то знает в этой области существуют определенные основания, не давать так просто проникать за завесу природных тайн. Но из этого следует нечто весьма определенное. Из этого нам следует заключить, что наше духовное движение не может базироваться на том, чтобы взять какие-нибудь хранимые тайны каких-либо орденов и сделать их экзотерическими. Если попросту сделать так: взять какие-нибудь старые тайны орденов и предать их огласке в той манере, в какой мы проводим обучение, то мы должны будем включить туда разные курьезные вещи из области магии и т.д., что ни к чему хорошему не приведет. Выходит, это означает попросту, что в нашем движении исключаются всякие заимствования из тайн старых орденов. Мы не можем использовать старые орденские тайны для разгадывания тайн природы. Завтра я покажу вам, что мы не можем так же просто принимать религиозные истины, ибо тем самым мы привлекаем к себе другую опасность. Так что нам станет ясно, почему мы не можем ни того, ни другого, а должны проложить особый путь. Но как раз этот

особый путь вызывает враждебность к нам с обеих сторон — со стороны науки и со стороны религии. Продолжим завтра подробнее.

ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 24 октября 1915 г.

Если вы припомните то, что я вчера попробовал рассмотреть, то вы сможете себе сказать: в сущности, приход материализма — я не говорю, материалистического мировоззрения, но материализма — имеет свои поистине хорошие стороны. А дурное состоит в том, что материализм становится основанием для мировоззрения. Положительная сторона материализма состоит в том, что он несет с собой метод исследования внешних явлений чувственно-физического мира, который, как вы сами видите, дан нам во время земного существования в качестве минерального мира. Для исследования минерального мира материализм незаменимый инструмент. Этот минеральный мир особенно важен именно для земного развития и, опять-таки, для земного развития важно, что человек свое воплощение проходит в материально-минеральном мире, что он вместе с тем проходит через развитие тех способностей, которые могут быть развиты, только когда мы имеем минерально-физическое тело. Разум и свободная воля должны быть нами усвоены до известной степени во время земного воплощения. Во времена Юпитера, Венеры и Вулкана человек уже сможет располагать этими способностями, но никакому существу на свете невозможно их приобрести никак иначе, нежели это делает такое, обладающее душой существо, как человек в земное время, когда он воплощен в минеральном теле.

Противовес нашему развитию в минерализованном земном теле создается благодаря тому, что мы постоянно проходим через жизнь между смертью и новым рождением, через жизнь души без такого минерализованного тела. Можно сказать, что человек только потому должен многое проделать на Земле между рождением и смертью, что он имеет минерализованное тело. Но все, что он проделывает ради своей космической составляющей через воплощение в минерализованном теле, все это восходит ввысь благодаря тому, что он проделывает между смертью и новым рождением, когда он не воплощен, а воодушевлен, если придать этому слову буквальный смысл.

Исследовать то, что относится к минеральному, растительному и животному миру, а также минеральному в человеке, это прерогатива материалистического метода; и когда человек в ходе столетий прибегает к этому материалистическому методу, он, в сущности, усваивает то, что ему в ходе земного развития и надлежит усвоить. Способы исследования, предшествовавшие материалистическому методу, все еще находились под влиянием ясновидческого наследия, которое человек вынес из своих прежних состояний развития. И когда человек, по окончании нашей пятой постатлантической эпохи и в ходе всей нашей постатлантической эпохи в основном закончит свое минеральное развитие, когда он вступит в другую стадию развития, то

он опять настолько приблизится к духовному миру, что он ту меру разумности, которая ему предназначена, усвоит уже в земную эпоху. И так же он должен будет усвоить ту меру свободной воли, которая ему предназначена, иначе он не сможет преуспеть в своем развитии.

Рассматриваемый в таком ключе, материалистический метод означает нечто очень важное; но он должен оставаться только методом — методом для исследования внешнего физического, материального мира. И в этом отношении он является значительным, очень значительным. Его ценность заключается в том, что человек, когда он воспринимает и исследует в минеральном мире, а также действует в нем, постепенно развивает свою свободную волю. И когда человек находится в такой позиции внутри минерального мира, тот закрывает ему то, что, собственно, лежит в основе минерально-физического мира, его суть.

В эти дни мы увидели, куда попадает человек, когда предается теоретическим фантазиям в рамках чувственно-физических восприятий. Тогда приходят к атомистике. И мы также видели, что атомистика есть не что иное, как субъективное заблуждение. Но если проникнуть в действительный мир — туда, где человек, обманывая себя, ищет атомы, — то найдешь там Аримана и иже с ним. Ибо через тех духовных существ, о которых я вчера говорил и к которым человек проникает, когда заглядывает за завесу природы, человек приходит к развитию разрушительных сил; и эти силы суть космические существа.

Из этого можно увидеть, как обстоит дело с материалистическим методом. Он преподносит людям заблуждение, некую майю. Но это заблуждение для человека весьма полезно по той причине, что в то мгновение, когда рассеивается заблуждение, он проникает первоначально в царство Аримана и его духовных приспешников, которые стремятся к разрушению, к умерщвлению, а также развивают в собственной природе человека до известной степени рафинированные разрушительные силы. Именно рассудок, чисто внешняя смышленость развиваются силами, в чью сферу попадает человек таким образом, что последний становится рафинированно смышленным. А если человек не настолько развил свою земную смышленость, чтобы прозревать эти вещи, то он становится, хотя бессознательно, но рафинированно смышленным. Таким образом, материалистическая натурфилософия представляет собой как бы сезон запрета на охоту, во время которого человек может достаточно созреть, чтобы позднее уже вступить в это царство Аримана, будучи защищенным.

Так что можно сказать, ученые материалисты и философы руководствуются весьма правоммерным инстинктом. Хранители старых символов именно по этой причине не решились эзотерическое сделать экзотерическим и раскрыть людям свои тайны. Ученые материалисты, хотя, естественно, они этого не говорят, могли бы символически выразиться так: мы делаем что-то очень хорошее, когда приводим человека только к завесе, но не далее. Они, естественно, делают это инстинктивно, но они делают именно это. В сущности, они оказывают человечеству хорошую услугу, ибо если бы ученые материалисты проникли за завесу, то человечество познало бы силы тех

разрушительных существ, о которых я говорил вчера, — существ, служащих Ариману. И в результате еще неподготовленные люди, так сказать, приняли бы с распростертыми объятиями силы, приходящие с этой стороны. И при помощи этих сил человечество обрело бы огромные возможности, но все в пользу разрушения, в пользу искоренения добра. Так что само неведение, в котором оставляет человека естественнонаучное мировоззрение, имеет, в известном отношении, нечто доброе. Это одна сторона медали. А другая сторона такая.

Чтобы человек мог жить в этом мире заблуждения, в который его инстинктивно вгоняет материалистическое учение, он должен пребывать в нем продолжительное время, пребывать столетиями. И мы уже имеем определенное количество столетий, во время которых человек живет в этом заблуждении, в этой майе. Но это не проходит без последствий для человеческой природы! Ведь человек живет не в реальности, когда он погружен в заблуждения, и человек уже с ходом столетий действительно вжился в заблуждения. Это заблуждение не захватывает его душевные силы настолько, как это делает реальность, и в результате в человеческой душе постепенно всплывают сомнения за сомнениями, которые, как я уже указал, в этой связи дают себя знать. Именитые ученые провели черту "непознаваемого". Вторая половина XIX столетия настоятельно потребовала того, что можно назвать переживанием сомнения. Но истина в том, что предстоит такое время, когда человек будет все больше и больше пребывать в сомнении и верить, что он пребывает в реальности. Он все больше и больше вживается в материализм как в мировоззрение, но и это же является причиной роста сомнения, и если так и будет продолжаться, то сомнение под влиянием естественнонаучной философии поселится в каждой человеческой душе. У людей не станет почвы под ногами, любая проблема, любая задача станут вызывать сомнение за сомнением. Скептицизм превратится в бескрайнее море, в котором утонет человеческая душа.

В том-то и состоит задача духовного исследования, что нечто подобное должно быть познано; должно быть познано, что огромное море скептицизма и сомнения, в котором утонет человеческая душа, должно разлиться. А следующая задача состоит в том, чтобы возвести дамбу, чтобы это море сомнения и скептицизма не смогло прорваться. Такова перспектива совершенно реальных событий, которые грядут, если научный материализм в качестве мировоззрения завоеует мир. Такова другая сторона медали.

Сказанное мной связано с одной глубокой тайной — с тайной, согласно которой во внешнем чувственном мире все происходящее должно переживаться бинарно. Я однажды уже говорил, что двойственность — это число откровения*; два — это число, которое господствует надо всем внешним проявлением, надо всем чувственным откровением.

[* В лекциях в Штуттгарте 13-16 сентября 1907 г. и в Кельне 26—29 декабря 1907 г. (GA 101). Далее — в лекции в Копенгагене 4 июня 1910 г. ("Путь и цель духовного человека". (GA 125).]

Но число два имеет значение только для чувственно открывающегося. В мире проявленного дело всегда обстоит так, что мы должны сказать: там совершается определенная эволюция. Возьмем эволюцию природной майи. Мне хотелось бы то, что я здесь рисую, назвать природной майей, которая постепенно возростала с момента прихода естественнонаучного мировоззрения и в XIX столетии достигла своей кульминации. Но результатом пребывания в этой майе является то, что в известном отношении в глубине — под тем воззрением, что живет в природной майе, — происходит нечто другое: подготовка к другому мировоззрению, подготовка к проникновению в реальность.

Оно подготавливается в подсознании. И должна быть явлена предусмотрительность, чтобы грядущее развитие вступило в действительность, иначе природная майя разовьется в дальнейший скептицизм, в страшнейшие сомнения, которые поглотят человечество. Так что мы вступаем в такое время, о котором можем сказать: не приди духовная наука, люди все больше и больше погружались бы в сомнения; а с приходом духовной науки в душу человека на место того, куда должно было влиться сомнение, готовое поглотить человеческую душу, вступит то, в чем человек нуждается.

Вы видите, это некая двойственность. Майя природы продолжается далее. Но там внизу (помечено зеленым) происходит подготовка для духовной науки. В чувственном мире все продолжается в этой двойственности. Поэтому оккультист говорит: число два — это число чувственного откровения. В то мгновение, как из чувственного мира вступают в другой мир, число два теряет это значение, и было бы совершенно неверно характеризовать высшие миры непосредственно такой двойственностью. Только основные законы чувственно-физического мира можно характеризовать этой двойственностью. В высших мирах, если хотят исходить из чисел, надо знать, что там нужно исходить из тройственности и что она там господствует в той же мере, как в чувственном мире господствует двойственность. Так же, как чувственный мир подчинен двойственности, так и в духовном мире имеют дело с тройственностью. Иногда это не вредно знать. К примеру, полезно знать, что все, что в чувственном может быть охарактеризовано двойственностью, вообще имеет значение только для чувственного мира. Когда говорят, что магия распадается на белую и черную магию, то обнаруживают двойственность. Но такая двойственность может иметь значение только для чувственного мира. Так что попутно становится ясным, что невозможно в основание духовного мира положить число два, ибо это не относится к основным законам духовного мира. Так же, как истинным является то, что в основание чувственно-физического мира надо класть число два, так же истинным является то, в сверхчувственном мире никогда не имеют дело с числом два.

Но ведь родство человека распространяется на весь космос. Земной человек, как я часто на это указывал, ведь есть микрокосм. Его родство распространяется на весь космос, и чтобы познать определенные вещи, необходимо раскрыть отношение человека к космосу. Мы указывали на один факт — на тот факт, согласно которому человек, когда он проникает за завесу природы и вступает в мир, находящийся за ним, встречает ариманических существ, то есть существ, охарактеризованных нами в качестве разрушительных. Эти существа, собственно, поначалу в мировом порядке являются яростными ненавистниками земной человеческой природы. Так что, когда по своей слабости человек связывается с ними, что может произойти, как я это уже указывал, то связываются с врагами земного человечества. Человек реально вступает в связь с ненавистниками земного человечества, и эта связь, благодаря определенному отношению человека к космосу, может оказаться особенно благотворной.

Эти существа, скрывающиеся за завесой природы интеллигентны, они обладают собственной интеллигентностью. Я уже до этого говорил о человеческой интеллигентности, но эти существа имеют свое мышление, свою интеллигентность, они имеют чувство, хотя и другого рода, нежели человеческое чувство, волю, хотя и она отличается от человеческой воли. Они осуществляют определенные деяния, которые внешне выражаются в природных явлениях, располагая существенной субстанциальностью, хотя и по ту сторону завесы. Но имеется удивительное родство между чем-то в человеке и высшими способностями этих существ. Я поясню это следующим образом. Когда переступивший порог духовного мира подступает к этим существам, ему может показаться, что он вступил в ад или, как ему угодно себе представлять, дело не в этом; а дело в том, чтобы правильно истолковать такое переживание, — то прежде всего такому человеку должно броситься в глаза высокая, экстраординарная интеллигентность таких существ. Их смысленность превышает всякую меру, они мудры. В этом выражается их душевная сила. Но эти душевные силы, высшие душевные силы этих существ, все сродни силам низшей природы человека. То, чем являются чувственные инстинкты человека, у этих существ является теми силами, которые им особенно импонируют. Так что существует некое сродство между низшими силами человека и высшими силами этих духовных существ. Поэтому они стремятся идентифицироваться с низшими силами человека. Если они вступают в этот мир, то вырываются инстинкты разрушения, ненависти и т.п.— по той причине, что такие Духи низшее в человеке притягивают к своему высшему и своим высшим действуют через человеческое низшее. Невозможно заключить доброкачественный пакт с такими существами без того, чтобы унижить свою природу, без того чтобы придать гипертрофированное развитие определенным чувственным инстинктам.

Это факт, который должен быть особым образом принят во внимание, ибо он правильно показывает нам, как надобно представлять наше отношение к космосу. В нашей собственной человеческой природе находятся низшие инстинкты, но эти низшие инстинкты суть силы, которые только в нас, людях, представляют низшие инстинкты. А

когда такими силами обладают те духовные существа, то у них те же самые инстинкты являются высшими силами. Но эти духовные существа постоянно действуют в нашей природе. Они всегда присутствуют там, внутри. Наисущественнейшее духовнонаучного прогресса состоит только в том, что мы их узнаём, мы знаем, что они там присутствуют; и так, мы можем сказать: у нас есть наши высшие силы и у нас есть наши низшие силы, и к тому же мы познаем нечто третье, а именно, что силы, которые у нас являются низшими, для охарактеризованных существ являются высшими силами. Тем самым двойственность нашего мира, наши высшие и наши низшие силы, восполняется до тройственности. Таким образом, мы соприкасаемся с порогом духовного мира, когда вместо двойственности наших низших и высших сил подступаем к этой тройственности.

Ну, я вам уже сказал, что в нашей современности невозможно поступать наподобие того, как поступил патер Антоний с Павлом-простофилей. Также невозможно делать многое из того, что делалось в орденах. Просто так древнее знание неприменимо. Ибо если применить его, то произойдет как раз то, что я описывал: в человеке пробудятся его низшие инстинкты. Не подлежит никакому сомнению, что так оно и произойдет.

Существует, к примеру, в мире один орден, который без обиняков ведет к познанию тех таинственных существ, о которых я и говорил. Но такие люди приобретают все разрушительные инстинкты, так что этот орден попросту является причиной того, что из него выходят люди с разрушительными инстинктами. Ницше указывает однажды в своих сочинениях на этот орден*, но без собственного понимания сути дела и лишь мимоходом принимает его во внимание.

[* Рудольф Штайнер, очевидно, ссылается на уже упомянутое в его книге "Фридрих Ницше — борец со своей эпохой" (I, 3) (GA 5) место из Ницше об ордене Ассасинов. В работе "К генеалогии морали" (раздел третий, "Что означают аскетические идеалы?", 24-й афоризм) написано: "Когда христиане-крестоносцы столкнулись на Востоке с непобедимым орденом Ассасинов — тем орденом свободных духов по преимуществу, чей низший градус жил в таком послушании, с каким не сравниться достижениям любого монашеского ордена, — они набрали намеком на тот символ, сродни речению на Кресте, который укрывали как секрет только высшие градусы: ничто не истинно, всё дозволено... вот это была свобода духа, когда сама Истина звучала верой..."]

Таким образом, это одно, на что я должен обратить ваше внимание, — что мы имеем здесь завесу над природными тайнами. Эта завеса соткана из всего, что может быть найдено при помощи материалистических методов. А за нею лежит истинный мир. Вступить в него — поначалу совсем нелёгкая задача. Примем это твердо к сведению, и это одна сторона проблемы. С другой стороны находится наша человеческая душевная жизнь с мышлением, чувством и волей. Но эта душевная жизнь, какой она выступает перед нашим рефлектирующим и ретроспективным взором есть такая же майя, как и внешняя природа есть только майя. Наши мысли, чувства и воля не есть

истинный облик нашей душевной жизни; наоборот, за мышлением, чувством и волей впервые обретается истинная действительность.

Так же, как в наше время ученые инстинктивно придерживаются воззрения, что природа уже сама по себе представляет действительность, в крайнем случае приходя к атомизму, так и представители разных религиозных объединений стараются представить относящееся к душе так, как если бы душа с ее мышлением чувством и волей, уже была бы некоей реальностью и после смерти вместе с мышлением, чувством и волей продолжала жить дальше. Как ученые описывают майю природы, так представители определенных религиозных объединений описывают майю души и этими своими воззрениями опять-таки служат инстинктивно, в определенном отношении эволюции человечества.

Вам, возможно, известно — я часто на это указывал, что начиная со средних веков в исторической форме христианства так называемая трихотомия — тройственное деление человека на тело, душу и дух — стало рассматриваться как ересь. Она начала рассматриваться как ересь уже с раннего Средневековья. Один из относительно ранних соборов, как вам известно, отменил дух*, и человека с тех пор стали разделять на тело и душу.

[* Восьмой Вселенский Собор 869 года в Константинополе. См. детальное описание, например, в 8-й лекции в цикле "Краеугольный камень к познанию Мистерии Голгофы" (GA 175).]

С тех пор на Западе привыкли разделять человека на тело и душу. В средние века по-настоящему боялись говорить о тройственности — о духе, душе и теле. Это казалось злейшей из ересей, ибо дух был отменен, а тело и душа представлялись как двойственность. Это соответствовало инстинктивному желанию уже на уровне чисел пребывать в том, что имеет значение только для этого мира. Так что существовало истинное устремление, о котором я говорил: удерживать человека в мире, который, собственно, является только майей, поскольку человек остается при майяобразном мышлении, чувстве и воле. Тогда человек, собственно, постигает только то, что из нынешней инкарнации переносится в первоначальное время между смертью и новым рождением. А то, что вырабатывается в человеке для следующей инкарнации, это остается за рамками постижимого.

Я попытаюсь нарисовать это схематически следующим образом. Допустим, я рисую здесь человеческое тело (красный). Если бы мне потребовалось нарисовать то, что находится ниже, то я это должен был бы нарисовать так. Естественно, это все схематично; это расположено в известном смысле вне человеческого тела.

Мне приходится рисовать, но на самом деле это было бы невидимым. Увидеть это можно, если проникнуть через нервные

окончания. Если бы в основе мира лежали не атомы, а такой выход из тела, который был бы сопровождаем созерцанием, то человек пришел бы туда, где разрушительные существа оккупируют всего человека. А теперь я хотел бы там внутри нарисовать то душевное, которое человек сначала развивает в физическом мире (синий). Таким образом, красное и синее — это то, что человек здесь воспринимает: своё телесное и своё душевное. Но пока мы живем здесь, между рождением и смертью, развивается также невоспринимаемое (желтый). Для нас оно остается совершенно невоспринимаемым. Затем мы умираем. Когда мы умираем, наше мышление, чувство и воля более не развиваются. Они исчерпаны, и поскольку они исчерпаны, возникает то, что здесь обозначено желтым, — невоспринимаемое. Между смертью и новым рождением это невоспринимаемое становится все более мощным и, постоянно возрастая в силе, становится основанием нового воплощения. Мы перевоплощаемся с новым мышлением, чувством и волей, с новой телесностью.

Итак, когда мы говорим о том, что здесь, на Земле открывается в нашей душе, то мы говорим о чем-то таком, что затем прекращается, что совершенно не переходит в следующую инкарнацию. Если говорится о неизменном душевном, тогда придется говорить в духе представителей религии: человек умирает, попадает на небо или в ад, и далее он пребывает за пределами наших забот. С точки зрения определенных представителей религии, этого вполне достаточно, это достаточная толика бессмертия, а другое, что устремляется к следующей инкарнации, не кажется важным. Затемняется тот факт, что духовное вступает в духовный мир и живет там вплоть до следующего воплощения.

Теперь мы можем сказать: представители разных религиозных течений сильно заинтересованы не допустить человека до той части его существа, которая обозначена здесь желтым цветом, даже сделать так, чтобы он не имел о ней никакого понятия. И в этом, можно опять-таки сказать, они следуют определенному правильному инстинкту, который, собственно, четко обозначает, что в наше время он уже утратил свою ценность, уступив свое место другому инстинкту, которому следуют естествоиспытатели.

Все устремления представителей различных религиозных течений сходятся главным образом на том, чтобы завуалировать тот факт, что существует духовный мир, к которому относится ядро нашего внутреннего существа, которому предопределено появляться на Земле в повторных жизнях, а в промежутках проходить через поистине духовную жизнь; эта завуалированность нужна ради утешения, поскольку те душевные способности, которые изживаются в мышлении, чувстве и воле, сами по себе уже достаточно бессмертны.

То, что эти пастыри человеческих душ инстинктивно думают и делают, является старанием удержать человека от контакта с определенными существами. Невозможно проникнуть в наше истинно внутреннее без того, чтобы подобным образом не соприкоснуться с определенными существами, равно как описанным образом приходят в соприкосновение с определенными существами, когда хотят и могут приподнять завесу природы; однако существа, с которыми приходят в контакт в этом случае, — люциферического типа.

Видите ли, когда человек, благодаря тому, что ему без необходимой предусмотрительности переданы определенные учения, реально входит в контакт с определенными разрушительными существами по ту сторону завесы природы, то он становится одним из тех, о ком он не очень высокого мнения, и скоро станет очевидным, что он находит удовольствие в разрушении, в уничтожении. То, что он разрушает, не обязательно должно быть чем-то внешним. Многие, с кем такое происходит, выказывают радость мучить другие души, живодерствовать. Такие качества начинают выступать. Но нельзя сказать, что человек, у которого из-за связи с элементарными ариманическими силами выступили такие качества, постоянно является эгоистом. Ему нет нужды быть эгоистом, он обычно им и не является. Он делает это из совершенно других побуждений, нежели из эгоистических. Он это делает из сладострастия в разрушении, и он разрушает без малейшей выгоды для себя. Те существа, в сферу которых вступает человек, действительно разрушительные существа, и они искушают и толкают его на разрушение.

Другие существа, в чью сферу вступает человек, когда он проникает под покров душевной жизни, совершенно другой природы. Разрушение не приносит им никакой особой радости. Собственно говоря, они и не знают того, что именуется разрушением. Они обладают истинным творческим энтузиазмом, они одержимы производительностью; они имеют неслыханную потребность в деятельности и продуктивности. И, опять-таки, они имеют определенные высшие способности, которые в настоящий момент менее сродни нашему мышлению, а сродни скорее нашему чувству и особенно сродни нашей воле. Там мы вступаем в такую сферу, где наличествуют существа, которые преимущественно сродни нашей воле, но, курьезным образом, сродни наиболее благороднейшим сторонам нашей воли.

Таким образом, когда мы в этом мире, не зная того, что известно посвященным — что, как по ту сторону природного мира, так и по ту сторону душевного мира, имеется в духовном мире, — напрягаем свою волю, напечатлеваем ей идеалы, когда мы развиваем благородную, одухотворенную волю и вступаем в тот мир, то именно эта благородная воля связывается с низшими качествами тех существ, в чью сферу мы вступаем. Существует таинственное притяжение между благородной стороной нашей воли и низшими инстинктами и потребностями этих существ.

Теперь представьте себе, что человек встречается с духовником, который в заботе о его душе утешает его идеями бессмертия, ценности

человеческой души, ценностью божественного и т.д., и тогда может прийти до того, что достаточно будет малейшего толчка, особенно, когда дело идет о благородном человеке, чтобы в каком-нибудь месте прорвалась тончайшая душевная оболочка и человек проник к тайнам мышления, чувства и воли. Но он вступает в регион этих волевых существ, и результатом этого будет то, что в действительности теперь именно идеальные стороны его воли принимают чувственный характер. А теперь я попросил бы вас прочесть вступительные статьи к биографиям многих мистиков обоих полов. Заметьте, когда вы читаете биографии мистиков обоих полов, в какую удушливую атмосферу вы погружаетесь. Подумайте только, как высочайшие идеалы принимают там чувственную окраску. Я напомню вам только о мощных переживаниях мистиков обоих полов с их душевными женихами и душевными невестами, когда у мистиков женского пола происходит чувственное воссоединение со Спасителем, а у мистиков мужского пола как бы реальное соединение с невестой души, с Девой Марией.

В том-то и состоит устремление этих волевых существ: влить в наше мышление, в наши идеалы то, что иначе нам известно только как чувственность. Приходится употребить это тяжелое слово. Эти духовные существа, в чьи области тогда вступает человек, имеют стремление — и с их точки зрения, это хорошо — свои чувственные инстинкты влить в нашу идеализирующую волю. И тогда происходит так, как если бы в волеизъявлениях нашей головы, которая обладает определенной холодностью, теперь стали жить горячечные ощущения духовного мира, что часто присуще горячей, экзальтированной мистике. А это вызывает у представителей разных религиозных течений ужасный страх, и ничего так не страшатся эти представители, как вступления такого мистика в их верующую общину.

Поистине это как Сцилла и Харибда. Если мы хотим заглянуть за завесу природы, мы встречаем Сциллу, ариманических интеллигентных существ, которые хотят наделить нас разрушительными силами интеллекта. А если мы хотим проникнуть через покров душевного существа, мы встречаем Харибду, волевых существ люциферического рода, которые хотят щедро одарить нас духовными парениями, духовной горячкой и спиритуальными инстинктами.

Духовные ордена, которые особенно пекутся о религиозной жизни, должны поэтому с определенным правом присматривать за тем, чтобы, когда мистик вступает в их среду, такой мистик вступал бы, по крайней мере, без своих теневых сторон. Поэтому они также воздвигают определенные барьеры на пути вступления в духовные миры. Подумайте только о том, как определенные религиозные ордена — я имею в виду не тайные ордена, а религиозные ордена — возлагают большие надежды на внешнюю работу — на такую работу, которая воспитывает в человеческих душах радость от лицезрения природы, радость от созерцания всего живущего во внешнем мире, как такие ордена, если они руководствуются правильным принципом, предлагают производить внешнюю ручную работу. Ибо основатели таких орденов говорили себе: наихудшее, что мы можем сделать, это предоставить людям самим себе, и давать им развивать собственную мистическую жизнь, причем развивать эту мистическую жизнь из лени, из

внешнего ничегонеделания. Прочтите только разные монастырские уставы, исходящие из лучших времен и касающиеся лучших из орденов, и вы повсеместно увидите, как сугубое внимание обращается на то, о чем я говорил, как противодействовали мистическому туману и мистической горячке при помощи внешнего труда. Теперь вам станет также понятным, почему Антоний заставлял Павла трудиться на себя, когда этот труд не имел никакой внешней цели. Иначе он бы опустил и ленился бы годами, так что этот Павел-простофиля стал бы законченным чувственным мистиком.

Вы видите, мы имеем дело с некоей двойственностью: с объективным оккультизмом, который при непосредственной передаче неподготовленному человеку делает его разрушительным существом; и с субъективной мистикой, которая, когда она пестуется человеком, накатывает на него, делает этого человека из идеалиста эгоистом — эгоистом вроде тех, что нам встречаются среди многочисленных мистиков, развивающих рафинированную тягу к пестованию собственно души. Прочтите биографии мистиков и вы будете подчас потрясены тем душевным эгоизмом, который живет в этих мистиках. Духи, которые служат Ариману и в чью сферу мы вступаем, когда мы пестуем не эгоизм, а чувство разрушения, это та Сцилла, в чью область мы входим. А если мы пестуем субъективную мистику люциферических волевых духов, в чью сферу мы входим, тогда это будет другая сторона, Харибда, ибо здесь особо пестуют внутренний эгоизм, так что наше собственное внутреннее составляет для нас весь мир. Такова двойственность в чувственном мире: объективный оккультизм — субъективная мистика. У каждой своя окольная стезя.

Но, в сущности, в том, что развивалось столетиями, живет с началом нового времени, с одной стороны, объективный оккультизм, хранимый в тайных орденах, что теперь уже не является достаточно правомерным, ибо люди изменились и все тяготеет к открытости. Но мы видели, сколько труда было потрачено, чтобы найти выход из ситуации. Это я показал в этих докладах. А с другой стороны, живет субъективная мистика.

Что же из этого следует? И этого следует, что если мы хотим основать духовную науку, мы должны пройти между Сциллой и Харибдой, найти средний путь; мы не можем пестовать старый, изношенный оккультизм, но и не должны пестовать старые, изношенные формы мистики. И здесь мы можем еще глубже постигнуть, что дает нашему духовнонаучному течению его направление. Оба — и объективный оккультизм, и субъективная мистика в старом понимании — должны быть отстранены и наша духовная наука должна приобрести характер, сторонящейся как Сциллы, так и Харибды.

Я только наметил вам основную черту нашей духовной науки, которую она должна иметь, дабы избежать обоих подводных камней. Но самоочевидно, что их не избежать в современности, которая ошибочным образом, с одной стороны, приводит в наше течение людей, которые, собственно, ищут некий старый объективный оккультизм, а с другой стороны, приводит людей, ищущих старую субъективную

мистику. Оба вида вряд ли найдут у нас то, что ищут. Но они верят, что смогут это найти, если просто перетолкуют наше учение. Каковым должно быть наше учение и как мы должны его строить, чтобы правильно взойти на наш духовный жизненный корабль, чтобы на нем проплыть между Сциллой и Харибдой, об этом я должен говорить завтра.

ЛЕКЦИЯ ДЕСЯТАЯ

Дорнах, 25 октября 1915 г.

Чтобы приступить к тому, что нас сегодня будет интересовать, нужно с определенной стороны рассмотреть понятие человеческого сознания, каким оно предстает нам в настоящее время. Проведем перед своей душой некоторые особенности этого сознания, о котором мы говорили последние дни и недели. Мы знаем, человеческое сознание устроено так, что человек, каким он является в настоящее время, удерживается в границах, обозначенных нами в ходе этих докладов. Это сознание удерживает человека в рамках, ограниченных, с одной стороны, завесой, которую ставят нам природные явления — за эту завесу поначалу человеческое сознание не проникает: а с другой стороны, имеется завеса наших собственных душевных переживаний: нашего мышления, чувства и воли. Ныне наше сознание устроено так, что мы в состоянии, углубляясь внутрь, до известной степени переживать наше мышление, чувство и волю в известной степени по-человечески, переживать сознательно. Но за эти покровы мы опять-таки не можем проникнуть. А там лежит реальный мир. Так что мы можем сказать: если мы представим на одной стороне завесу природных явлений, а за ней предполагаем объективную действительность, то наше сознание направлено на эту завесу, которая поначалу не может быть поднята. С другой стороны находятся душевные явления, за ними лежит субъективная действительность. В нее мы заглядываем, но не можем без дальнейшего приподнять эту завесу. Таким образом, наше современное сознание находится внутри этих границ, внутри этих двух параллельных линий, и этому сознанию предстает, с одной стороны, когда оно употребляет органы чувств, мир природы, а с другой стороны, когда оно заглядывает внутрь себя, душевный мир; так что мир природы — это то, что предстает нам как некая завеса; а мир души — это то, что предлагается непосредственно внутреннему взору. Так устроено наше сознание, которым мы располагаем в качестве современных людей.

Но нам ведь известно, что такое сознание отличается от прежнего, которое еще включало наследие древнего ясновидения; нам также известно, что это наследие древнего ясновидения все в большей степени убывало, а наше современное сознание, когда оно нормально функционирует на физическом плане, устроено так, как я охарактеризовал.

И теперь можно спросить: почему же мы, люди, имеем в настоящее время именно так специфически устроенное сознание? Причиной тому то, что входе нашего современного цикла развития, помимо уже охарактеризованного, мы должны усвоить правильное отношение, в котором одна человеческая душа должна во вселенной находиться к

другой человеческой душе. Так что эта форма сознания имеет вполне определенную задачу.

Вы знаете, что ранее, во времена Солнца и Луны и т.д., мы уже проходили через определённые состояния сознания и что позднее, во времена Юпитера, Венеры и т.д., мы пройдем через другие состояния. Мы постепенно подготавливаемся к разным состояниям сознания. Ныне, в настоящем цикле развития, мы должны благодаря тому способу, каким живем в мире, вступить в правильные отношения между душами людей — в которых в начале земного развития мы еще не находились и которые не сможем приобрести на Юпитере, Венере и Вулкане, если не усвоим их в ходе земной эволюции. Так что помимо всего мы должны при помощи этой формы сознания усвоить еще правильное отношение человека к человеку.

Возьмем развитие на Сатурне, Солнце и Луне, которое предшествовало земному времени. Тогда человек в этом смысле еще не состоял в правильном отношении к другим людям. Он, в известном смысле, стоял слишком близко к другому человеку. Так было еще во времена Луны. Вы можете это вывести из многих описаний, которые я давал, — человек, когда хотел, мог воздействовать на другого человека. Другой же в некотором роде испытывал волевое воздействие своих ближних. А Духи высших иерархий контролировали, чтобы это происходило правильным образом.

Если бы такое регулирование со стороны Духов высших иерархий продолжалось далее, человек в космическом плане никогда не пришел бы к свободе. Такой контроль должен был однажды прекратиться. Вот почему должна была возникнуть форма сознания, проводившая в некотором роде границу между людьми. Благодаря тому, что мы, с одной стороны, не проникаем за завесу природы, а с другой — за завесу душевного мира, отношение одной души к другой в действительности таково, что и между двумя душами проводится определенная граница. Эта граница устанавливается как раз при помощи нашей современной формы сознания. В этом-то и состоит особенное, характерное свойство современной формы сознания, что мы, собственно, воспринимаем отражения. Это, естественно, относится также к нашему общению с людьми. Благодаря тому, что при встрече с людьми мы имеем при нашей современной форме сознания только отражение сознания внутри себя, у нас есть возможность не так грубо подступать к человеку, как если бы мы хотели содержание нашего сознания влить в его душу. Значит, если наше сознание нормально развито, то оно удерживает нас от того, чтобы слишком близко подступать нашим сознанием к другому человеку. Я мог бы также сказать: наше сознание и силы нашего интеллекта так устроены, что мы не можем ни оказать чрезмерного влияния на другого человека, ни дать другому оказать на нас чрезмерное влияние, ибо из-за отражательной природой нашего сознания мы отделены от другого человека.

Это очень значительная вещь, которую ни в коем случае нельзя упускать из виду для понимания человеческого развития. Когда где-либо выступает дефект в нормальном сознании, то можно сразу увидеть, как, собственно, обстоит дело. Представьте себе только

человека, чье сознание не развито достаточно нормально, который, скажем, имеет немножко того, что на прошлой неделе было названо несколько злым, но метким словом "мистиковатая чудаковатость". Допустим, его сознание было бы не совсем нормальным, а склонным к различным фантазиям, опирающимся на определенные аномальные переживания сознания, не свойственные нашему времени: вы постоянно чувствовали бы, что такое аномальное сознание оказывает на другие души гораздо большее влияние, чем нормальное сознание. Человек, который, грубо выражаясь, немного сдвинут в каком-нибудь направлении, оказывает на окружающих гораздо большее влияние, чем нормальный человек; и нормальные должны защищать себя, повышая свое сознание, чтобы не подпасть под влияние ненормального. Ненормальность, пока она не распознана, всегда означает определенную опасность для окружающих, ибо может оказывать сильное влияние, если принимается за что-то особенное. Именно там, где зеркало сознания как бы продырявлено, где сознание затуманено, там через дыру в сознании проникает сильное влияние на других людей.

Таким образом, наше сознание мы приобретаем в современную эпоху развития, чтобы установить во вселенной истинное отношение между душами. Теперь мы можем сказать, и это вытекает со всей ясностью из того, что я разъяснял в последние дни: по ту сторону покровы природы лежит ариманический мир со всеми описанными мной существами. А по ту сторону покровы душевной жизни лежит люциферический мир со всеми описанными мной особенностями. Таким образом, человек как бы заключен между ариманическим и люциферическим мирами. Стоит ему хотя бы немного подняться над своим сознанием относительно природы, ему не остается ничего другого, как познакомиться с ариманическим миром. А если он со своим сознанием поднимается над душевным миром, ему ничего иного не остается, как познакомиться с люциферическим миром.

В прошлом было время, когда человек был защищен от сильных прорывов в ту или иную сторону. Но теперь мы опять живем в переходное время, когда не может не быть прорыва человеческой души в ту или другую сторону. Не происходит ничего иного, кроме такого прорыва в ту или другую сторону. Иначе не может быть; это должно произойти. Таково положение вещей, этого требует от человека развивающееся время.

Мы живем в настоящее время в эпоху души сознательной, как вам известно, и движемся навстречу развитию Самодуха. Такое развитие долго предуготовляется. Когда этот Самодух однажды будет полностью развит в шестом постатлантическом культурном периоде, тогда душевная жизнь человека будет во многих отношениях совершенно другой, нежели сейчас. Человеческий интеллект будет обладать гораздо более объективной силой, чем сейчас. Он будет жить гораздо

более объективно. Люди уже идут навстречу этой более объективной жизни интеллекта. Это можно увидеть повсеместно. Я это уже характеризовал в разных лекциях. Люди идут навстречу такой душевной жизни, о которой можно сказать, что интеллект будет распространен среди людей как своего рода внешняя сила; поистине, это будет своего рода внешняя сила, которую человек должен к себе присоединить, своего рода объективная, действующая помимо человеческой души сила.

Мы теперь живем еще в такое время, когда большое число людей по причине сильно выраженной индивидуальности противятся этой объективной силе. Но это будет все менее возможным, чем ближе мы подступаем к шестой постатлантической эпохе. Поистине придет такое время, когда явления, находящиеся теперь в своем первом зачатке, будут выступать гораздо сильнее. Уже теперь можно составить себе правильное суждение, если быть в состоянии в отношении этого пункта правильно оценивать события в мире. Можно, например, наблюдать, как там или здесь пишется то или иное. Можно знать совершенно точно, что пишущий — журналист, очень далекий от того, чтобы высказывать вырывающееся из его души. Он представляет интеллигентность определенного круга, интеллигентность, которая разрастается по объективным законам, а он является только ее рупором. Необычайно важно иметь это в виду, ибо это явление, которое будет все больше завоевывать себе место.

Но тогда возникает вполне определенная перспектива. Если интеллигентность какого-нибудь человека объективируется — а она объективируется с тех пор, как существует книгопечатание, — Ариману предоставляется все больше возможностей управлять интеллигентностью человека. Такова одна перспектива, которую должна поставить перед душой духовная наука, ибо Ариман постоянно имеет интенсивное устремление увести человека от его индивидуального разума и присвоить его себе, так что человеческий разум, по мнению Аримана, должен перейти под управление Аримана. Ариман имеет, собственно — как я вам уже говорил, ариманические существа имеют тайную связь между своими высшими силами интеллекта и низшими силами человека — постоянное стремление присвоить себе человеческий разум и не допустить человека к полному развитию возможностей его разума. Возьмите последнюю сцену из драмы-мистерии "Пробуждение душ". Ариман, убегая от Бенедиктуса, говорит такие слова:

Ариман

Настало время скрыться поскорее
Мне с глаз его; коль скоро, созерцая,
Меня **помыслит** он, каков я есмь,
Часть силы той в мышление он создаст,
Что медленно меня уничтожает.

В этом заложена глубокая тайна, которую должен познать тот, кто интересуется духовной наукой. Люди должны, ввиду грядущего, стремиться индивидуально, поистине индивидуально владеть своим разумом, не упускать его из внимания; да, да, никогда не упускать свой разум из внимания. Это крайне необходимо, и хорошо знать, с какими прекрасными, убедительными, полнокровными словами Ариман подступает к человеку и пытается покорить его, даже когда человек пробует этому воспротивиться, но Ариман все равно пытается человеческий разум выудить как рыбу из пруда.

Людям потребуется быть все более внимательными к таким моментам. Ибо именно такие моменты Ариман использует в своем ремесле, когда человек при полном дневном бодрствовании входит в своего рода состояние головокружения, в своего рода сумеречное состояние сознания, когда он поистине неуютно чувствует себя в физическом мире, когда он попадает в мировую тарантеллу, когда его индивидуальность "сбита с ног". Это моменты, которых надо остерегаться, ибо тогда Ариман верховодит в нашем окружении.

Мы защищаем себя наилучшим образом, когда мы постоянно стараемся развивать ясное и точное мышление, думать как можно точнее, не просто пользоваться мыслительными штампами, что становится теперь общественным бедствием. Не перепрыгивать через вещи, но ясно думать. Надо пойти еще дальше: надо попробовать все больше и больше избегать пользоваться расхожими словами и выражениями. Ибо в то мгновение, когда употребляется такое слово, рожденное не мыслью, а речевым стереотипом, то в этот момент, каким бы он ни был коротким, человек остается без мыслей. И это особенно опасный момент, ибо его не замечают. А замечать его надо, чтобы избегать употреблять такие слова, которые недостаточно продуманы. Такого рода самовоспитание те, кто всерьез считается с задачами времени, должны в большей мере применять к себе вплоть до таких тонкостей, и все необходимое для этого вы сможете легко добавить сами после того, что здесь было сказано в последние дни.

Но и Люцифер стремится своей волей привести человека к тому, что он будет действовать не из продуманных, одухотворенных побуждений, но повинуюсь импульсивности своего темперамента, своих наклонностей. Здесь-то и хватает нас Люцифер и делает своей добычей. И легче всего Люцифер находит добычу, когда наибольшее число людей повинуются своим наклонностям, своему темпераменту, всему, что коренится и бродит в темных подосновах душевной жизни, не входя в индивидуальную сферу. Когда мы импульсивность темперамента и другие темные наклонности приводим в связь с человеческими массами, которые можно охарактеризовать так, что человек чувствует себя частью человеческой массы, то человек сразу входит в некий водоворот, где у него отрывается индивидуальное волевое суждение. А оно не должно быть оторвано, иначе Люцифер получает слишком большую власть над нами. Мы должны попробовать быть объективными в этом отношении.

Люцифер также может создавать благоприятные моменты, когда душевный строй как бы отклоняется от сферы нормального сознания.

Это крайний случай. Но к более интимным явлениям относятся уже те, когда мы позволяем отравлять себя тусклым массовым сознанием и т.п. Заметные, радикальные отклонения сознания случаются тогда, когда повреждается воля, каким-то образом ослабеваает, когда человек не может иначе, как предаться своей душевной жизни, хотелось бы сказать, с частичным исключением своей воли.

Эти особо радикальные явления в современной медицине получили свои названия. Так, например, современные врачи уже заговорили о навязчивых идеях. Навязчивые идеи проявляются у людей, сознание которых устроено не в тех правильных формах, каковыми они должны быть на физическом плане. Когда отсутствует достаточная критическая масса воли в сознании, тогда выступают такие представления, которые человек не может удалить из своего сознания. Выступают так называемые навязчивые идеи. Скажем, в частности — я хочу привести один пример из клинического опыта* — кто-то видел входящего в дом человека с карциномой лица. Он видел опухоль лица, причем, видевший был человеком слабой воли; его волевые импульсы не были достаточно сильны. С тех пор как он увидел этого человека с раком лица, ему стало казаться, что раковая инфекция имеется повсюду, и он не мог поступать иначе, как всюду, куда приходил, предполагать раковую инфекцию, то есть у него не было достаточно сильной воли, чтобы те представления, которые однажды в нем были вызваны, подавить в своем подсознании.

[*Источник (предположительно): Куллерре А. "Границы безумия". — Гамбург, 1890. С. 51.]

Это особый случай навязчивой идеи. Но такое выступает в великом многообразии у людей, волевая сфера которых недостаточно развита. Тогда они становятся легкой добычей Люцифера. Другое искажение сознания современные врачи называют страхом соприкосновения, который выражается в том что человек, чья волевая сфера недостаточно сильно развита, боится любого соприкосновения с другими людьми или предметами, то есть хотел бы избежать таких соприкосновений. Страх соприкосновения — вполне определенный термин новейшей психиатрии.

Мы можем назвать еще много аналогичных отклонений сознания. По этим отклонениям как раз и можно судить, как должно быть устроено нормальное сознание на физическом плане. Но мы подходим к такому времени, когда уже невозможно не снять завесу с определенных существ, как со стороны покрова природы, так и со стороны душевного мира. Должна быть снята завеса с определенных вещей, ибо иначе дальнейшему развитию человечества угрожает опасность. Ибо как раз, если Аримана и Люцифера не связывать с человеческим развитием, то это будет опасным для людей. Ибо именно когда они остаются незамеченными, могут они наилучшим образом промышлять. Я хочу ариманический промысел пояснить вам одним маленьким анекдотом, который правдивее правдивого, ибо он правдоподобен*.

Однажды в одну деревню приехал чужак, приятель бургомистра. Он въехал в деревню на лошади. Для деревни это было редким явлением. Все высыпали на улицу поглазеть на чужака. Он поставил свою лошадь в стойло на конюшне бургомистра, а сам провел воскресный вечер в его доме. В понедельник он пожелал отправиться дальше и запросил свою лошадь. Бургомистр говорит ему тогда: ты же пришел пешком, никакой лошади у тебя не было. На все возражения бургомистр отвечал одними и теми же словами: у тебя не было никакой лошади. Наконец бургомистр сказал: ну, тогда спросим жителей деревни, они, ведь, видели, как ты появился в деревне. Он созвал деревенский сход и спросил: разве вы не видели, что этот человек пришел пешком? — и все ответили: да. После такого вступления он сказал: а теперь поклянитесь мне все, что этот человек пришел пешком. И все поклялись, что этот человек был пешком. И пришлось ему покинуть деревню пешком и без лошади. Через короткое время его нагнал бургомистр и вернул ему лошадь. Тогда человек спросил его: к чему тогда вся эта комедия? На это бургомистр ответил: я хотел тебе только представить мою общину!

[* Предположительно взято из книги: Мориц Бенедикт. "Из моей жизни. Воспоминания и размышления". — Вена, 1906. С. 346.]

Само собой, без Аримана там не обошлось, и он проявился как объективная сила; он весьма хорошо поработал. Этот анекдот правдивее правдивого, ибо такое постоянно происходит среди нас. Вся человеческая жизнь имеет тенденцию приумножать количество людей, которые клянутся, что лошади не было.

Так что мы должны строжайшим образом следить за тем, чтобы иметь наиконкретнейшее сознание, ибо для нашей современной земной жизни только оно является правильным, доброкачественным сознанием. Если вы соберете воедино все, что дано в моем "Тайноведении", в восьми медитациях из "Пути самопознания человека", в книге "Порог духовного мира", в книге "Как достигнуть познания высших миров?" и во многих циклах лекций, то вы увидите, что там представлен путь для вхождения в соответствующие области. Путь описан таким образом, чтобы человек правомерно и с хорошей подготовкой вступал за кулисы природы и души. Там описан путь, при помощи которого правомерно проникают за кулисы бытия. Но устремление, субъективная тяга очень многих состоит, собственно, не в том, чтобы достигнуть того, что должно быть достигнуто, когда доверительно следуют указаниям, приведенным в этих текстах. Ибо в этих текстах ясно указано, что человек, собственно, должен выйти за пределы нормальной формы сознания, если он хочет вступить в другой мир, — что человек выходит за рамки нормальной формы сознания и должен прийти к другой форме сознания.

Это важно знать. Ибо у многих людей, да и у многих наших друзей, развивается тенденция не выходить из этой формы сознания, а пребывать в ней и, тем не менее, вносить духовный мир в обыденное сознание: то есть не выносить "Я" в духовный мир, а наоборот, — духовный мир вносить в "Я". В обыденное сознание человек должен вносить не сам духовный мир, а знание о духовном мире. Если вы

доверительно проследите содержание упомянутых текстов, то вам станет ясно, что вы переноситесь в такое состояние, благодаря которому вы переживаете духовный мир и благодаря которому переживания из этого духовного мира переносятся в нормальное сознание.

И поскольку вы находитесь в некоем измененном сознании, то вы не переживаете его содержание в вашем нормальном сознании, а переживаете это содержание, может быть, в совершенно другом времени. Но многие этого не хотят; они хотят переживать это содержание попросту в нормальном сознании. Но оно должно вступить в нормальное сознание из некоего измененного сознания. А у многих из наших друзей есть стремление иметь в нормальном сознании какие-то видения, а не такого рода обратное воспоминание из измененного сознания. Иметь в нормальном сознании видения — это значит, в сущности, не хотеть развивать другое состояние сознания, а удерживать привычное, обыденное сознание, но, тем не менее, взирать в духовные миры, что означает: человек, собственно, не хочет всерьез расставаться со своим сознанием, а хочет пребывать внутри него, и в нем должны возникать образы, которые, собственно, должны выглядеть как образы чувственного мира. Это значит, они очень стремятся видеть духов и их деяния, но видеть их не иначе, как мы видим чувственные вещи. Они хотели бы видеть духа, но этот дух должен быть мужчиной, или женщиной, или животным — например, пуделем. Пудель, мужчина или женщина — они присутствуют здесь, в физическом мире для физического сознания. Но в другом мире дело обстоит не так, что видят женщину, мужчину или пуделя. Это надо ясно себе представлять: истинный процесс лежит за рамками обыденного сознания. То, что проникает в сознание, это самое большее, нечто образное, некий послеобраз того, что происходит за пределами сознания. Короче, не надо стремиться иметь в духовном мире как бы своего рода утонченный чувственный мир. С другой стороны, не надо стремиться иметь в духовном мире нечто говорящее, выговаривающее человеческие слова, но кажущееся исходящим из духовного мира. А нашим друзьям подчас хотелось бы только слушать голоса, которые бы разговаривали с ними; но эти голоса должны быть похожи на голоса физического мира, они должны быть, как бы перелицовкой, некоей утонченной перелицовкой физического мира. Так что нашим друзьям хотелось бы вступить в духовный мир, не выходя из обыденного сознания, предназначенного только для физического мира.

На самом деле большинство видений и голосов о которых рассказывается, относится к охарактеризованному роду. Но в основе его лежит определенный факт: когда мы имеем такие видения, или слышим такие голоса, то Люцифер и Ариман всегда вступают с нами в легкое заигрывание, они контролируют эти вещи, принимая во внимание, что люди склонны, собственно, неправильно все

интерпретировать. При правильной интерпретации Люциферу и Ариману не достается ничего.

Вы видите, здесь проходит граница, которую надо правильно различать. Мы также должны осознавать такую возможность: как только в обыденное сознание, которое, собственно, предназначено только для физического мира, вступает что-то другое, мы приходим к Сцилле и Харибде — Ариману и Люциферу. Постигать Аримана и Люцифера в этом отношении как реальные силы — вот к чему мы должны пробиться. Поэтому придается такое огромное значение отношениям между Ариманом и Люцифером, и поэтому наша статуя такова, чтобы это представить в образах в правильном соотношении.

Теперь вы можете сказать: если дело обстоит таким образом, то не было бы разумнее поступать как ученый, который излагает вещи, словно именно Ариман присутствует внутри того, что они говорят, но, тем не менее, не хотят его признавать? Или поступать как обычные духовники из разных религиозных течений, которые представляют дело, словно Люцифер присутствует повсеместно, но это ничего не значит? Они считают чем-то дурным, когда кто-то убеждается, что это лазейка для Люцифера. Но кто говорит такое в наше время, говорит не очень умно. Ибо говорить: разумнее поступать как представители научной философии и представители различных религиозных течений, это по отношению к душевному похоже на то, как кому-то надо перейти по досочке, перекинутой над пропастью, причём досочка достаточно тонкая, а путь достаточно длинный, но ему не говорят об опасности. Но ведь сказать ему об этом вытекает из необходимости. А иначе дело выглядит так, как если бы было сказано: это верно, что опасность существует, но разумнее ему об этом не говорить. От того, что человек знает положение вещей — а он должен о нем знать, — опасность не станет ни больше, ни меньше.

Настанет время, когда Ариман захочет управлять разумом, а Люцифер — волей человека, и противостоять этому можно только через понимание этих вещей; а понимание может прийти только через соответствующее духовнонаучное движение. Весьма любопытно наблюдать за работой Аримана и Люцифера — как они проделывают определенные вещи, оставаясь незамеченными. Интересно с этой точки зрения изучить новейшую психиатрию. Современный психиатр знает многие факты, которые он описывает, но не может их правильно охарактеризовать, ибо не может учесть, что духовные силы, существующие за порогом, вступают в человека. Видите ли, я хотел бы вам прочесть одно занятное место из книги Куллерре*, где говорится в связи с определенной тенденцией в современной психиатрии о весьма примечательной вещи.

[* Куллерре А. "Границы безумия". — Гамбург, 1890. С VI-VII.]

Не правда ли, современная психиатрия сводит все, что превышает в человеке среднюю нормальность, что в ту или другую сторону отклоняется от определенного уровня, к сумасшествию. Так, имеются многочисленные статьи, авторы которых в Орлеанской Деве видят только истерическую личность. Теперь растет число статей, авторы

которых видят в Христе Иисусе не совсем нормального человека. Куллерре говорит: "есть еще люди, пребывающие вне себя от негодования при мысли, что наука, которая не может, чего не коснись, не осквернить, теперь считает себя способной измерить количество дурачества, которое было подмешано к мудрости Сократа или к гению Паскаля". Существуют также статьи, в которых доказывается идиотизм Гёте*, и т.д.

Здесь мы имеем прямо-таки ариманическую науку, но квазинауку, которая старается показать, что Гёте, хотя и был в известном отношении моральным гением, но пришел к этому только благодаря тому, что к его существу была подмешана определенная толика дурачества.

[* Мёбиус Пауль в: Сочинения Гёте в двух томах.—Лейпциг, 1903.]

Сократ знал это лучше: он говорил о своем Даймоне, он знал, что его душа соседствует с объективной духовной силой. Для него это было ясно. Но современный ученый, современный психиатр хотел бы это охарактеризовать тем, что к Сократу была подмешена глупость. Ариман должен быть неузнанным, и он хочет этого! Сходным образом обстоит дело и с Люцифером.

Итак, если захотят в наши дни без дальнейшего пестовать то, что в определенных оккультных орденах фигурирует в качестве тайного знания со всей его символикой, то очень легко, как я это уже показал вчера, в лапы Аримана попадает, что дотоле практиковалось в качестве оккультизма. А если в наши дни употребить для человека то, что ранее практиковалось в качестве мистики, то с той же легкостью мистика перейдет в лапы Люцифера. Между этих двух подводных камней должен пройти корабль духовной науки. Это необычайно важно. И духовная наука должна строиться так, чтобы не оставлять места отклонениям ни в сторону мистицизма, ни в сторону оккультизма.

Вчера я вам сказал, что когда приподнимают завесу природы, то вступают в регион существ, которые знают толк в разрушении. Но эта толковость по части разрушения как раз сродни человеческому интеллекту. Я описывал вам, каким может стать человек, подпавший под власть этих существ. Такого не должно случаться. Я также вам описывал, как человек может войти как бы в горячку в отношении своих духовных обстоятельств, когда он поддается ложной мистике, либо определенному религиозному повреждению. Не должно происходить ни того, ни другого. Я также сказал, что эзотерики среди оккультистов особенно напирала на то, чтобы принудить человека употреблять свой разум на расшифровку символов, дабы не взойти неправомерным образом к тем силам, которые так страшно встречают его в этих пограничных областях, и не быть ими использованными. Можно держать этих существ на расстоянии тем, что указанным образом применяют свой рассудок, например, расшифровывая символы. Так делали раньше. Но для современности именно это уже не подходит. Это, собственно, неприменимо для нашего времени.

И вы найдете, что тот способ, каким духовная наука выступает перед человечеством, позволяет совершенно иным образом избежать

уклона в область Аримана. При этом вам придется вникнуть в особенности жизни нашего Общества в той мере, в какой оно хочет пестовать духовную науку. Очень часто приходится слышать в связи с тем или иным положением духовной науки такие слова: я, мол, не могу этого понять, пока сам не увижу этого ясновидчески, я, мол, все это принимаю на веру и доверии. Я же, в свою очередь, часто подчеркивал: с правильной точки зрения дело обстоит совершенно иначе. В нынешнее время люди располагают в достаточной мере интеллектом, чтобы по-настоящему познать все, что им дается. Вся духовная наука может быть постигнута при помощи той меры интеллекта, которая в наше время имеется у человека. Она не может быть найдена при помощи интеллекта, но он может постичь ее. И сколь часто мои дорогие друзья, приходится апеллировать к этому интеллекту. Ведь он наличествует, этот интеллект, он может быть употреблен; и кто не хочет этому внять, тот ошибается. Когда преподаваемое духовной наукой обрабатывается так, что интеллект принимает в этом участие, то он употребляется в правильном смысле. Тогда становится совершенно невозможным вступить в ариманическую область неправомерным образом. Через духовную науку невозможно неправомерным образом вступить в область Аримана. Ибо возможны только два варианта. Либо человек стремится к пониманию и употребляет интеллект, которым могут злоупотребить ариманические духи, на понимание духовной науки, и тогда интеллект нельзя урвать. Ариман может делать, что хочет, разум, который человек современности или будущего употребляет на изучение духовной науки, ему тогда не заполучить. В этом вы можете быть уверены. Либо исходной точкой человека не является понимание духовной науки, тогда он не применяет интеллекта, но это уже не вина духовной науки. Тогда виновата только лень человека относительно духовной науки.

Вы видите, в какие регионы разрушительных духов можно попасть. Это видно лучше всего при наблюдении души непосредственно в тот момент, когда она прошла через врата смерти. В этот момент с особой силой набрасываются эти духовные существа. Их там целые сонмы, и неудивительно, что они присутствуют там, ибо они ведь духи разрушения. Их обычное занятие — работать над разрушением физического организма. Это их ремесло. Надо только, чтобы они оставались там недолго.

Обладающие способностью к духовному постижению держат этих существ в удалении от тела. Но эти духи располагают огромной властью над материалистически мыслящими душами — над душами, не имеющими никакого понимания духовного мира. И особенно страдают от Аримана те души, что во время жизни пренебрегли пониманием духовного мира. Греческая мифология представила это пренебрежение пониманием духовного мира в образе Тантала. Это тот, кому боги предлагали пищу, но так, что он не мог до нее дотянуться, и затем созерцали его мучения.

Таких танталов сегодня можно увидеть множество. Это все те материалистические души, которые не пожелали усвоить никакого понимания в отношении духовного мира. Все они танталы. Они являются танталами в том смысле, что после смерти, во время Кама-

локи, когда они обзеревают свою жизнь — в обратном порядке, что длится треть жизни, — у них все обесценивается. Ибо по отношению ко всему, что они видят, в чем они жили, у них возникает одно чувство: зачем я делал то или иное? Вы видите, сразу является разрушительный дух и обесценивает все пройденное, так что они констатируют: все было напрасно! Естественно, это заблуждение, но они испытывают танталовы муки, ибо духи разрушения находятся рядом. А эти люди не приобрели никакого понимания, не могут узреть, что вся наша земная жизнь от рождения до смерти была бы бессмысленной, не будь она проникнута духами высших Иерархий. Но они не могут в своем обратном обзоре узреть этих духов высших Иерархий, и потому все должно им казаться бессмысленным.

Наша духовная наука избегает ложного оккультизма благодаря тому, что все растущую силу интеллекта, дарованную людям, обращает на построение науки, как раз требующей большой силы интеллекта, чем было раньше. Наша духовная наука должна быть такой, чтобы требовать большего напряжения ума, чем до сих пор было принято. Когда говорят, что духовную науку невозможно понять, то дело не в том, что человеку не дано достаточно ума, а в том, что он недостаточно хочет приложить свой ум. На этот счет охотно обманывают себя. Если приложить умственное напряжение, вполне посильное для современного человека, духовная наука станет вполне понятной. Так что вполне закономерно что духовная наука учитывает эту зрелость ума и тем самым избегает, с одной стороны, Сциллы; опираясь на эту умственную зрелость, мы преодолеваем Сциллу. Духовному исследователю известно, почему люди не склонны заниматься духовной наукой. Причина в том что у них нет желания приложить достаточно ума, они ленятся. Поэтому я уже упоминал о лени.

С другой стороны, надо избежать подводных камней ложной мистики. Это можно обеспечить, избегая того, чтобы вариться в собственном соку. Это постоянное заикливание на жизни собственной души, это постоянное самокопание должно быть преодолено. Душа должна выйти из своих рамок и с симпатией взирать на глубокие взаимосвязи во внешней жизни.

Поэтому изыскивалась возможность заглянуть в такие взаимосвязи, которые могут быть также обнаружены извне; этому должны служить Драмы-Мистерии. В них показываются внутренние душевные процессы. Когда мы учимся понимать, что, к примеру, происходит с Капезием, и видим, как Капезий переходит от события к событию, мы тем самым вплетаем внутреннюю жизнь в формообразующую творческую и пластическую деятельность. И в этом — суть нашего искусства. Это положено в основу всего нашего здания, чтобы души могли преодолевать себя, чтобы души не погружались в ложную мистику. Необходимо иметь это в виду, и тогда нам удастся избежать Харибды ложного мистицизма.

Все что делается нами для истолкования тайных взаимосвязей человеческой жизни, охраняет нас от ложной мистики. Когда мы таким образом следуем за Капезием, то мы живем в динамике душевной жизни, но при этом мы не копаемся в нашей собственной душевной

жизни, а выходим за ее пределы. К тому, к чему приходит мистик, мы тоже приходим. Таким образом, корабль духовной науки должен целенаправленно пройти между обоими подводными камнями. В итоге удастся избежать ложного оккультизма и ложного мистицизма.

Итак, наша духовная наука действительно живет в соответствии с потребностями и требованиями нашего времени. Очень важно не упускать этого из виду, и по этой причине я должен был часто протестовать против ложной популяризации духовной науки — против такой популяризации, которая не требует достаточного напряжения мысли. В равной мере я должен был протестовать против всего, что ведет к воспаленной, эгоистической мистике, постоянно барахтающейся в своем внутреннем, обнаруживая там Действительное, Божественное и т.д., вместо того, чтобы искать Божественное во внешнем ходе жизни, когда симпатии проникают все явления.

Я недавно кому-то говорил, что духовную науку можно рассматривать как что-то очень полезное. Я сказал это не для того, чтобы нескромным образом подчеркнуть заслуги духовнонаучного движения, а только, чтобы показать, что в этом движении действительно можно получить нечто позитивное. Я говорил: если, собственно, взять только позитивное, которое можно извлечь, а все другое, что не интересует, оставить в стороне, все же наша духовная наука представляется чем-то необычайно полезным. Проследите особенности развития нашей духовной науки за полтора десятилетия, и вы увидите, что помимо того, что мы дали на духовнонаучной ниве, в лоне самой духовной науки содержится большое количество естественнонаучных истин, художественных достижений и великое множество другого. Представьте чисто гипотетически, что не было бы никакой духовной науки, а было бы только то, что создано нами на поприще науки и искусства,— одно это уже следовало бы принять как нечто позитивное. Но это позитивное опять-таки возникает из определенного расчета, ибо благодаря этому душевный строй освобождается от бредовых построений. И потому мы старались всеми способами так организовать наше духовнонаучное движение, чтобы оно могло поступательно развиваться правильным образом. В этом смысле духовнонаучное движение можно действительно рассматривать как своего рода организм. И если его рассматривать как организм, то можно подумать: он должен расти как организм, как человеческий организм, который по прошествии семи лет получает вторые зубы. Он должен осваивать вторые зубы, свои индивидуальные зубы, которые он получает.

Я рассказывал на предыдущих лекциях, что мы вынуждены были примкнуть к Теософскому движению. В январе 1902 года мы основали немецкую секцию и тем самым примкнули к Теософскому движению. Вначале мы могли развиваться дальше, потому что делали это совершенно самостоятельно, несмотря на то, что пребывали в лоне Теософского движения. А потом мы должны были обзавестись собственными зубами. Они нам очень требовались. В 1909 году (1902+7=1909) пришла необходимость обзавестись собственными зубами. Припомните, что это были годы, когда авантюра Ледбитера сделала все нестабильным. Видите, уже тогда была необходимость

постепенно развивать собственные зубы. 1916 год уже на горизонте. Тогда будет завершено второе семилетие. Имея позади это второе семилетие и всерьез принимая идею органического развития, мы должны будем констатировать зрелость этого организма. И теперь духовнонаучное движение, если оно является настоящим организмом, должно показать, что оно стало зрелым. Оно действительно должно быть зрелым, должно уметь делать кое-что самостоятельно. После всего, что было дано, нужно продвинуться настолько, чтобы и без учителя что-то могло быть, состояться и действовать. И вот это хотелось бы подготовить. Я часто указывал вам, что необходимо нечто в этом роде. И на самом деле мы должны не упускать из виду такую необходимость. Я уже и раньше, в Берлине, говорил*: в Теософско-артистическом обществе должно присутствовать нечто, что могло бы освободить вас от меня и дать возможность жить собственной жизнью. И это становится все более актуальным: освобождение от меня и самостоятельность жизни, хотя бы в зачаточном виде. Мы должны преодолеть опасность, состоящую в том, что дела только тогда, собственно, хорошо идут, когда изо дня в день вливается исходящее от меня. Мы уже в таких летах, когда Общество должно показать себе, что вы с тем же успехом можете пестовать то, что следует пестовать, как если бы меня здесь не было.

[* См. речь в Берлине от 15 декабря 1911 г. в томе "Материалы Эзотерической школы" (GA 264).]

Это совершенно необходимая мысль. Положение вещей таково, что, когда вы теперь воздействуете на души людей, уже многое может быть сделано без меня. Я не хочу сказать, что я отстраняюсь. Но мое все более мимолетное присутствие должно быть некоей пробой. Мы должны капитально преодолеть существующую ситуацию, когда наши сочлены не знают друг друга и не общаются между собой! Ибо стоит только гипотетически себе представить, какую вредную службу сослужило бы, если бы все жили, постоянно говоря себе: у нас есть Правление, за ним должны мы следовать. Или: вот Правление, через него все образуется. Так дело не пойдет. Куда можно прийти, если в один прекрасный день меня не станет? Тогда ведь все Общество сразу распадется. Но мы только тогда достигнем того, что должны достичь, если после 14 лет продвинемся настолько, что будем иметь в себе собственную жизнь, из которой вытекало бы дальнейшее. И в этом нет ничего невозможного, если только мы осознаем наше стремление. Некоторые годы оказались для нас трудны, но мы должны преодолевать и такие трудности. И мы многое из того, что я вам сам хотел бы предложить, оценим иначе, если осуществится то, на что я вам сейчас указал. Многие сейчас трудно. Я хотел бы описать эти трудности парадоксально: существуют определенные вещи — таковы уж они, — которые нельзя высказывать просто так, и сказанное за последние четыре дня я охотнее высказал в небольшом замкнутом кругу, а не перед большой аудиторией. И все же я должен снова идти на компромисс, ибо мы живем в такое время, которое неблагоприятно для такого рода скрытности. Это не проходит.

Чтобы внести ясность, мы должны правильно себе представить эти вещи, которые я пытался рассматривать в последние дни. Мы должны

попробовать также представить внутренний характер духовной науки — тогда нам станет ясно, почему нам приходится иметь в качестве врагов, с одной стороны, ученых, которые идеологизируют базу своих данных, а с другой — духовенство, старающееся завуалировать все, что лежит по ту сторону повседневной душевной жизни.

Мы должны доверительно придерживаться нашего учения, должны также хотеть глубже проникнуть в его своеобразие. Направим, например, наше внимание на то, как мы поставили мистерию Голгофы в самую сердцевину нашего стремления и как мы часто описывали Христа, входящего в Иисуса из Назарета, то есть нисходящего из другой сферы сознания как раз в сферу сознания, актуальную для физической земной жизни человека. Но тем самым уже подчеркнута, что Христос есть именно космическая Сила, но при этом Христос Иисус есть и земная Сила, которая продолжает жить в земном сознании людей и вообще земных свершениях. Вот почему Новый Завет не может быть никаким естествознанием, ибо то, что находится по ту сторону природы, если считаться с реальностью, лежит вне нашего сознания; но Новый Завет не может быть также никакой духовной наукой, ибо в этом случае и человек должен находиться по ту сторону. В этом как раз поразительное величие и значение Нового Завета, что он не желает быть ни неким естествознанием, ни некоей духовной наукой, что является также резонансом не употреблять его в полемике против духовной науки. Но в этом-то как раз и намечаются мотивы, по которым все снова и снова именно представители тех или иных религиозных течений восстают против духовной науки — восстают весьма ощутимым образом, ибо именно они хотели бы ни за что не допустить человека в тот мир, который внушает им огромный страх. Они страшатся того, что человек вступит в него и сможет открыть там то, что реально заложено в нем как вечная субстанция души. А они хотели бы внушить людям, что то, что человек о себе знает, и так является достоянием вечности. Видите ли, вчера я уже говорил: если действительно будет обосновано материалистическое мировоззрение, если оно одно завоеует место и никакой духовной науки для людей не будет, то люди должны будут захлебнуться в скептицизме и сомнении, ибо они разольются как духовное море, в котором утонут души. А результатом того, что люди будут удержаны от проникновения за завесу душевных миров, будет незнание. И, в конце концов, незнание задушит человека; оно должно распространиться, если те, кто представляют весь спектр религиозных течений, одержат победу. А победы ученые — разольется море сомнений, где человек утонет. Если победят те, кто в указанном смысле считают себя духовенством различных религиозных конфессий, то распространится атмосфера невежества, которая задушит человеческие души. Вот с какой серьезностью поставлена перед духовной наукой ее задача. И серьезность этой задачи мы должны иметь в виду. Мы должны рассматривать себя в некотором роде как людей, которых карма привела к духовной науке, чтобы поставить свой ум и свое сердце на служение, но не духовной науке, а общечеловеческому прогрессу. И миру это нужно, очень нужно.

И так вы видите, как на одной стороне поистине материалистическое мировоззрение хочет занять место и как ничто не

помогает из того, что ему противостоит! И вы видите, как на другой стороне трудятся над распространением невежества, как все больше и больше нивелируются факты духовного мира! Вы же видите, как со стороны определенных душеспасателей тех или иных конфессий с ненавистью преследуется каждое положительное сообщение из духовного мира!

Я посвятил эти лекции тому, чтобы указать направление, которое должна принять духовная наука; чтобы вы учились осознавать и видеть: вот ученые, мы должны с ними бороться; но они не могут иначе, ибо их держит Ариман, а он хотел бы спрятать движущую пружину их деятельности. А другие — да, мы должны с ними бороться — но и они не могут иначе, ибо их держит Люцифер. Мы приходим к поистине правильному, когда позитивным образом принимаем то, что нам может дать духовная наука. Если бы нашлось какое-то число людей, которые могли бы оценить уникальность духовной науки, которые прозревали бы, что духовную науку нельзя путать с тем или другим, то этого бы действительно хватило, мои дорогие друзья.

Многому можно научиться и на ошибках и с этой точки зрения примириться с ними. Это еще важнее, чем занять по отношению к заблуждениям критическую позицию, что временами ведь необходимо. Я говорил: Ариман, собственно, хотел бы, в сухом остатке, в будущем принести людям разум. Но с этим связано — поскольку его служители своими высшими силами состоят в связи с низшими силами человека — ещё нечто иное, когда он хотел бы установить союз между высшими и низшими силами. Обычно Ариман управляет в мире тем, что приносит болезни. Мы знаем, что и они должны быть, что они приносят смерть в физический мир. Все разрушительное в физическом мире приносится им. Но нужно познать эту взаимосвязь. Когда то, что находится в низших сферах, возводится к высшим, то приходят в связь с существами, пребывающими там, — с этими разрушительными существами. Тогда выступают из себя навстречу Ариману и ариманическим духам. И когда таким образом в большой степени производится нечто из себя, тогда замечают, что определенные низшие части организма начинают действовать так, как в противном случае действуют высшие части организма.

Если человек испытывает робость перед правильным точным мышлением и хочет, тем не менее, вступить в духовный мир, то может случиться и так — он войдет в духовный мир. Конечно, объективное переживание имеет место, человек действительно живет в этой духовной области, где находятся разрушительные силы, он пересекает порог. Затем человек возвращается в свое тело; он заключил пакт с этими разрушительными силами и ничего об этом не знает. Человек там не познает себя, если правильно не развил собственный интеллект. Затем происходит так, что он начинает чувствовать в себе эти разрушительные силы. И вместо того, чтобы думать, чтобы слышать ушами и видеть глазами, тогда в низинах нашего организма начинают видеть и слышать разные тайные силы. Наше тело больше нам не принадлежит в том смысле, в каком оно нам принадлежало. Возвратись в тело, мы находим его наполненным разными ингредиентами. Для нас это как бы новое существо.

Это незнакомство с собственным телом, это вхождение в тело как в сепаратное существо, в котором наличествует нечто незнакомое, — вот что может случиться с тем, кто не предан пути, не придерживается его. Ибо Ариман имеет стремление укорениться в человеческом теле и преобразовать определенные органы в органы познания. А Люцифер опять-таки имеет стремление, чтобы его духи, которые являются пламенеющими духами воли, изъяли у нас определенные вещи, чтобы сделать их самостоятельными; так что когда человек пересекает порог с люциферической стороны и возвращается обратно, он ощущает известные части пустыми, как если бы что-то было изъято. Ариман нечто придает, когда входит в человека; он полностью его заполняет. Люцифер отнимает органы и делает самостоятельным то, что в противном случае принадлежало бы человеку.

Таково истинное устремление Люцифера — сделать самостоятельным то, что нам принадлежит. Поэтому также у того, кого я называл неправомерным мистиком, так легко обработать его знание, чтобы затем изъять его, ибо такой мистик трансформировал свою свободную волю в визионерское ясновидение. Так оно и есть на самом деле: здесь находится человек, а затем приходит Люцифер, и нечто изымается из его мозга — его разум. Разум изымается в виде фрагмента эфирного мозга либо же изымается фрагмент эфирного сердца, и тогда человек чувствует на этом месте пустоту. Изолированное таким образом имеет тенденцию к самостоятельности. Таков реальный феномен среди тех поистине эгоистических духов, которые достигли известной высоты в своем развитии. По ним можно увидеть, как определенные части их сил изымаются и затем пребывают во внешнем мире. Люцифер крадет у человека определенные силы, посредством которых он потом действует. Это его хватка. Такому обороту дел, понятно, надо воспрепятствовать, последнее же доступно только через преданное следование по правильному пути. Но Люцифер остается при своем — нечто отнять у человека и дать отнятому как бы внешнее сепаратное существование, к примеру, отнимает у учителя его учение и дает последнему независимое существование в мире. Вот вам область, где происходят эти вещи. На ошибках можно многому научиться — а именно, на той ошибке, что учение может быть оторвано от учителя. Благодаря наблюдению таких фактов можно научиться чему-то совсем другому, нежели через критику, которая, конечно, может быть весьма правомерной. Можно проникнуться тем, какая опасность заложена в том, что в будущем человеческого развития такие факты будут множиться. И такая опасность уже на горизонте!

С другой стороны, человечество идет навстречу той опасности, что при самостоятельном развитии Самодуха Ариман завладевает этим Самодухом. Уже сейчас можно увидеть, если обладать для этого достаточной восприимчивостью, как люди становятся все несамостоятельней, и как, собственно, Арман водит их рукой, когда они пишут то или другое. Это одна сторона, а другая в том, что опять-таки эти вещи могут быть присвоены и использованы, а за этим стоит надежда, что можно отделиться от похитителя. Таковы две предстоящие опасности.

Но единственным истинным и правомерным путем будет, если человечество примет платформу духовной науки, так что на одной стороне природа предстанет в том освещении, которое возникнет, когда ее завеса будет приподнята на путях духовной науки. Следуя этому направлению, можно ожидать расцвета зоологии, ботаники, сельского хозяйства. Все, включая медицину, будет оплодотворено на путях духовной науки. Но только тем удастся обновить правильным образом медицину на путях духовной науки, кто не боится проникать за покров природы, так что приходится вступать в ариманический мир и бороться с силами разрушения. И чтобы принести целительное людям, приходится вступать в область тех духов, которые хотели бы уничтожить все в человеческой жизни, насылая болезни и смерть, ибо только там, где находятся глубинные причины смерти и болезней, может быть найдено лекарство против них.

Равным образом и тот, кто хотел бы познать, что произрастает в человеческой душе, не должен бояться вступать в борьбу с люциферическими существами. Надо сохранять моральное мужество, если хотят переступить порог, надо знать, что вступаешь в регион духовных существ, которые хотят каждую мысль довести до легкого обморока, ибо она должна быть оторвана, ведь мысль в её мимолетности должна быть быстро схвачена, чтобы не быть украденной. Невозможно проникнуть в эту область без того, чтобы на самом деле со всей невозмутимостью не вступить в бой со всем, что в случае перекося могло бы привести человека именно к односторонности субъективной мистики.

Но духовная наука направляет нас таким образом, что из ее понимания в нас рождается реальная сила побеждать разрушительные ариманические силы в любой ситуации. И когда мы применяем духовную науку относительно становления человеческой жизни, как мы это делаем в Драмах-Мистериях, и к развивающейся жизни природы, как мы это делаем с нашими колоннами и формами архитравов*, следующих за природными силами, или проникаем в тайны мирового развития, когда противопоставляем Люциферу и Ариману Христа в нашей скульптурной группе, когда мы так подходим к вещам, что духовные силы предстают нам столь же предметно, как они живут в реальности, тогда мы обретаем силу, которой не дано односторонним мистикам: бороться с люциферическими духами.

[* См.: "Дорнахское здание как знак исторического становления и художественного импульса преображения" (GA 287).]

Из этого вы видите, что духовная наука должна быть именно такой, как она практикуется среди нас, и то, что духовная наука помимо своего теоретического развития создает еще в том или ином направлении, необходимым образом также относится к ней. Попробуем все больше использовать наше мышление, как это пристало духовнонаучному мышлению. Ибо освободившись от предрассудков, господствующих во внешнем мире, мы можем занять достойную позицию в духовной науке.

